

Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь

Установа адукацыі
«Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны»

Гістарычны факультэт

· AD JUBILAEUM ·

**Да 70-годдзя стварэння
гістарычнага факультэта**

Зборнік навуковых артыкулаў

У 2 частках

Частка 1

Гомель
ГДУ імя Ф. Скарыны
2015

УДК 94:378.076:94(476.2-21)

Ad jubilaeum : да 70-годдзя стварэння гістарычнага факультэта :
зборнік навуковых артыкулаў : у 2 ч. Ч. 1 / рэдкал.: В. А. Міхедзька (адк.
рэд.) [і інш.] ; М-ва адукацыі РБ, Гом. дзярж. ўн-т імя Ф. Скарыны. –
Гомель: ГДУ імя Ф. Скарыны, 2015. – 231 с.

ISBN 978-985-577-021-4 (Ч. 1)

ISBN 978-985-577-023-8

У першай частцы юбілейнага зборніка прадстаўлены навуковыя артыкулы па актуальных праблемах айчыннай і ўсеагульнай гісторыі, у тым ліку разглядаюцца пытанні археалогіі, гісторыі і сучаснай трансфармацыі традыцыйнай культуры і мастацтва, сацыяльныя працэсы новага і навейшага часу, гісторыі адукацыі.

Будзе карысны навуковым супрацоўнікам, выкладчыкам, аспірантам, магістрантам, студэнтам, усім, хто цікавіцца гісторыяй.

Рэкамендаваны да друку навукова-тэхнічным саветам установы
адукацыі «Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт
імя Францыска Скарыны»

Рэдкалегія:

В. А. Міхедзька (адказны рэд.), М. М. Мязга, А. Р. Яшчанка,
С. А. Чаропка, Г. А. Аляксейчанка, В. К. Сцепанюк

Рэцэнзенты:

доктар гістарычных навук *У. С. Кошалеў*;
кандыдат гістарычных навук *А. Д. Лебедзеў*

ISBN 978-985-577-021-4(Ч. 1)
ISBN 978-985-577-023-8

© Установа адукацыі «Гомельскі
дзяржаўны ўніверсітэт
імя Францыска Скарыны», 2015

З ГІСТОРЫІ ГІСТАРЫЧНАГА
ФАКУЛЬТЭТА

РЕПОЗИТОРИЙ ГТУ ИМЕНИ Ф.СКОРИНЫ

А. И. ЗЕЛЕНКОВА, М. П. САВИНСКАЯ

(УО «Гомельский государственный университет им. им. Ф. Скорины»)

**ПОДГОТОВКА СТУДЕНТОВ-ИСТОРИКОВ :
ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ
ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА (1944–1998 ГОДЫ)**

В статье освещаются основные этапы становления и развития исторического факультета, открытого в 1944 г. в Гомельском государственном педагогическом институте. В статье более подробно описываются первые годы его работы. Источниками для написания статьи стали документы архивов г. Гомеля. Впервые введены в научный оборот некоторые документы из личных дел преподавателей факультета.

В Гомельском государственном педагогическом институте подготовка студентов-историков началась в 1944 г. после освобождения Гомеля от гитлеровских войск и возобновления деятельности вуза. На протяжении семидесяти лет исторический факультет неоднократно преобразовывался. Созданный как самостоятельный в годы реформирования системы высшего образования в стране факультет прошёл разные этапы становления и развития. После создания на базе педагогического института Гомельского государственного университета подготовка студентов-историков осуществлялась на историко-филологическом и несколько лет на историко-юридическом факультетах. На рубеже XX–XXI веков начался новый этап истории факультета.

Создание исторического факультета осуществлялось в непростых условиях разрухи и продолжавшейся ожесточённой борьбы за освобождение Беларуси. 31 мая 1944 г. СНК БССР принял постановление «О возобновлении работы Гомельского Педагогического и учительского институтов». Кроме трёх факультетов пединститута (литературный, физико-математический, естествознания), существовавших в довоенный период, в связи с острой необходимостью подготовки кадров по обществоведческим дисциплинам в нём впервые с 1944/45 учебного года был организован исторический факультет. В учительском институте в соответствии с приказом НКП БССР от 28 ноября 1944 г. появилось историко-филологическое отделение [1, с. 3].

Перед началом нового 1944/45 учебного года началась организационная работа по созданию исторического факультета. Первым деканом исторического факультета был назначен доцент Ахремчик Михаил Иванович. В приказе № 25 по Гомельскому государственному пединституту отмечалось : «Согласно направлению НКП БССР тов. Ахремчика М.И. назначить зав. кафедрой марксизма-ленинизма с окладом 1 320 руб. и временно исполняющим обязанности декана истфака с 12 августа 1944 г. с окладом 550 руб.» [2, л. 5об.]. Ахремчик М.И. окончил Ленинградский Красноармейский институт им. Толмачёва. В 1920-е годы он занимал различные должности в партийных органах, а с 1933 по 1943 гг. работал преподавателем в вузах СССР [3].

Первым сотрудником исторического факультета был Орлов Соломон Маркович, назначенный «старшим преподавателем истории с 8 августа 1944 г. с окладом 1 000 руб.» [2, л. 5]. В 1920–1930-е гг. преподавательская деятельность Орлова С. М., выпускника Высшей военно-педагогической школы и Военно-политической академии им. Ленина, была связана с военными учебными заведениями. С 1939 по 1941 гг. он работал старшим преподавателем и заведующим кафедрой истории Гомельского пединститута. В годы войны находился в эвакуации в Кировской области и возглавлял педагогическое училище в г. Халтурин [4].

14 августа 1944 г. была сформирована и «утверждена экзаменационная комиссия по приёму в педагогический и учительский институты в составе : ...7) по истории – Ахремчик М.И., Орлов С. М., Гудов П.П.» [2, л. 6]. Изучив приказы по пединституту за 1944/1945 учебный год, следует отметить, что зачисление студентов в вуз осуществлялось в течение всего первого семестра по мере возвращения населения из эвакуации и демобилизации военнослужащих. Инвалиды войны имели льготы и зачислялись без вступительных экзаменов. Однако были и случаи отчисления студентов. Например, ещё до сдачи зимней сессии (приказ № 121 от 23 января 1945 г.) студентка П. была отчислена «за сокрытие при поступлении в институт порочащих её фактов, имевших место во время оккупации г. Гомеля немецкими фашистами» [2, л. 48].

Приказом НКП № 181 от 21 декабря 1944 г. для осуществления учебно-воспитательного процесса на историческом факультете была создана кафедра истории народов СССР. Заведующим кафедрой был утверждён доцент Н.Д. Фирсов, работавший в Московском государственном педагогическом институте им. Ленина и по совместительству в Гомельском педагогическом институте [5, л. 13].

С 13 января 1945 г. деканом исторического факультета была назначена преподаватель педагогики Клара Абрамовна Комиссарчик. После окончания Минского пединститута и аспирантуры Московского института психологии К. А. Комиссарчик работала преподавателем МГПИ и старшим научным сотрудником научно-исследовательского института школ БССР, а в годы Великой Отечественной войны – старшим преподавателем Бухарского пединститута. После освобождения Гомеля она работала лектором Гомельского горкома КПБ [6].

Первые месяцы работы исторического факультета, как и вуза в целом, проходили в трудных условиях. На заседании Совета пединститута 23 марта 1945 г. К.А. Комиссарчик отмечала: «Тяжёлое положение создалось на историческом факультете. Учебный план не выполняется. История древнего мира совсем ещё не читалась. Зав. кафедрой истории находится в Москве. Предлагаю принять срочные меры к ликвидации недочётов, в противном случае учебный план не будет выполнен». Итоги работы факультета были рассмотрены на Совете вуза 23 апреля 1945 г. и намечены перспективы его развития [7, лл. 1об., 17].

Первая сессия проводилась с 10 по 28 февраля 1945 г. в «соответствии с приказом Всесоюзного Комитета по делам высшей школы и телеграфным распоряжением Наркома просвещения БССР т. Е.И. Ураловой» [2, л. 48об.]. 1944/1945 учебный год успешно окончили и были переведены на второй курс 34 студента исторического факультета. В соответствии с приказом от 25 мая 1945 г. на весеннюю экзаменационную сессию (25 июня – 15 июля) были вынесены следующие предметы: «зачёты – белорусский язык, всемирная литература, старославянский язык, история СССР. Экзамены – белорусский язык, история древнего мира, основы марксизма-ленинизма, психология, военно-физическая подготовка, иностранный язык» [2, л. 81].

Как свидетельствуют архивные документы, в первые годы на кафедре истории работали преподаватели Орлов С. М., Фейгенберг Я.Г., Бернштейн И.Н., Бочурко А.А., Вольский И.П., Кужелев Л.С., Александренко Л.В. (кандидат исторических наук, доцент), Джамилинский А.М. (кандидат исторических наук, доцент). Заведующий кафедрой доцент Фирсов был уволен. В приказе от 1 сентября 1945 г. отмечалось: «В связи с тем, что заведующий кафедрой истории доцент Фирсов за прошедший учебный год только два раза приезжал в институт из Москвы и никакого руководства кафедрой не проводил просить Наркомпрос БССР освободить его от исполняющего обязанности зав. кафедрой с 1 сентября и представить

на утверждение вр.и.о. заведующего кафедрой истории старшего преподавателя Орлова С. М.» [2, л.3].

Необходимо отметить, что учитывая общественно-политическую обстановку в стране и усиление идеологической работы среди населения наш вуз в послевоенные годы возглавляли кандидаты исторических наук Алексейчик Михаил Фёдорович (1947–1954 гг.), Ажгирей Степан Филиппович (1954–1964 гг.), Ивашенко Николай Миронович (1964–1969 гг.) [8, с. 98, 137, 146].

1 сентября 1947 г. деканом исторического факультета был назначен Гуревич Анатолий Максимович, выпускник Ленинградского государственного университета им. А. Жданова и аспирантуры этого же вуза. В 1941–1947 гг. он работал преподавателем курсов усовершенствования офицерского состава Вооружённых Сил в г. Ульяновске [9].

В начале 1947/1948 учебного года истории народов СССР была разделена на две: кафедра истории народов СССР (заведующий – старший преподаватель Артеменков М. Н.) и кафедра всеобщей истории (заведующий – старший преподаватель Гуревич А. М., совмещающая с должностью декана факультета).

По мере роста факультета увеличивался и преподавательский состав. На кафедру истории народов СССР были приняты преподаватели Лерман С. И. (история СССР), Мошканова О. Е. (история СССР), Каминский Г. С. (методика преподавания истории, руководитель педагогической практики), на кафедру всеобщей истории – Коробочко А. И. (история средних веков), Модина Э. Б. (новая история стран Востока). Руководство института обращало особое внимание на необходимость повышения квалификации преподавателей и создавало условия для этого. Например, Лерман С. И. в течение нескольких лет систематически выезжал в командировки для работы в библиотеках Ленинграда и Москвы. По завершении работы над диссертацией директор Гомельского пединститута М.Ф. Алексейчик направил ректору ЛГУ телеграмму: «Гомельский пединститут просит ускорить защиту диссертации Лермана. Согласны оплатить расходы. Сообщите сумму, номер счёта, ориентировочную дату защиты» [10].

Ведущие научные центры СССР и БССР оказывали помощь преподавателям исторического факультета в выборе тем научных исследований, консультировали их в процессе работы. Так, на заседании Учёного Совета Института истории Академии наук БССР 18 марта 1950 г. с целью координации рассматривался план научно-исследовательской работы кафедр исторического факультета Гомельского пединститута. «Согласно плана, принятого кафедрой

истории СССР предусмотрена тема: «Гомель в прошлом», исполнитель старший преподаватель Артеменков. Считаю, тему неясно сформулированной, следует уточнить период исследования. По кафедре всеобщей истории вызывает сомнение целесообразность темы ассистента Куриленко «Вопросы взаимосвязи в курсах древней и средней истории». Автор, видимо, намерен выяснить методику преподавания древней и средневековой истории в школе. Но в таком случае тема выходит за пределы круга вопросов научно-исследовательской работы в области истории» [11, л. 430].

Первый выпуск исторического факультета состоялся в 1948 г., к государственным экзаменам были допущены 33 человека, из которых 5 человек получили все оценки «отлично», одному студенту был вручен диплом с отличием. Одновременно осуществлялся выпуск и по историческому факультету Учительского института [1, с. 5].

С начала 1950-х гг. и до реорганизации факультета исторические кафедры возглавляли доценты И. А. Ильиных и К. В. Элле.

Кафедру истории народов СССР с 1949 г. возглавлял Иван Афанасьевич Ильиных. В 1930-е гг. он учился в Московской Высшей школе профдвижения ВЦСПС и Институте Красной профессуры и по направлению ЦК КПСС работал в научно-исследовательских и педагогических учебных заведениях ВЦСПС. В первые дни Великой Отечественной войны И.А. Ильиных ушёл добровольцем в составе московского народного ополчения на Западный фронт. После ранения попал в окружение и участвовал в партизанском движении в Смоленской и Брянской областях. С 1943 по 1946 г. находился на партийной работе, а затем возглавлял кафедру в Московской Высшей школе профдвижения [12]. В 1955/1956 учебном году И. А. Ильиных был назначен деканом исторического факультета.

Кафедрой всеобщей истории с 1950 г. руководил Кузьма Васильевич Элле. После окончания Казанского педагогического института и аспирантуры государственной Академии истории материальной культуры (г. Ленинград) он занимался научной и преподавательской деятельностью в соответствующих учреждениях СССР (Чувашия, Киргизия, Украина) [13].

В середине 1950-х гг. в связи с проходившими в высшем образовании преобразованиями в Гомельском пединституте были проведены изменения в составе факультетов. Особенно негативно эти изменения отразились на историческом факультете. В 1955/1956 учебном году исторические кафедры были объединены и образована кафедра истории в составе семи человек (заведующий кафедрой – Ильиных И. А.). В 1956 г. набор на специальность «История» не проводился. Для студентов II–IV курсов были введены переходные

учебные планы, которые включали филологические дисциплины. Факультет стал называться историко-филологический (декан – Масюкова А. И.). Выпускники сдавали государственные экзамены по истории КПСС, истории СССР, русскому (или белорусскому) языку и литературе, педагогике с методикой языка и им присваивалась квалификация «Преподаватель истории, русского (белорусского) языка и литературы». Набор на историко-филологический факультет был прекращён, а в 1961 году был сделан последний выпуск. В 1959 г. преподаватели кафедры истории переведены на кафедру марксизма-ленинизма. Согласно приказа Министерства, в мае 1961 г. в институте была создана кафедра философии и политэкономии, которую в 1967 г. разделили на две самостоятельные. В начале 1963 г. открыта кафедра истории КПСС [1, с. 9].

Подготовка специалистов-историков была возобновлена после преобразования Гомельского государственного педагогического института в 1969 г. в университет. По согласованию с Министерством высшего и среднего специального образования СССР в ГГУ при историко-филологическом факультете была открыта специальность «История» с набором на первый курс в количестве 50 человек [1, с. 10].

С 1972 по 1982 г. деканом историко-филологического факультета была выпускница Гомельского педагогического института, кандидат исторических наук, доцент Тамара Игнатьевна Езепова.

Для обеспечения учебного процесса в 1972 г. была создана кафедра истории СССР и всеобщей истории (заведующий – кандидат исторических наук, доцент Георгий Саввич Евдокименко, с 1980 г. – кандидат исторических наук, доцент Зоя Николаевна Сорока).

Согласно приказа Минвуза БССР № 392 от 19 июля 1984 г. кафедра истории СССР и всеобщей истории с 1 сентября была закрыта и открыты две кафедры: истории СССР и БССР, всеобщей истории. В состав кафедры истории СССР и БССР входили А. А. Рубан, Г. С. Евдокименко, З. М. Семейных, Г. А. Алексейченко, В. И. Бышик, В. С. Гладышев, М. В. Гусева, В. И. Сычѳв, Л. Г. Савенок и закреплялись следующие дисциплины: история СССР, методика преподавания истории и обществоведения, источниковедение истории СССР, историография истории СССР, введение в специальность, вспомогательные исторические дисциплины, дисциплины в соответствии с особенностями республики, педагогическая практика, дисциплины специализации. Кафедра всеобщей истории – Г. Г. Лазько, Л. Н. Гаранин, А. А. Титова, В. В. Богомольников, И. П. Безручко, В. Ф. Маслоков, А. М. Бабков, Е. А. Бровкин и закреплялись дисциплины: основы

этнографии, история первобытного общества, история древнего мира, история средних веков, история стран Азии и Африки, история нового времени, основы археологии, экскурсионная, археологическая, музейная практики, дисциплины специализации.

Кафедру истории СССР и БССР возглавил Георгий Саввич Евдокименко, (с 1987 г. кандидат исторических наук, доцент Анатолий Алексеевич Рубан), а кафедру всеобщей истории – кандидат исторических наук, доцент Григорий Григорьевич Лазько.

Рост кадрового потенциала, улучшение материальной базы позволили руководству университета поставить вопрос о создании самостоятельного исторического факультета. Решением Учёного Совета университета от 21 апреля 1988 г. «в целях дальнейшего совершенствования учебного процесса открыть 1 июня 1988 г. исторический факультет и назначить временно исполняющим обязанности декана Н. Ф. Гулицкого декана филологического факультета». С сентября 1988 г. исторический факультет возглавил кандидат исторических наук, доцент Михаил Иванович Старовойтов.

С целью совершенствования преподавания дисциплин общественно-гуманитарного цикла решением Учёного Совета университета от 30 января 1992 г. закрыты кафедры политической истории и истории СССР и БССР и с 10 мая 1992 г. на историческом факультете были открыты кафедры истории Беларуси и истории восточнославянских народов (приказ № 38 от 6 марта 1992 г.).

В разные годы кафедру истории Беларуси возглавляли доктор исторических наук, профессор Эдуард Матвеевич Энтин, кандидат исторических наук, доцент Виктор Петрович Пичуков.

В 1991 г. на факультете была открыта новая специальность «История» с дополнительной специальностью «Иностранный язык» (английский и немецкий языки).

По решению Учёного Совета университета от 27 февраля 1992 г. «для совершенствования структуры университета и приведения названия факультетов в соответствие с характером выполняемой учебной и научной работы» исторический факультет был переименован в историко-юридический (приказ № 44 от 11 марта 1992 г.).

Новым этапом в истории факультета, на наш взгляд, можно считать 1998 г., так как 4 июня этого года Совет университета принял решение «в связи с тем, что большинство студентов историко-юридического факультета (60%) являются студенты, обучающиеся по специальности «Правоведение», разделить с 1 июля 1998 г. историко-юридический факультет на два – исторический и юридический. Закрепить за историческим факультетом кафедры: философии,

политической социологии, истории Беларуси, истории восточнославянских народов, всеобщей истории» [14].

В настоящее время в структуре исторического факультета четыре кафедры: кафедра истории Беларуси (заведующая – кандидат исторических наук, доцент Оксана Григорьевна Ященко), кафедра всеобщей истории (заведующий – кандидат исторических наук, доцент Станислав Александрович Черепко), кафедра истории славян и специальных исторических дисциплин (заведующий – кандидат исторических наук, доцент Геннадий Александрович Алексейченко), кафедра философии (заведующая – кандидат философских наук, доцент Валентина Кузьминична Степанюк). С 2004 г. исторический факультет возглавляет кандидат исторических наук, доцент Николай Николаевич Мезга.

Необходимо отметить, что подготовка специалистов-историков в нашем вузе осуществляется на протяжении семидесяти лет. В связи с юбилеем факультета под руководством преподавателей кафедры истории славян и специальных исторических дисциплин Аллы Ивановны Зеленковой и Марины Петровны Савинской студенческим научно-исследовательским проектом «Альма-матер» (студенты Шаповалова Ю., Казакова А., Уздовская О., Суходолова В., Пронабис О., Тарасовец А., Белец М.) началась работа по изучению истории факультета и оформлена экспозиция «Гістарычны факультэт у падзеях і асобах». Несомненно, и в дальнейшем студенты историки будут с интересом изучать богатую историю родного факультета.

Список использованных источников и литературы

1. Зеленкова А. И., Савинская М. П. Из истории создания и становления исторического факультета Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины // Гістарычнаму факультэту – 20 гадоў : зборнік навуковых прац гістарычнага факультэта ГДУ імя Ф. Скарыны / рэдкал. : В. А. Міхедзька і інш. Гомель, 2009. С. 3–12.
2. Государственный архив Гомельской области (далее – ГАГО). Ф. 1429. Оп. 5. Д. 2.
3. ГАГО. Личное дело М. И. Ахремчика.
4. ГАГО. Личное дело С. М. Орлова.
5. ГАГО. Ф. 1429. Оп. 5. Д. 1.
6. Архив УО «Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины». Личное дело К. А. Комиссарчик.
7. ГАГО. Ф. 1429. Оп. 5. Д. 6.
8. Старовойтов М. И., Зеленкова А. И., Савинская М. П. Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины : Исторический очерк. Гомель : УО «ГГУ им. Ф. Скорины», 2005.

9. Архив УО «Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины». Личное дело А. М. Гуревича.
10. Архив УО «Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины». Личное дело С. И. Лермана.
11. ГАГО. Ф. 1429. Оп. 11. Д. 1.
12. Архив УО «Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины». Личное дело И. А. Ильиных.
13. Архив УО «Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины». Личное дело К. В. Элле.
14. Архив УО «Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины».

УДК 378.096:94*Г.С. Евдокименко

А. И. ЗЕЛЕНКОВА, М. П. САВИНСКАЯ
(УО «Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины»)

**ГЕОРГИЙ САВВИЧ ЕВДОКИМЕНКО :
ИСТОРИК, ТАЛАНТЛИВЫЙ ОРГАНИЗАТОР И ПЕДАГОГ**

Статья посвящена жизни и деятельности кандидата исторических наук, доцента, ветерана Георгия Саввича Евдокименко, который внёс огромный вклад в становление исторического образования в Гомельском государственном педагогическом институте и университете. Он воспитал целую плеяду историков. Многие его ученики в настоящее время работают на историческом факультете Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины.

Семь десятилетий в Республике Беларусь ежегодно отмечается праздник Победы. Особое значение он имеет для тех, кто пережил годы Великой Отечественной войны. Многие участники боёв за освобождение нашей Родины от немецко-фашистских захватчиков, и мирные жители, оставшиеся на оккупированной территории, были преподавателями, сотрудниками, студентами Гомельского государственного педагогического института и университета. В настоящее время в Гомельском государственном университете им. Ф. Скорины продолжается изучение истории Великой Отечественной войны, организовываются научные конференции и проводятся встречи ветеранов со студентами [1].

Один из старейших преподавателей Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины, историк, талантливый организатор, ветеран – Георгий Саввич Евдокименко. Более 40 лет педагогическая деятельность Георгия Саввича была связана с нашим вузом, в котором он в разные годы занимал должности старшего преподавателя, заместителя директора педагогического института, декана, заведующего кафедрой, доцента.

Георгий Саввич родился 1 апреля 1920 г. в д. Нижняя Тошица Быховского района Могилёвской области. Отец и мать его были учителями. По окончании в 1938 г. средней школы в м. Шумячи Смоленской области, он поступил на исторический факультет Витебского пединститута им. С. М. Кирова. Зачёты и экзамены за 3-й курс Георгий Саввич сдавал, когда началась Великая Отечественная война. В своей автобиографии Георгий Саввич писал, что в начале июля 1941 г. он был эвакуирован из Витебска в Саратовскую область, где с августа по ноябрь работал на уборке урожая в колхозе «Красная звезда» (ст. Безымянная, бывшая АССР Немцев Поволжья). А затем был подсобным рабочим на фабрике им. К. Цеткин, эвакуированной из Витебска в г. Мелекесс Ульяновской области.

11 декабря 1941 г. Г. С. Евдокименко был призван в Красную Армию и направлен на Ленинградские курсы усовершенствования политсостава запаса, находившиеся в это время в г. Мелекессе. По окончании курсов в феврале 1942 г. он был направлен на должность замполитрука роты в 170-й стрелковый полк (Центральный фронт) [2].

Вспоминая первые месяцы участия в боях, Г. С. Евдокименко отмечал: «я с друзьями был зачислен в 58 стрелковую дивизию. Нам предстоял бой за взятие Зайцевой горы (на Смоленщине). Меня потрясло: у нас не было оружия. Замерзшие, растерянные, мы подползали к убитым в предыдущем бою бойцам, чтобы взять себе винтовки, патронташи. Из 900 человек после того боя осталось в живых 32 бойца. В одном из боёв я был тяжело ранен, потерял много крови. Шли с несколькими солдатами пешком до медсанбата, который находился в тылу, за 5 км от фронта. Я вам скажу, что настоящие герои – военные хирурги, которым приходилось в тяжелейших условиях делать операции без наркоза, при нехватке инструментов, перевязочного материала. С 17 июля по 23 ноября 1942 г. находился в эвакогоспитале в Горьковской области» [3]. Для дальнейшего прохождения службы Г. С. Евдокименко был направлен в 5 аэродромно-техническую роту (Калининский, 1-й Прибалтийский, 3-й Белорусский фронты). Он закончил войну в Восточной Пруссии и 30 августа 1945 г. был демобилизован. Вспоминая день Победы (9 мая 1945 г.), Георгий Саввич подчёркивал, что «Победу встретил под

Кёнигсбергом, который взяли 9 апреля. На радостях бойцы стали отстреливать оставшиеся патроны в воздух. Мы победили, потому что были вместе, очень ценилась на войне мужская солидарность. Помогла выстоять дружба, единство мыслей, любовь к Родине» [3]. За мужество и героизм, проявленный в годы Великой Отечественной войны, Г.С. Евдокименко был награждён орденом Отечественной войны I степени, медалями «За отвагу», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне (1941-1945 гг.)» и другими наградами.

С сентября 1945 г. по март 1946 г. Г. С. Евдокименко работал заведующим отделом культпросветработы Мстиславского райисполкома (Могилёвской области), а затем продолжал учёбу в Ярославском государственном пединституте им. К. Д. Ушинского. В 1947 г. Георгий Саввич получил диплом о высшем образовании и ему была присвоена квалификация преподавателя истории в средней школе и звание учителя средней школы. С августа 1947 г. в течение нескольких месяцев он работал преподавателем истории в средней школе № 1 и педучилище г. Мстиславля. В декабре этого же года Г. С. Евдокименко поступил в аспирантуру при Минском пединституте им. А. М. Горького. По её окончании в 1950 г. он был направлен на работу в Гомельский пединститут на должность старшего преподавателя кафедры истории СССР [2].

В 1951 г. Г. С. Евдокименко защитил кандидатскую диссертацию по теме «Социалистическая индустриализация в БССР за годы трёх пятилеток (1928 – 1941 гг.)» и в ноябре этого же года ему была присвоена учёная степень кандидата исторических наук. В 1951 г. Георгий Саввич был назначен заместителем директора учительского института, а в 1954 г. – заместителем директора по учебной и научной работе педагогического института.

В пединституте большое внимание уделялось подготовке студентов к будущей профессии учителя, организации и анализу результатов педагогических практик. Эти вопросы постоянно рассматривались на заседаниях Учёного Совета института. В 1956 г. в связи с принятыми на XX съезде КПСС решениями о «решительном улучшении дела подготовки высококвалифицированных кадров для всех отраслей народного хозяйства страны» Г. С. Евдокименко было поручено организовать проверку и изучение работы учителей-выпускников вуза в школах Гомеля и области. Учебная часть, кафедра педагогики разработали вопросник-памятку для преподавателей, проводивших проверку. За каждым деканатом были закреплены районы : «г. Гомель и Гомельский район – исторический факультет, Уваровичский – факультет языка и литературы, Василевичский – факультет естествознания, Речицкий – физико-

математический факультет». Часть сведений о работе учителей-выпускников пединститута предоставил городской отдел народного образования. Евдокименко Г.С. обобщил собранные материалы и подготовил доклад «О качестве учебно-воспитательной работы выпускников Гомельского пединститута», с которым выступил на заседании Учёного совета 19 апреля 1956 года. В докладе отмечалось: «Знакомясь с работой выпускников, мы сможем наблюдать за жизнью всей школы, отмечать наиболее интересные её стороны, вскрывать недостатки, обобщать имеющийся положительный опыт и распространять его на другие школы. Анализируя работу выпускников, мы сможем вскрыть недостатки, имеющиеся у нас в деле подготовки кадров для средней школы, и тем самым помочь ликвидации найденных пробелов в своей работе. Мы сможем шире использовать изучаемый опыт учителей в воспитательном деле, в лекциях по педагогике и частным методикам, чем в настоящий момент мы ещё не можем похвастаться». В докладе приводились примеры успешной работы выпускников института в школах. Однако было высказано и много замечаний и нареканий, как со стороны преподавателей, проверявших работу, так и со стороны школьной администрации. Не весьма лестную характеристику, подчеркнул Г. С. Евдокименко, дали многим выпускникам, работавших в школах Гомеля, инспектора горно: «выпускники института, как правило, не знают школьной программы, не умеют самостоятельно работать и активно готовиться к урокам, слабо начитаны, подготовку к уроку понимают как вызубривание материала. Мало используют наглядность, приборы. Не знают пионерской работы». Отмечая недостатки в работе учителей-выпускников, Георгий Саввич попытался раскрыть причины сложившейся ситуации и предложил конкретные меры по её исправлению и улучшению, которые были одобрены и включены в решение Учёного совета. В постановлении отмечалось: «1. Обязать все кафедры института широко включиться в глубокое и систематическое изучение и обобщение опыта работы учителей школ города и области путём регулярных выездов на место в течение всего учебного года, обратив особое внимание на обобщение опыта работы учителей-выпускников, на оказание им помощи. 2. Всем кафедрам усилить разработку научно-методической тематики, усилить отражение педагогического опыта во всех лекционных курсах учебного плана и в первую очередь в курсах частных методик и педагогики. Пересмотреть тематику спецкурсов, спецсеминаров с целью максимального приближения их к программам средней школы. 3. Возродить традицию организации ежегодных конференций и

встреч с выпускниками института. 4. Организовать при институте постоянно действующее консультационное бюро для оказания помощи выпускникам по вопросам научного и методического содержания. 5. Для улучшения состояния педагогической практики поручить кафедре педагогики организовать семинар групповых руководителей» [4, лл. 128-150].

После реорганизации исторического факультета Г. С. Евдокименко в разные годы работал старшим преподавателем кафедры истории, доцентом кафедр марксизма-ленинизма, истории КПСС и научного коммунизма. В 1964 г. Георгий Савич был назначен исполняющим обязанности декана филологического факультета, а 15 августа 1968 г. на основании результатов тайного голосования по переизбранию деканов факультетов – избран на эту должность на очередной пятилетний срок.

Однако после преобразования Гомельского педагогического института в университет произошли кадровые изменения и с 1972 г. Г. С. Евдокименко возглавил кафедру истории СССР и всеобщей истории.

В университетский период Георгий Саввич, учитывая многолетний опыт работы в пединституте, уделял много внимания сотрудничеству со школами, организации педагогических практик, профессиональной подготовке студентов-историков. Например, в сентябре 1974 г., когда рассматривался вопрос об организации педагогической практики студентов исторического отделения, он подчёркивал, что с руководством практикой дело обстоит плохо. На факультете (историко-филологическом) есть факультетский руководитель, но она филолог и должного внимания историкам-практикантам не уделяет. Г. С. Евдокименко добился выделения часов для руководства педагогической практикой в учебную нагрузку кафедры. С этого момента руководителем практики студентов-историков назначался преподаватель кафедры истории. Кроме того, Георгий Саввич в период практики посещал уроки студентов, всегда участвовал в защите практики, консультировал учителей истории. Ежегодно Г. С. Евдокименко выступал с лекциями перед учителями и общественностью города и области, тесно сотрудничая с институтом усовершенствования учителей.

После возобновления подготовки специалистов-историков в Гомельском государственном университете Г. С. Евдокименко совместно с деканом историко-филологического факультета и заведующим кафедрой истории КПСС, кандидатами исторических наук Тамарой Игнатьевной Езеповой и Александром Петровичем Мещерским проделали огромную работу по формированию

педагогических коллективов исторических кафедр. Как талантливый руководитель и педагог Георгий Саввич воспитал целую плеяду историков. В настоящее время его ученики М. И. Старовойтов, Г. А. Алексейченко, В. П. Пичуков, В. И. Бышик, А. М. Бабков, О. А. Макушников, Е. А. Бровкин, М. П. Савинская, Н. Н. Мезга, В. А. Михедько, О. Г. Яценко, А. И. Зеленкова, А. М. Кротов работают на историческом факультете Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины.

Долгие годы Георгий Саввич являлся членом Республиканского общества охраны памятников истории и культуры, возглавлял его областное и городское отделения, был активным лектором общества «Знание». На протяжении многих лет он возглавлял совет ветеранов ГГУ им. Франциска Скорины. За многолетнюю и добросовестную педагогическую и общественную деятельность Георгий Саввич был награждён орденом «Трудового Красного Знамени» (1967 г.), медалью «За доблестный труд» (1970 г.), нагрудными знаками «Отличник народного просвещения» Миинпроса БССР и «За отличные успехи в работе» Минвуза СССР и многочисленными грамотами.

Несмотря на преклонный возраст, Георгий Саввич по-прежнему встречается с коллегами и студентами, живо и непринуждённо рассказывает о родном вузе, делится своими мыслями о сложных и противоречивых периодах истории XX века и текущих политических событиях.

Список использованных источников и литературы

1. Гомельшчына ў Вялікай Айчыннай вайне : да 60-годдзя перамогі // Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі (Гомель 7-8 красавіка 2005 г.). Гомель, 2005; Страницы военной истории Гомельщины // Материалы научно-практической конференции (Гомель, 26 ноября 2008 г.) Гомель, 2008; 1943 год на Гомельщине // материалы международной научно-практической конференции. Гомель, 2013; Они сражались за Родину. Преподаватели и сотрудники Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины–участники Великой Отечественной войны / сост. И. Ф. Эсмантович, Т. Е. Езепова, В. В. Орлов. Гомель, 2011.
2. Архив УО «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины». Личное дело Г. С. Евдокименко.
3. Целехович Т. Не ради славы и наград // Гомельскі універсітэт. 2005. 5 мая.
4. Государственный архив Гомельской области. Ф. 1429. Оп. 11. Д. 89.

А. Н. ДУЛОВ, Д. В. ЮРЧАК
(УО «Витебский государственный
университет им. П. М. Машерова»)

**ИСТФАК ВИТЕБСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА ИМЕНИ С. М. КИРОВА
НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ :
ВОСПОМИНАНИЯ Г. С. ЕВДОКИМЕНКО**

В статье рассматриваются малоизвестные страницы истории истфака Витебского государственного педагогического института имени С. М. Кирова в 1938–41 гг. В основу работы положены воспоминания тогдашнего студента факультета, а впоследствии гомельского историка и педагога Георгия Савича Евдокименко. Это позволяет увидеть историю вуза не на основе сухих материалов делопроизводства, а через восприятие эпохи студентами того времени.

Исследование истории исторического факультета Витебского государственного педагогического института имени С. М. Кирова только начинается. Основными источниками сведений являются материалы официального делопроизводства факультета, личные дела преподавателей, хранящихся в составе фонда педагогического института в Государственном архиве Витебской области [1] и текущем архиве ВГУ имени П. М. Машерова. В то же время стоит учитывать, что часть документов просто исчезла в годы войны, так как они не были переданы в архив, а стремительное наступление вермахта и боевые действия в городе привели к их исчезновению.

Кроме того, стоит признать, что потенциал этих источников в исследовании ряда аспектов, в частности, учебного процесса через призму восприятия тогдашних студентов, студенческого повседневной жизни, довольно ограничен. К сожалению, до недавнего времени нам были неизвестны источники личного происхождения, которые бы содержали информацию по обозначенным проблемам. В определенной степени исправить ситуацию удалось случайно. В конце февраля 2011 г. газета «Аргументы и факты в Беларуси» поместила фотографию студентов истфака ВДПИ имени С. М. Кирова набора 1938 г., сделанный после окончания ими второго курса, и небольшую запись одного из тех студентов – Георгия Савича Евдокименко из Гомеля, который

надеялся узнать о судьбе однокурсников [2]. Тогдашний заместитель декана исторического факультета ВГУ имени П. М. Машерова Д. В. Юрчак связался с редакцией, выяснил адрес Георгия Савича и написал ему письмо с рядом вопросов. Развернутый ответ кандидат исторических наук, доцент, инвалид второй группы Великой Отечественной войны, подполковник в отставке Г. С. Евдокименко прислал оперативно. Завязалась переписка. Таким образом, мы получили новый источник личного происхождения о деятельности истфака ВДПИ имени С. М. Кирова на границе 1930–1940-х гг. и судьбе одного из студентов.

Наиболее информативными в контексте проблемы, которая нас интересует, являются первые два письма, содержащие воспоминания Г. С. Евдокименко [3; 4]. При их анализе необходимо учитывать, что воспоминания автора являются развернутым ответом на поставленные вопросы (перед нами своеобразное заочное свободное интервью).

Автор писем сообщил свою собственную биографию. Георгий Савич родился свыше 90 лет назад в семье сельских учителей, что происходили из крестьян [4, с. 6–7]. Становиться историком он не собирался. После окончания средней школы в местечке Шумячи на Смоленщине он подал документы на физико-математический факультет Смоленского пединститута имени К. Маркса, однако не прошел по конкурсу (конкурс составил 7 человек на место). «Вербовщики» из трех других вузов пригласили парня подавать документы на физмат. Свой выбор Георгий Савич остановил на Витебском государственном пединституте имени С. М. Кирова, где, по словам «агитатора» т. Каминского, на физико-математический факультет был недобор. В Витебске же Г. С. Евдокименко ждало большое разочарование: директор института т. Коляда сообщил, что физмат полностью укомплектован, недобор только на исторический факультет, «и стал убеждать меня поступить именно на исторический факультет, подкрепив это предложение высказывание И.В. Сталина о том, что «историки нам нужны на вес золота» [3, с. 1; 4 с. 1]. Георгий Савич вынужден был согласиться. Так, сдав дополнительные экзамены по истории и географии, он стал студентом истфака.

Великая Отечественная война застала студентов пединститута за сдачей летней сессии. На второй день войны Г. С. Евдокименко вместе с товарищами явился в военкомат, однако в армию парней из приписного свидетельства не взяли, так как осуществлялся призыв обученного состава. В то время горком комсомола мобилизовал комсомольцев на борьбу с диверсантами, которые ракетами показывали немецким самолетом объекты для бомбежки. В числе других Георгию Савичу пришлось патрулировать улицы Витебска [5].

5 июля 1941 г., по воспоминаниям автора писем, по радио было объявлено, что из города отходит на восток последний эшелон и желающие эвакуироваться, должны прибыть на вокзал. Эшелон из 150 вагонов вывозил из города в Куйбышев (Самара) оборудование и рабочих чулочно-трикотажной фабрики имени К. Цеткин [3, с. 5]. Этим эшелоны покинули город и Г. С. Евдокименко вместе с двумя товарищами. Как сообщил Георгий Савич, «кто-то нам сказал, что туда же (в Куйбышев) отправлено и имущество нашего пединститута». Но сведения не подтвердились. Напрасными оказались и поиски института в Саратове и Энгельсе [3, с. 6; 4, с. 2].

Ребята направились в г. Мелекес, где жили родственники одного из них. В конце ноября 1941 г. они приехали в город, где Георгий Савич устроился подсобным рабочим на строительство цехов эвакуированной фабрики имени К. Цеткин. 11 декабря его вызвали в военкомат и отправили учиться на Ленинградские курсы усовершенствования политсостава запаса Красной Армии, которые были эвакуированы в Мелекес. После двух месяцев учебы, в феврале 1942 г., Г. С. Евдокименко – замполитрук роты 170-го полка в составе 50-й армии – прибыл на Центральный фронт. В июле 1942 г. Георгий Савич был тяжело ранен в боях под Зайцевой горой на Смоленщине. После выписки из больницы его признали ограниченно годным к нестроевой и направлен в 85-ю аэродромно-техническую роту 102 батальона аэродромного обслуживания, в составе которой он прошел войну на Калининском, 1-м Прибалтийском и 3-м Белорусском фронтах. Окончание войны встретил под Кенигсбергом (Калининград) [3, с. 6–7; 4, с. 7–8].

После демобилизации в августе 1945 г. Г. С. Евдокименко пытался восстановиться на истфак ВДПИ имени С. М. Кирова, однако набор был только на первый курс. Чтобы не терять время, после года работы в Мстиславле (там жили родители) Георгий Савич восстановился на исторический факультет Ярославского пединститута имени К. Д. Ушинского. Летом 1947 г., после окончания института, вместе с молодой женой Г. С. Евдокименко вернулся в Мстиславль, приступил к работе, а в декабре поступил по дополнительному набору в аспирантуру при кафедре истории СССР Минского государственного педагогического института имени М. Горького.

После аспирантуры был направлен на работу в Гомельский пединститут имени В. П. Чкалова старшим преподавателем кафедры истории СССР. В ноябре 1951 г. в БГУ имени В. И. Ленина Георгий Савич защитил кандидатскую диссертацию «Социалистическая индустриализация в БССР за годы трех Сталинских пятилеток (1928–1941 гг.)». Начал работать над докторской, но после того, как ему

сказали, что «над такой же темой работает кто-то в министерстве» подвело здоровье (историк прислушался к мнению врача : «лучше быть живым доцентом, чем мертвым профессором») [4, с. 9].

В Гомельском пединституте Г. С. Евдокименко отработал более 40 лет, занимал должности доцента, заместителя директора института по учебной и научной работе, декана филологического факультета, заведующего кафедрой истории СССР и всеобщей истории, истории СССР и БССР. В июне 1991 г. Георгий Савич, который уже несколько лет работал, находясь на пенсии, оставил университет [3, с. 7–8; 4, с. 8–14].

В письмах Г. С. Евдокименко сообщил о студенческом быте, учебном процессе, рассказал о преподавателях, создал колоритные портреты некоторых из них. Яркое впечатление у первокурсника Г. С. Евдокименко оставили жилищные условия первого семестра обучения. Поскольку институт не успел завершить строительство общежития для студентов, более чем сотню первокурсников разместили в актовом зале институтского клуба (бывшей церкви). «Кочечки стояли впритык друг к другу. Теснотища и духотища. А ночью – дышать было нечем» [3, с. 1–2]. Новое общежитие по проспекту Фрунзе был сдан в конце декабря. Там условия были значительно лучше – по четыре человека в комнате. Как вспоминает Георгий Савич, из ребят своей комнаты только он не получал стипендию, хотя учился на «четыре» и «пять». Дело в том, что по социальному происхождению он считался представителем интеллигенции (родители – учителя), которым по тогдашнему положению выплата стипендии не предусматривалось, в отличие от тех кто был «от сохи» и «от станка» [3, с. 2].

Наибольшей трудностью в учебе Г. С. Евдокименко называет отсутствие стабильных учебников (например, первый учебник по истории СССР для вузов появился только в 1939 г. – *авт.*). Это требовало внимательности на занятиях. «На лекций приходилось ловить каждое слово преподавателя. Конспектировать услышанное как можно полнее. Мой метод в этом отношении был довольно прост. Тетрадный лист делился на две части. На одной части я записывал то, что успевал. Затем, придя после занятий в общежитие, я внимательно перечитывал записанное. По ходу чтения вспоминал услышанное на лекции и записывал на второй половине листа. Затем шел поиск дополнительной литературы (в основном в библиотеке им. М. Горького)» [3, с. 2–3].

Свободного времени почти не было. Много внимания комсомольская организация института придавало подготовке студентов к защите : каждый должен был сдать экзамен на получение

оборонительных значков (ГТО, ГСО, ПВХО, «Ворошиловский стрелок»). Регулярно проводились военизированные походы (пешие или лыжные). В связи с этими событиями автор вспоминает трагическую судьбу студентки, которая во время сессии не приняла участия в походе, так как готовилась к экзамену, а стипендия являлось для нее единственным источником существования. Девушку вызвали в комитет комсомола, где приказали положить на стол комсомольский билет. «Мотивы : «а если завтра война, она убежит в кусты» [3, с. 3]. Отчаявшаяся девушка бросилась под трамвай, ей отрезало кисти рук. Однако врачи смогли ее спасти, сделали протезы, с помощью которых студентка могла писать. Она продолжила учебу. «Но когда город заняли немцы, ее выдал как идейно преданную Ленину-Сталину бывший председатель студенческого профкома института. Ее немцы расстреляли» [3, с. 3].

Георгий Савич отметил одну из особенностей преподавательского коллектива : поскольку исторический факультет был создан недавно, многие преподаватели были приезжие. Несмотря на десятилетия, прошедшие со времени обучения, профессиональная память Георгия Савича Евдокименко сохранила фамилии преподавателей, работавших на истфаке. Автор очень скромно заметил : «я помню только некоторых из них и то только фамилии (тогда все были товарищи : товарищ Умрейко и т.д.)», однако в пересчете в своем первом письме привел свыше 20 фамилий с указанием дисциплин, которые преподавались этими людьми на первом – третьем курсе истфака в предвоенные годы [3, с. 4]. О троих – М. Б. Фридман (преподавала историю СССР периода капитализма), М. Ф. Лазбене (преподавал педагогику и историю педагогики), а также М. Х. Ханине (преподавал русский язык) Георгий Савич привел некоторые дополнительные сведения [3, с. 4–5]. В другом письме автор привел данные также о М. В. Кочетове (читал историю СССР от древности к капитализму, с первого по третий курсы), преподавателя диамата и истмату Аздуни, преподавательнице школьной гигиены Деларю [4, с. 3–4].

В частности автор писем приводит следующие колоритные факты учёбы в ВГПИ в то время : «Очень трудно было слушать лекции по диамату и истмату у преподавателя Аздуни. Сильнейший кавказский акцент, корявые фразы с отсутствующим согласованием между членами предложения, мешали иногда уловить смысл сказанного и правильно законспектировать. Кстати, по этому предмету у меня была единственная тройка за всё время обучения в институте... Очень интересно и дельно читала лекции по школьной гигиене преподаватель Деларю (или Деларю). Но первую лекцию мы

ей чуть не сорвали. Во-первых, насторожила её фамилия. Нам кто-то разъяснил, что в переводе с французского – это «уличная девчонка» или «девочка с улицы». Ожидали прихода симпатичной женщины. И вдруг в аудиторию вламывается глыба невероятных размеров! И вот, представьте, эта в буквальном смысле гора пропищала невероятнейшим дисконтом: «Здравствуйте, моя фамилия Делярю, я буду вести у вас курс школьной гигиены». Это было так неожиданно, несопоставимо, как гром с ясного неба! И вся группа разразилась диким хохотом. Это было конечно хамством, даже свинством с нашей стороны! Но мы ничего не могли поделать с собой. Только с третьей попытки ей удалось взять нас в руки, и затем всё было нормально. Привыкли и с интересом слушали её лекции» [4, с. 4].

Вызывает интерес информация о судьбе доцента М. Ф. Лазбень, который до ВДПИ работал в Гомеле на рабфаке. «По чьему-то доносу ему приписали участие в Стрекопытовском мятеже, исключили из партии и запретили жить на территории БССР (очевидно, доказательств вины не было – *авт.*). Он поселился где-то в России. Приезжал в Витебск, читал 2–3 лекции и в тот же день покидал пределы Белоруссии. После войны его в какой-то степени реабилитировали, но в партии не восстановили» [3, с. 4–5]. М. Ф. Лазбень, который вместе с Георгием Савичем работал в Гомельском пединституте, возглавлял кафедру педагогики, добивался восстановления в партии, дошел до XX съезда КПСС. Однако ему отказали в восстановлении стажа, предложили вступить заново, от чего педагог принципиально отказался и до конца жизни остался беспартийным [3, с. 5].

В своих письмах Георгий Савич привел данные о том, что в шестом семестре его обучения (т.е. в 1941 г.) на истфак ВДПИ имени С. М. Кирова для чтения спецкурсов приезжали крупные историки, профессор С. В. Бахрушин и академик Е. В. Тарле. «Бахрушин Сергей Владимирович что-то рассказывал о Сибири (одна из сфер научных интересов историка – *авт.*). Читал лекции свободно, без всяких конспектов. Приходил. Становился за трибуны, здоровался, затем устремлял свой взор в верхнюю часть ближайшего окна и очень живо излагал материал. Иногда только на аудиторию бросал беглый взгляд. Слушать его было очень легко. И конспектировать тоже» [4, с. 3]. Лекции академика Е. В. Тарле, по воспоминаниям Г.С. Евдокименко, были не такими яркими, однако «все было понятно, конспектировать тоже успевали. Рассказывал он нам о военных действиях против армии Наполеона на границе Белоруссии. И нас он сразу успокоил, заявив, что в библиотеке есть изданные им книги о Наполеоне и об Отечественной войне 1812 года» [4, с. 3].

Г. С. Евдокименко сообщил о преподавании истории Беларуси: «В общей системе предметов курс истории Белоруссии занимал свое особое место. Во-первых, потому что он только что был включен в наш учебный план. А, во-вторых, это был единственный предмет, который читался на чистом белорусском языке и называлась он «История Беларуси». Читал его нам преподаватель Лютарович (так в тексте – авт.). Поскольку все остальные предметы нам читались на русском языке, то мы по привычке конспектировали и его лекции на русском языке. Но попытка сдать экзамен по этому предмету тоже на русском языке первой пятеркой экзаменующихся (обычно первыми на экзамен шли отличники) обернулась оценкам «посредственно». Остальные быстро сообразили в чём причина и получили достойные оценки «в соответствии с показанными знаниями» [4, с. 4–5].

Обращают на себя внимание и сведения об отце и сыне Брандтах, выселенных из Ленинграда интеллигентов, заметных в предвоенной культурной и общественной жизни Витебска, которые во время Великой Отечественной войны пошли на сотрудничество с нацистами и понесли заслуженное наказание: были ликвидированы подпольщиками [6, с. 57–60; 7]. Характеристика поведения Брандтов накануне войны и во время нее позволила Г. С. Евдокименко сделать вывод: «Оба Брандта – типичный образчик двурушничества, предательства» [4, ст. 5–6].

Таким образом, письма Г. С. Евдокименко содержат воспоминания, которые являются ценным источником о состоянии исторического образования в ВДПИ имени С. М. Кирова в предвоенный период. Информация, изложенная в письмах позволяет посмотреть по жизнедеятельность истфака глазами тогдашнего студента, почувствовать дух эпохи, проследить фронтовой путь и послевоенной судьбе человека, смыслом жизни которого, благодаря витебским преподавателям, стало «ремесло историка».

Последнее подчеркивает ценность приведенной в листах информации. Г. С. Евдокименко предоставляет свои воспоминания логично, конкретно, с высокой степенью точности (приводя к своей собственной биографии он опирается не только на память, но и на документы). Правда, присутствуют в письмах и ошибки памяти, вероятно, в отдельных эпизодах есть наслоения информации, полученной позже из литературы, некоторые факты требуют дополнительной проверки. Однако, безусловно, сведения из писем будут полезными при подготовке обобщающие работы о былом исторического образования на Витебщине.

Список использованных источников и литературы

1. Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці. Ф. 204. Віцебскі дзяржаўны педагагічны інстытут імя С. М. Кірава.
2. Евдокименко Г. С. Первые историки Витебского пединститута // Аргументы и факты в Белоруссии. 2011. 23 лют. С. 16.
3. Письмо Г. С. Евдокименко Д. В. Юрчаку от 15.03.2011 // Личный архив Д. В. Юрчака.
4. Письмо Г. С. Евдокименко Д. В. Юрчаку от 05.04.2011 // Личный архив Д. В. Юрчака.
5. Еўдакіменка Г. Пятая калона не прайшла // Гомельскі універсітэт. – 1991. 12 чэрв. С. 2.
6. Подлипский А. М. Первая не только по номеру : История Витебской СШ № 1. Ч. 1 : 1918–1968. Витебск, 1998. 167 с.
7. Подлипский А. М. История одного предательства // Витебский проспект. 2011. 21 чэрв. С. 6.

ПРАБЛЕМЫ ЎСЕАГУЛЬНАЙ ГІСТОРЫІ

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф.СКОРИНЫ

Р. Р. ЛАЗЬКО

(УА «Гомельскі дзяржаўны
ўніверсітэт імя Ф. Скарыны»)

АБ НАКІРУНКАХ УПЛЫВУ НА БЕЛАРУСЬ РАСІЙСКАГА КРЫЗІСУ 1917 ГОДА

У артыкуле разглядаецца ўплыў на беларускі нацыянальны рух сістэмнага расійскага крызісу пачатку ХХ ст. на этапе яго паглыблення ў гады Першай сусветнай вайны. Слаба мадэрнізаваная Расійская дзяржава аказалася няздольнай да татальнай вайны з моцным праціўнікам, яе войска на тэрыторыі Паўночна-Заходняга краю страціла функцыі абаронцы краіны і далучылася да фактараў, пагражаўшых будучыні беларускага народа. Гэта сітуацыя ўключыла цэнтрабежную ў адносінах да Расіі тэндэнцыю ў гістарычным развіцці Беларусі.

Сістэмны расійскі крызіс, які ва ўсёй яго глыбіні раскрыўся ў сувязі з падзеямі Першай сусветнай вайны, у загалоўку артыкула звязаны з 1917 годам як з яго кульмінацыйным момантам. Такая прывязка ў пэўнай ступені ўмоўная, хоць яна і не выпадковая, паколькі менавіта ў гэтым годзе гістарычны працэс выявіў альтэрнатыўныя варыянты выхаду з крызісу, раней не існаваўшыя. Тым болей яна не выпадковая для Беларусі, перад якой упершыню за многія гады ўзнік асобны ад расійскага варыянт гістарычнага развіцця. Узнікшая сітуацыя ўжо вызначана беларускімі гісторыкамі як «час выбару» [1]. Наш артыкул абмежаваны толькі першым этапам працэсу гістарычнага выбару беларусаў, які завяршыўся пад уплывам вайны на рубяжы 1917–1918 гг.

Разглядаючы ўплыў на беларускую супольнасць расійскага крызісу перыяду Першай сусветнай вайны, варта звярнуць увагу на заклік С. Рудовіча адыйсці ад спрошчанага погляду на гэту вайну як толькі на паскаральніцу расійкай рэвалюцыі 1917 г. Неабходна імкнуцца да асэнсавання таго, «як у разбуральным хаосе вайны і рэвалюцыі крышталізавалася стваральная ідэя нацыянальнага самасцвярджэння беларускага народа» [2, с. 78]. Працягваючы гэту думку, асмелімся сцвярджаць, што вайна для беларускага народа хоць і была трагедыяй, але трагедыяй аптымістычнай. У ходзе яе ўзнікла не толькі неабходнасць, але і прынцыповая ажыццявімасць для беларускага народа гістарычнага рыўка ад стану «рэчы ў сабе» да

стану гаспадара свайго краю і свайго лёсу ў ім. Менавіта дзеля таго, перш за ўсё, каб зразумець неабходнасць і адначасова прынцыповую магчымасць такога рыўка, беларускім гісторыкам неабходна з максімальнай паўнатай прасачыць уздзеянне на Беларусь расійскага крызісу 1914–1918 (і некалькіх наступных) гадоў як сістэмнага складанага фактару фарміравання новых якасцей беларускага народа, уключаючы і яго здольнасць да ўласнай дзяржаватворчасці. А прасачыць з *максімальнай паўнатай* азначае ўлічыць усе істотныя кампаненты гэтага глыбокага крызісу, разам з яго маральным складнікам, што з рознай сілай выяўляўся ва ўсіх сляях расійскага грамадства і разам з іншымі кампанентамі стымуляваў дынамічны, хоць і не прамалінейны, дэфармаваны іншымі фактарамі, працэс самавызначэння беларускага народа, а значыць – і яго аддзялення ад расійскай дзяржавы.

Рашэнне гэтай прафесіянальнай задачы абумоўлена неабходнасцю пераадолення беларускімі гісторыкамі ментальных *табу*, якія фарміраваліся на працягу многіх дзесяцігоддзяў, і прымушалі глядзець на рускі народ як на бездакорнага старшага брата. Аднак гэтаксама, як вопыт Першай сусветнай вайны за некалькі год разбіў ідэалагему аб трыадзіным рускім народзе ў свядомасці беларусаў, так добрасумленае і ўсебаковае даследаванне гэтага вопыту разбівае створаныя стэрэатыпы гэтай вайны. У існуючай у нашай гістарыяграфіі сітуацыі важна якраз тое, што іх пераадоленню спрыяюць дасягненні расійскай гістарыяграфіі апошніх гадоў, забяспечаныя не ў апошнюю чаргу на аснове антрапалагічнага падыходу да вывучэння Першай сусветнай вайны і ўвядзення ва ўжытак новых крыніц, у прыватнасці салдацкіх лістоў з фронту і іншых. Зразумела, адзін невялікі артыкул можа ўнесці толькі сціплую кроплю ў рэчышча даследавання ўплыву на Беларусь звязанага з вайной расійскага крызісу. Яго задач заключаецца ў тым, каб акцэнтаваць асобныя накірункі гэтага ўплыву, меўшыя істотнае значэнне для фарміравання сітуацыі гістарычнага выбару Беларусі.

Беларусь як Паўночна-Заходні край Расійскай імперыі была такім яе геапалітычным рэгіёнам, дзе крызіс расійскай дзяржаўнасці ў гады вайны праявіўся найбольш глыбока і ўсёабдымна, ахапіўшы ўсе сферы дзяржаўнага і сацыяльнага жыцця, паставіўшы на мяжу нацыянальнай катастрофы гістарычнага гаспадара гэтага краю – беларускі народ. Такія маштабы расійскага крызісу на беларускай зямлі былі абумоўлены, па-першае, тым, што Беларусь на некалькі год (з восені 1915 да канца 1917 г.) пераўтварылася ў эпіцэнтр крывавай барацьбы Расійскай дзяржавы з яе наймацнейшым сапернікам – Германіяй, і ў гэтай якасці мусіла несці ўсе ахвяры гэтай

барацьбы, значна пераўзыходзіўшыя ахвяры, выпаўшыя на долю іншых рэгіёнаў імперыі. Па-другое, маштабы крызісу ў Паўночна-Заходнім краі імперыі вызначаліся неадпаведнасцю традыцыйна-імперскага ідэалагічнага абгрунтавання мэтай вайны («за Веру, Царя і Отчечество») нацыянальным, рэлігійным і сацыяльным рэаліям поліэтначнага, шматканфесійнага, калісці забранага той жа Расійскай краі. Па гэтых прычынах няздольнасць Расійскай дзяржавы даць эфектыўныя адказы на выклікі, пастаўленыя першай ў гісторыі свету татальнай вайной [гл. 3], тут, на беларускай зямлі, выявілася з надзвычайнай сілай. Як татальная вайна, першая сусветная стала вайной узброеных нацый, хоць апошні тэрмін, як убачым далей, мала адпавядаў узроўню кансалідацыі рускага народа. Аднак несумненна тое, што за час знаходжання Беларусі ў складзе Расійскай імперыі ўпершыню на яе тэрыторыі ў амаль што двухмільённай масе рускага войска, няспынна і па розных каналах звязанага з глыбокім тылам, быў прадстаўлены сам яго вялікасць рускі народ з дасягнутым ім да таго часу ўзроўнем матэрыяльнага і духоўнага развіцця. Ментальна-псіхічныя якасці пасланага на вайну рускага народа, не меней, чым матэрыяльныя фактары, сталі важным складнікам няздольнасці Расіі супрацьстаяць яе моцным заходнім праціўнікам і абумовілі яе паражэнне не толькі як дзяржавы, але і як пэўнага тыпу цывілізацыі. А гэтая няздольнасць, у сваю чаргу, стала важным фактарам паскарэння цэнтрабежных тэндэнцый у шматнацыянальнай Расійскай імперыі і пачатку яе распаду па нацыянальных швах.

У якасці аднаго з першых накірункаў уздзеяння расійскага крызісу на Беларусь склалася усведамленне яе насельніцтвам неэфектыўнасці расійскага войска як абаронцы краіны і ашаламленне, выкліканае прымяненнем ім негуманых спосабаў барацьбы з праціўнікам, спосабаў жорсткіх і разбураючых матэрыяльных асновы існавання карэннага народа. Як вядома, к зыходу першага года вайны рускія войскі на беларуска-польскім накірунку саступілі праціўніку вялізную тэрыторыю Царства Польскага, адыішлі на тэрыторыю Беларусі, дзе пасля ліквідацыі Свянцянскага прарыву германцаў фронт стабілізаваўся на доўгія два з паловай гады. Ужо вынікі першага года вайны выявілі вялікае тэхніка-эканамічнае і арганізацыйнае адставанне Расіі ад яе еўрапейскіх праціўнікаў, перш за ўсё ад Германіі, і засведчылі яе няздольнасць эфектыўна выкарыстаць свае відавочныя перавагі ў людскіх і ў шэрагу відаў сыравінных рэсурсаў. На мяжы 1916–1917 гг. шматлюдная Расійская дзяржава сутыкнулася з крызісам людскіх рэсурсаў для войска, з якім не здолела справіцца да канца вайны [4, с. 155, 157]. Адною з прычын гэтага крызісу былі вялікія страты ў першыя гады вайны. Толькі ў

летнюю кампанію 1915 г. Руская армія страціла забітымі і параненымі 1 410 000 чалавек – у сярэднім па 235 тыс. чалавек за месяц. Палоннымі ў тую ж кампанію яна страціла амаль 1 млн. чалавек, у сярэднім па 160 тыс. чалавек за месяц. У 1916 г. страты таксама былі вялікімі : за год яны перавысілі 2 млн. чалавек забітымі і параненымі і 344 тыс. палоннымі [5, с. 307, 330; параўнанне са стратамі праціўнікаў гл. 5, с. 474–484]. Але і самі гэтыя страты, будучы адной з прычын крызісу людскіх рэсурсаў, адначасова з’яўляліся вынікам адсталасці Расіі, якая выяўлялася ў недастатковым узроўні матэрыяльнага забеспячэння войск, у вялізным бюракратычным наросце на дзеючай арміі і ў недавальняючай эфектыўнасці кіравання войскамі. Няўдачы расійскага войска, якія прывялі вайну на тэрыторыю Беларусі, беларускія сяляне звязвалі з агульным крызісам імперыі : «Няўжо ж нашы не здержаць яго (немцаў – *Р. Л.*). Столькі ж народу пабралі са ўсёй Расіі, – запісаў адзін з назіральнікаў у Ігуменскім павеце. – Але ж снарадаў няма, кажуць, і начальства ўзяткі бярэ і прадае крэпасці і планы. У нас заўсягды так, – гаварылі сяляне. – Таперача снарадаў няма; а што рабіла начальства да вайны і ў час вайны – ганяла налогі, акцызы, толькі глядзела, як бы гэта апошнюю капейку з мужыкоў здзерці. А начальства многа...» [7, с. 824].

Пасля стабілізацыі фронту на тэрыторыі Беларусі дрэнна забяспечаныя і слаба арганізаваныя рускія войскі не здабылі тут ні адной перамогі, усе праведзеныя імі наступальныя аперацыі заканчваліся паражэннямі з вялікімі матэрыяльнымі і людскімі стратамі. Да лета 1917 г. руская армія наогул страціла здольнасць ваяваць, аб чым сведчаць ход і вынікі апошняй яе наступальнай аперацыі. Нягледзячы на забяспечаную пры яе падрыхтоўцы значную перавагу рускіх войск, наступленне скончылася цяжкім іх паражэннем, і яно было прадвызначана яшчэ да пачатку аперацыі. Аб гэтым гавораць шматлікія факты адмовы часцей займаць зыходныя пазіцыі, а тыя часці, што пайшлі ў наступленне, не выяўлялі імкнення развіць першапачатковы поспех, некаторыя з іх адразу ж вярталіся да сваіх акупаў, як толькі сутыкаліся з праціўнікам [8, с. 79, 80].

І ўсё-такі не матэрыяльна-тэхнічная адсталасць Расіі была галоўнай прычынай яе паражэнняў на тэрыторыі Беларусі і ў вайне наогул. Неабходна згадзіцца з тымі расійскімі ваеннымі спецыялістамі, удзельнікамі Першай сусветнай вайны, якія бачаць такую прычыну ў неразвітасці рускага народа, які заставаўся патрыярхальным этнасам з уласцівымі для гэтай стадыі этнічнага развіцця якасцямі. Карэннае рускае насельніцтва, пісаў пасля вайны былы генерал-кватэрмайстар Рускай арміі Ю. Н. Данілаў, «галоўнай сваёй масай жыло ў цемнаце і непісьменнасці. Гэта насельніцтва было

раскідана па вёсках, раз'яднанае паміж сабою вялізнымі адлегласцямі, дрэннымі камунікацыямі і пагружана з галавой у сваё цяжкае непрыгляднае гаспадарчае жыццё» [9, с. 29]. Такі стан матэрыяльнага існавання не спрыяў фарміраванню ў масе народа нацыянальнай свядомасці і засваенню нацыянальных інтарэсаў, а на гэтай аснове – агульнарасійскага патрыятызму. Шмат камандзіраў паведамлялі камандаванню аб адсутнасці гэтых якасцей у рускіх салдат. Удзельнік вайны генерал Галавін цытуе шэраг такіх рапартаў: «Няма дысцыпліны, няма вывучкі, няма жадання працаваць як усведамлення абавязку, любові да радзімы, няма асноўных паняццяў аб свабодах. Поўная самаволя ў выкананні загадаў. Адна думка – хутчэй бы мір. А як сродак – нічога не рабіць...», – паведамляў камандзір 5-й стралковай дывізіі генерал Лебедзеў. «Некультурныя масы, пазбаўленыя здаровага пачуцця патрыятызму і нацыянальнага адзінства, не ўсведамляюць задач і мэтаў вайны, не разумеюць немагчымасці для Расіі» сепаратнага міру, – пісаў памочнік начальніка штаба Вярхоўнага галоўнакамандуючага палкоўнік Новікаў [5, с. 241, 242]. Ужо пасля першых няўдач на фронце, задоўга да таго, як рэальным фактарам фарміравання настрояў салдацкай масы стала антываенная прапаганда большавікоў, ваенныя ўлады адзначалі пашырэнне паражэнскіх настрояў: «хутчэй бы немцы ўзялі Петраград...»; «няхай Германія пераможа, за тым царом будзе лепей жыць» і г.д. [10, с. 141]. Характэрна, што іх выяўлялі тыя ж самыя салдаты-сяляне, якія падчас мабілізацыі спявалі прыпеўкі: «Мы сначала возьмём Краков, а потом уже Берлин...» І тлумчылі, для чаго: «Налогом обведем» [11, с. 113]. У святле гэтых фактаў лёгка зразумець, што Беларусь (Паўночна-Заходні край імперыі) была чужая для рускіх салдат, краем, за які няварта было цярдзец пакуты і рызыкаваць жыццём. «Мы курскія, вяцкія, да нас немец не дойдзе», – так салдаты з карэннай Расіі выражалі сваё стаўленне да вайны, стаўшай для іх неспадзявана цяжкай і бессэнсоўнай.

Не здолеўшы абараніць тэрыторыю Беларусі і яе насельніцтва ад знешняга ворага, рускае войска самое несла небяспеку для гэтага краю. Яго эвалюцыя ў гэтым накірунку пачалася з пераходу Вярхоўнага галоўнакамандавання да выкарыстання тактыкі «выпаленай зямлі» пры адступленні з Польшчы і Заходняй Беларусі летам 1915 г. Насельніцтва гэтых тэрыторый, дзе добраахвотна, хоць і пад уплывам антыгерманскай прапаганды, а дзе і гвалтам высялялася ваеннымі і грамадзянскімі ўладамі, яго маёмасць і пасевы знішчаліся, коні і буйная рагатая жывёла, транспартныя сродкі рэквізаваліся, іншыя матэрыяльныя каштоўнасці знішчаліся або вывозіліся ў тыл [12, с. 95–96]. Гэта арганізаванае зверху вынішчэнне плёну працы

многіх пакаленняў дапаўнялася стыхійным рабаўніцтвам мясцовага насельніцтва, якое ўчынялі адыходзіўшыя на ўсход расійскія вайскоўцы. Найбольшай жорсткасцю пры гэтым вылучаліся казакі, здаўна прывыкшыя глядзець на вайну як на сродак здабычы.

Але гэта быў толькі пачатак. Да восені 1917 г. 1,5-мільённая расійская армія пераўтварылася ў сапраўдную арду, якая займалася рабаўніцтвам і пагромамі цывільнага насельніцтва, не спыняючыся перад забойствамі людзей, незалежна ад іх полу і ўзросту. Усведамленне гэтай з’явы, як паўсядзённай і тыповай для расійскага войска на працягу апошняга паўгода яго знаходжання на беларускай зямлі, адкрывае настолькі жудасную старонку Першай сусветнай вайны, што беларускія гісторыкі не адважваюцца аб ёй пісаць і сёння. Але гаварыць і пісаць неабходна, як ні шаблонна гэта гучыць, дзеля пазнання гістарычнай праўды – не толькі праўды аб самой «вялікай» вайне, але і аб умовах фарміравання звязанага з ёю нацыянальнага руху і беларускай дзяржаўнасці.

Часткай гэтай трагічнай праўды з’яўляецца праўда аб бежанстве – з’яве Першай сусветнай вайны, якая хоць і вывучаецца беларускімі і расійскімі гісторыкамі [гл. 13; 14 і інш.], але ўсе грані якой яшчэ не выяўлены, а маштабы недастаткова ўсвядомлены. Аб стане яе вывучэння сведчаць хоць бы істотныя, у сотні тысяч, разыходжанні ў падліках колькасці бежанцаў з Беларусі. Адпаведна з задачай артыкула мы закранем толькі некалькі аспектаў гэтай праблемы. Відавочна, што гэтая з’ява не ўзнікла стыхійна. Яна была вынікам адпаведнай палітыкі расійскіх уладаў, якія на пачатку вайны прапагандысцкімі сродкамі сфарміравалі ў насельніцтва ірацыянальны, сеяўшы панічны страх вобраз наступаўшых немцаў, а затым перайшлі да гвалтоўнага высялення людзей з роднай зямлі на ўсход. Гэты шлях быў абазначаны магіламі пахаваных на скорую руку дзяцей і старых. Разам з тым, асудзіўшы вялізныя масы беларусаў на фізічныя і маральныя пакуты, пераўтварыўшы для іх смерць у будзённую з’яву [15, с. 240–241], трагедыя бежанства дала ім новы і важны вопыт, расшырыла іх кругагляд, паскорыла фарміраванне нацыянальнай свядомасці. «Вопыт бежанства стаў для беларусаў адным з самых значных за ўсю іх гісторыю, поўным найцяжэйшых выпрабаванняў, страт і, як вынік, пачаткам каласальнага, амаль што выбуховага, масавага этнасацыяльнага прасвятлення...» [16, с. 1]. Апынуўшыся сярод рускіх людзей, многія тысячы беларусаў усвядомілі сваю іншасць – «знайшлі сваю нацыю» [17, с. 217], як вызначыў гэты працэс Мікалай Улашчык. Прычым, на гэтую іншасць указала ім мясцовае насельніцтва, не прызнаўшае ў беларусах рускіх – ні па мове, ні па звычаях, ні па вопратцы. Але сапраўдныя праблемы

пачаліся пазней, пасля першых цёплых хвілін сустрэчы бежанцаў, калі выяснілася, што іх з'яўленне ў глыбіннай Расіі абвастрае цяжкасці з забеспячэннем мясцовага насельніцтва хлебам, жыллём, працай, і што яны нават разлічваюць на кавалак зямлі для ўтрымання сваіх сем'яў. Рускія сяляне і рабочыя, нярэдка пры падтрымцы мясцовай улады, пачалі выцясняць канкурэнтаў усімі спосабамі, даходзячы да разбурэння печаў і выдзірання вокан у іх жыллі [18, с. 110; 19, с. 79]. Расійскія даследчыкі бежанскай праблемы паказалі, што такая драматычная сітуацыя склалася задоўга да прыходу бальшавікоў да ўлады, з палітыкай якіх звязвалі пагаршэнне становішча бежанцаў асобныя беларускія гісторыкі. Па ацэнцы «Дзянніцы», органа Белнацкама, гэтая сітуацыя прымусіла бежанцаў-беларусаў дамагацца вяртання на радзіму, пад уладу нямецкага шуцмана, каб толькі не існаваць далей у такіх невыносных умовах [20]. На сваю спустошаную вайной радзіму яны вярталіся ўжо іншымі людзьмі, ясна ўсвядоміўшымі, кім яны з'яўляюцца.

Што датычыць тых беларускіх сялян, якія засталіся на неакупіраванай тэрыторыі, то пасля Лютаўскай рэвалюцыі на іх светапогляд і грамадскія паводзіны некаторы час працягвалі ўплываць яшчэ даваенныя спадзяванні атрымаць зямлю за кошт «польскіх» памешчыкаў краю. Калі мы кінем погляд на паводзіны беларускага сялянства падчас выбараў у перадаваеныя расійскія Дзяржаўныя Думы, то заўважым, што гэтыя паводзіны былі матываваныя якраз спадзяваннямі сялян і іх прадстаўнікоў у II – IV Думах на правядзенне ўрадам аграрнай рэформы, у выніку якой яны б набылі зямлю ў прыватную ўласнасць [21, с. 284, 288]. А галоўным землеўласнікам у Беларусі, як вядома, быў польскі (ці спольшчаны) памешчык. Такім чынам, беларускія сяляне аб'ектыўна і суб'ектыўна – у прамовах сваіх дэпутатаў у Думе – выступалі як саюзнікі царызму ў барацьбе з польскім землеўладаннем, дазваляючы расійскім правам маніпуліраваць сабою. Па гэтай жа прычыне дэпутаты ад сялянская курыі з беларуска-літоўскіх губерняў выступалі супраць увядзення шырокага мясцовага самакіравання (аўтаноміі). Яны баяліся, што памешчыкі, захапіўшы ў свае рукі самакіраванне краю, не дазволюць затым правесці ў жыццё аграрную рэформу ў інтарэсах сялянства. У гэтай сітуацыі беларускай адраджэнскай інтэлігенцыі цяжка было пераканаць сялян у неабходнасці аўтаноміі для Беларусі, а расійскім чарнасоцэнцам, наадварот, лёгка было прадставіць адраджэнцаў у якасці інструмента «польскай інтрыгі» ў краі.

Аднак ужо ад пачатку вайны паводзіны «сюзніка» – царызму – у дачыненні да сацыяльнага антаганіста беларускіх сялян пачалі насцярожваць іх. Пад пагрозай страціць Польшчу тэрытарыяльна і ў

палітычных адносінах царызм пачаў палітычную гульню з польскім памешчыцкім класам. 14 жніўня 1914 г. была абвешчана заява Вярхоўнага галоўнакамандуючага, вялікага князя Мікалая Мікалаевіча, аб тым, што пасля вайны Расія можа прызнаць аўтаномію Польшчы ў межах Расійскай імперыі. Неўзабаве пачаліся крокі па стварэнні польскага войска, яго першыя аддзелы з'явіліся на беларускай зямлі [22]. Хоць Лютаўская рэвалюцыя скінула царызм, але пачатая ім польская палітыка на новай ідэалагічнай аснове працягвалася Часовым урадам. Гэты фактар, разам з канфузным вынікам летняга «наступлення» войск Заходняга фронту, дазволіў зразумець беларускаму сялянству, што на падтрымку расійскай дзяржавы ў рашэнні зямельнага і іншых жыццёва важных для яго пытанняў разлічваць болей не даводзіцца. Пачатак павароту ў настройах беларускага сялянства ў бок «будаўніцтва сваёй хаты» пераважна ўласнымі сіламі неабходна бачыць, на нашу думку, у двух фактах, якія адносяцца да канца лета – пачатку восені 1917 г. : у зрыве хлебнай манаполіі (сяляне адмаўляліся карміць няздольнае абараніць краіну войска) [23, с. 17] і ў прыняцці беларускімі арганізацыямі курсу на стварэнне беларускага войска [24, с. 58]. Характэрна, што матывамі, пабуджаўшымі да стварэння ўласнага войска, на Ўсебеларускім з'ездзе назавуць імкненне не дапусціць канчатковага разарэння краю расійскім войскам, якое развальвалася, неабходнасць патэнцыяльнага сродку абароны ад польскага войска (корпус Доўбар-Мусніцкага) і падтрыманне бяспекі ў краі на выпадак стыхійнага вяртання бежанцаў.

Нізкі ўзровень мадэрнізаванасці расійскага соцыуму і архаічнасць палітычнай сістэмы Расіі прадвызначылі яе няўстойлівасць у барацьбе з імперыялістычнымі сапернікамі і ўключылі механізм яе распаду па нацыянальных швах. У такой сітуацыі вайна стала *аптымістычнай трагедыяй* для беларускага народа, паколькі не толькі прымушала шукаць паратунак на шляху аддалення ад імперыі, але і стварала шансы поспеху на гэтым шляху. Не апошнім сярод гэтых шансаў была эвалюцыя свядомасці беларускага сялянства.

Спіс выкарыстаных крыніц і літаратуры

1. Рудовіч С. Час выбару : Праблема самавызначэння Беларусі ў 1917 годзе. Мінск : Тэхналогія, 2001. – 201 с.
2. Рудовіч С. Беларусь у Першай сусветнай вайне і рэвалюцыі 1917 г. : актуальныя праблемы даследаванняў // Гісторыя, якой няма ў падручніках. Мінск : Адукацыя і выхаванне, 2002. С. 77 – 82.

3. Магареев П. Э. Первая мировая как тотальная война // Новая и новейшая история. 2004. №4. С. 3–16.
4. Гавриков Л. М., Кутузов В. В. Истощение людских ресурсов русской армии в 1917 г. // Первая мировая война. М. : Наука, 1968. С. 145 – 157.
5. Головин Н. Н. Военные усилия России в мировой войне. – М. : Кучково поле, 2001. – 440 с.
6. Степанов А. И. Общие демографические потери населения России в период Первой мировой войны // Первая мировая война : Пролог XX века. М. : Наука, 1999. С. 474–484.
7. Документы и материалы по истории Белоруссии. Т. 3. Минск : Изд-во АН БССР, 1953.
8. Лигута В. Н. 810-дневное противостояние в Сморгони // Беларусь у гады Першай сусветнай вайны. Сморгоншчына : трагедыя, гераізм, памяць : матэрыялы міжнарод. навукова-практ. канф. (Смаргонь, 18 – 19 мая 2007 г.) / навук. рэд. А. М. Літвін, У. В. Ляхоўскі. Мінск : Чатыры чвэрці, 2009.–740 с.
9. Данилов Ю. Н. На пути к крушению : Очерки из последнего периода русской монархии. М. : Воениздат, 1992. – 287 с.
10. Аксёнов В. Б. Война и власть в массовом сознании крестьян в 1914–1917 годах : архетипы, слухи интерпретации // Российская история. 2012. №4. С. 137–145.
11. Александров Н. «Мы сначала возьмём Краков, а потом уже Берлин». Костромская деревня в начале войны // Родина. 2014. №8. С. 112–113.
12. Смольянинов М. М. Беларусь в Первой мировой войне 1914–1918 гг. Минск : Беларуская навука, 2014.– 317 с.
13. Курцев А. Н. Беженство // Первая мировая война : Пролог XX века. – М. : Наука, 1999. С. 140–146.
14. Утгоф В. С. Белорусские беженцы Первой мировой войны : автореф дис. ... кандидата историч. наук. –СПб : РАН; Санкт-Петербург. Ин-тут истории, 2003. – 23 с.
15. Белявина В. Н. Беларусь в годы Првой мировой войны. Минск : Беларусь, 2013.–398 с.
16. Лабынцев Ю. А. Повествования западнобелорусских беженцев-очевидцев о революционной России. URL : <http://www.knizkult.narod.ru/Labyncev.htm>. Дата доступа : 2011. 09. 17.
17. Улашчык М. Бежанства / публ. А. Ліса; пасляслоўе В. Скалабана. Спадчына. 2001.- №3–С. 211 – 218.
18. Курцев А. Н. Беженцы Первой мировой войны в России (1914 – 1917) // Вопросы истории. 1999. №8.
19. Лахарева Н. В. Судьба беженцев Первой мировой войны в Советской России (на примере Курской губернии) // Армия в истории России. Материалы межвуз. научн. конф. Курск : Изд-во РОСИ, 1997. С. 77–80.
20. Дзянніца. 1918. 19 жніўня. №25.
21. Забаўскі М. М. Праблемы аўтаноміі беларуска-літоўскіх губерняў у перыяд выбараў і дзейнасці расійскай Дзяржаўнай думы (1906–

- 1917 гг.) // Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст. У 2 кн. Кн. 1. С. 274–296.
22. Белякевич И. И. Из истории создания польских национальных формирований в составе русской армии во время Первой мировой войны // Первая мировая война. М. : Наука, 1968. С. 158–169.
23. Рыжанкоў І. М. Сялянства Беларусі ў вырашэнні грамадска-палітычных і эканамічных праблем (сакавік–кастрычнік 1917 г.) : аўтарэф. дыс. ... кандыдата гіст. навук. – Мінск, 2006. – 20 с.
24. Савіцкі В. Беларускае войска : ад ідэі да спроб рэалізацыі // Беларускі гіст. часопіс. 1994. №4. С. 56– 64.

УДК 327(73;510)

А. П. КОСОВ

(УО «Витебский государственный университет им. П. М. Машерова»)

ПОЛИТИКА США В ОТНОШЕНИИ КИТАЯ В ПЕРИОД ПРЕЗИДЕНТСТВА Д. ЭЙЗЕНХАУЭРА

В настоящей статье рассматривается эволюция внешней политики США в отношении Китая в период президентства Д. Эйзенхауэра. Особое внимание обращается на основные движущие силы внешнеполитического курса Вашингтона. В первую очередь освещаются подходы американской администрации и Конгресса США к Китаю, характеризуются политическая и военно-политическая составляющие стратегического курса Вашингтона в отношении КНР и Китайской Республики.

Выборы 1952 г. в США принесли победу республиканцам. Д. Эйзенхауэр победил, выдвинув платформу национальной безопасности, которая призывала к освобождению попавших под влияние коммунизма стран. Программа действий будущего президентства была создана его ближайшим советником по внешнеполитическим вопросам Дж. Ф. Даллесом [1, с. 84]. Это касалось и Азиатско-Тихоокеанского региона, в том числе и Китая. Хотя для Дж. Ф. Даллеса Азия являлась второстепенным регионом. Он полагал, что реальное сражение с коммунизмом для Запада состоится в Европе [1, с. 77].

Как известно, республиканцы активно критиковали доктрину «сдерживания» Г. Трумэна и утверждали, что именно из-за

«мягкотелости» демократов произошла «потеря Китая». Еще тогда они предлагали активизировать политику на китайском направлении, осуществлять не только «сдерживание» коммунизма, но и «освобождение» народов, попавших под его влияние. Поэтому, придя в Белый дом, администрация Д. Эйзенхауэра принялась проводить в отношении КНР политику «враждебного сдерживания», разработанную госсекретарем Дж. Ф. Даллесом [2, р. 298]. В рамках данной стратегии Вашингтон усилил тактику давления и изоляции Пекина на международной арене. По справедливому мнению украинского исследователя А. В. Шевчука, при Д. Эйзенхауэре китайская политика Вашингтона приняла «позиционный характер». Соединенные Штаты стали окружать КНР военно-политическими блоками, применять эмбарго и разнообразные ограничения на контакты с коммунистическим Китаем, которые имели экономический и политический характер [3, с. 81].

Конфронтационный характер внешней политики Вашингтона в отношении Пекина проявился уже в первые недели нового президентства. Так, 2 февраля 1953 г. Д. Эйзенхауэр в послании Конгрессу США заявил об окончании «защиты материкового Китая» от возможных акций гоминьдановских войск. Тем самым новый президент публично отмежевывался от политики своего предшественника. Пекину как бы давалось понять, что США «спускают Чан Кайши с поводка» [4]. В Вашингтоне старались создать действенный рычаг давления на Пекин. Одновременно Вашингтон постарался предостеречь Гоминьдан от втягивания Соединенных Штатов в войну с КНР. Госдепартаменту и командующему вооруженными силами США на Тихом океане поручалось добиться от Тайбэя твердых гарантий того, что тайваньские войска не предпримут наступательных операций без согласия Вашингтона. В итоге 16 апреля 1953 г. американский посол в Китайской Республике К. Рэнкин получил согласие не предпринимать действий наступательного характера без согласования с Америкой. Таким образом в этот период администрация Д. Эйзенхауэра рассматривала американо-тайваньские отношения в качестве одного из инструментов давления на Пекин в целях окончания войны в Корее [5, с. 46 – 47].

Но при этом Соединенные Штаты постарались дать понять Чан Кайши, что по-прежнему поддерживают Тайвань. Осенью 1953 г. с этой целью остров посетили многие представители политической и военной элиты США, включая вице-президента, сенаторов, конгрессменов и генералов [6, р. 175].

Новая администрация во многом оправдала надежды Чан Кайши, поскольку стала оказывать материально-техническую и финансово-экономическую поддержку Тайваню. Более того, остров стал рассматриваться в стратегическом планировании США как важный компонент внешнего периметра американской обороны, опорный пункт системы сдерживания КНР и сдерживания коммунизма в целом [3, с. 80]. Во многом это была заслуга китайского лобби в Вашингтоне. Таким образом, в годы первого президентского срока Д. Эйзенхауэра, США периодически демонстрировали готовность признать Тайвань полноценным союзником, в отличие от времен администрации Г. Трумэна, когда Чан Кайши приходилось довольствоваться «неофициальными» отношениями с Америкой. 6 ноября 1953 г. Д. Эйзенхауэр подписал документ СНБ 146/2, согласно которому остров официально включался в «оборонительный периметр» Соединенных Штатов, а также содержалось утверждение о необходимости защиты Тайваня от захвата враждебными США силами любой ценой [4].

Однако несмотря на публичную антипекинскую риторику Вашингтона администрация Д. Эйзенхауэра прилагала все усилия к тому, чтобы предотвратить вторжение гоминьдановцев на материк, которое могло спровоцировать ненужную войну между США и КНР. Другими словами, американцы стремились четко регламентировать действия Чан Кайши, дабы ограничить его агрессивность и авантюризм. Тем не менее, в 1954 г. Вашингтон впервые был вынужден вмешаться в ход военного противостояния между Пекином и Тайбэем после того, как в сентябре 1954 г. артиллерия КНР обстреляла Цзиньмэньдао. По мнению российского исследователя И. А. Цветкова: «Кризис показал, что при конфронтационном развитии событий первостепенное значение приобретает проблема «прибрежных островов», и что возможность манипулирования поведением Чан Кайши из Вашингтона имеет свои пределы» [4]. Администрация Д. Эйзенхауэра недоценила готовность Пекина отстаивать свои интересы в Азии, а военное вмешательство Вашингтона в зоне пролива оказалось ошибкой [2, р. 9].

В имевших место событиях американская администрация увидела, что тайваньский вопрос таит для нее серьезные опасности, а непредсказуемая политика Чан Кайши чревата втягиванием Соединенных Штатов в полномасштабную войну с коммунистическим Китаем. США стремились избежать начала новых боевых действий между островом и материком.

Поэтому, едва не оказавшись в состоянии войны, США и КНР были вынуждены искать пути выхода из сложившейся ситуации, что

также стало одним из важных итогов кризиса 1954 г. Китайское правительство выдвинуло программу мирного сосуществования с Западом. Пекинское руководство публично подчеркивало, что КНР не хочет войны с Соединенными Штатами [7, с. 769]. Вашингтон свел свою политику к акциям дезинтеграции коммунистического режима в Китае изнутри и публичного непризнания Пекина [2, р. 299]. Так, в 1954 г. на Женевской конференции госсекретарь Дж. Ф. Даллес оскорбительно демонстративно отказался пожать руку Чжоу Эньлаю [7, с. 598].

В подтверждение китайского курса Америки 2 декабря 1954 г. Вашингтон и Тайбэй подписали Договор о взаимной обороне между США и Тайванем, что не в последнюю очередь стало результатом осложнения ситуации в регионе [2, р. 560]. При этом вопрос о международном статусе Китайской Республики по-прежнему оставался для Соединенных Штатов не вполне ясным. Противоречивость информации, поступающей от американских дипломатов в Вашингтон, являлась хронической проблемой для Америки [8, р. 42]. Дело в том, что для американцев не существовало однозначно выгодного варианта решения данной проблемы. С одной стороны, провозглашение Тайваня независимым государством могло избавить США от необходимости сдерживать Тайбэй от непродуманных шагов в области политики «возвращения на материк». С другой стороны – это лишило бы Соединенные Штаты важного рычага давления на Пекин [4].

После кризиса 1954 г. Вашингтон считал целесообразным держать Чан Кайши «на привязи», отвергнув его установку на продолжение гражданской войны между островом и континентом [8, р. 86]. Президент Д. Эйзенхауэр одобрил возникшую идею американо-китайских переговоров. Поэтому с 1 августа 1955 г. США и КНР в Женеве начали серию встреч на уровне послов по выработке дальнейших путей сосуществования двух стран [9, с. 314]. Это означало признание Вашингтоном де-факто пекинского руководства и его легитимности [8, р. 86]. Вскоре появились и первые результаты этих встреч. Так, 10 сентября 1955 г. переговоры о взаимной репатриации гражданских лиц завершились заключением соответствующего соглашения, которое, правда, стало единственным, достигнутым на переговорах, продолжавшихся с перерывом до начала 1970-х гг. [9, с. 315]. В первую очередь, данные дипломатические контакты были направлены на поиск взаимопонимания сторон по проблеме Тайваня [10, с. 10 – 11]. В ходе переговоров Соединенные Штаты настаивали на официальном отказе КНР от применения силы в отношении Тайваня, но Пекин не соглашался, и выдвигал

встречные требования о прекращении «империалистического вмешательства» Америки во внутренние дела Китая [11, р. 42]. Однако осторожные попытки администрации Д. Эйзенхауэра «подправить «китайскую политику в духе концепции «двух Китаев» встретили решительное сопротивление не только правительства КНР, но и со стороны Чан Кайши и представителей «китайского лобби» в конгрессе США» [9, с. 315]. По этой причине Вашингтон посчитал утверждение и оформление статус-кво в Тайваньском проливе преждевременным, поэтому американские представители на данных переговорах уклонялись от обсуждения конкретных проблем и 12 декабря 1957 г. состоялась последняя американско-китайская встреча в Женеве [9, с. 315].

Американская политика в отношении Китая в рассматриваемый период стала результатом общих потребностей Америки в свете возобладавших в стране политических настроений и деятельности китайского лобби [12, р. 23]. Наибольшего влияния оно достигло к середине 1950-х гг. Лобби состояло из людей, считающих, что американский уход из Китая ослабил «заслон» против коммунизма [13, р. 205]. Именно в это время был создан и набрал силу так называемый «Комитет одного миллиона против допуска коммунистического Китая в ООН», поддерживавший режим Чан Кайши [14, р. 3]. Свое название он получил из-за главной инициативы его организаторов – собрать миллион подписей под соответствующей петицией. Основу «Комитета» составили конгрессмены У. Х. Джадд, К. С. Бриджес, сенаторы Б. Голдуотер, У. Ф. Ноулэнд, К. Уэрри, владелец журналов «Тайм» и «Лайф» Г. Люс, текстильщик А. Кольберг, генерал А. Ведемейер и др. При этом организация получала финансовую поддержку от Гоминьдана путем пожертвований ее секретарю М. Либману [15, с. 109].

Первый офис «Комитета» был открыт в октябре 1953 г. Уже в октябре был собран миллион подписей под петицией против членства КНР в ООН, которая была представлена президенту Д. Эйзенхауэру [13, р. 205]. Конечно же, деятельность «Комитета» не ограничивалась сбором подписей. Лоббирование интересов Тайбэя осуществлялось на самом высоком политическом уровне – в Конгрессе и Белом доме [14, р. 60–61]. В итоге, в 1950-е гг. Конгресс США, например, неоднократно принимал решения, препятствующие вступлению КНР в ООН [11, р. 46].

Вместе с тем отсутствие дипломатических связей и торговое эмбарго в отношении КНР наносили серьезный вред американским интересам в восточноазиатском регионе. Результатом этого стала активизация деятельности сторонников нормализации отношений с

КНР в американском конгрессе. Так, в 1957 г. признать коммунистический режим предложили видные сенаторы У. Фулбрайт и Т. Грин [16, р. 130]. К сторонникам признания пекинского правительства также относились такие известные представители американских политико-академических и общественных кругов, как Дж. Макговерн, Э. Сноу, Ф. Грин, Д. Барнетт, Г. Моргентау, Дж. Фэйрбэнк и др. [7, с. 431]. Однако большинство в политическом истеблишменте США в тот момент к этому еще было не готово. Более того, США разворачивали работу по проведению политики двух Китаев. Например, когда в 1957 г. Пекин предложил культурный обмен, Соединенные Штаты предъявили требование, в соответствии с которым КНР должна была отказаться от присутствия военной силы в Тайваньском проливе, на что Китай в ответ потребовал признания своего суверенитета над Тайванем [7, с. 560]. Более того, Мао Цзэдун считал, что внешнюю политику США ожидает банкротство. По его мнению, для этого народам мира необходимо лишь активизировать свои действия против американского гегемонизма и его союзников. На этом основании 23 августа 1958 г. китайцы обстреляли гарнизоны чанкайшистов на островах Большой и Малый Цзиньмэньдао, Таньдао и др. Правда, все же Мао Цзэдун постарался избежать столкновения с американцами и дал указание «не отстреливаться», даже когда ВМС США преследовали НОАК [7, с. 769]. В итоге в условиях нарастания напряженности, что могло привести к большой войне, стороны и решили возобновить прерванные переговоры.

Поэтому 15 сентября 1958 г. в Варшаве возобновились американско-китайские встречи, прерванные в конце 1957 г. При этом с 1959 г. инициатива на варшавских переговорах целиком и полностью перешла к американцам. С этого момента представители США пытались использовать встречи в Варшаве для обсуждения предлагавшихся ими мер по улучшению американско-китайских отношений, рассчитывая, что в условиях, проявившихся к этому времени советско-китайских противоречиях пекинское руководство будет более уступчивым [9, с. 315].

Таким образом, после прихода в Белый дом администрация Д. Эйзенхауэра пошла на дальнейшее ужесточение политики США в отношении КНР, что объяснялось общеполитическими установками республиканцев на международной арене. В последующие восемь лет Вашингтон на китайском направлении проводил политику, которая являлась составной частью таких политических и военно-стратегических концепций, как «доктрина сдерживания» и «доктрина освобождения», поскольку КНР рассматривалась американскими политическими и военными кругами как неотъемлемая часть мировой

социалистической системы. Однако при всей их агрессивной антикитайской риторике в 1950-е гг. многие представители политико-академических и общественных кругов Соединенных Штатов отдавали себе отчет в том, что коммунистический Китай был занят своими внутренними проблемами и не мог реально угрожать интересам США в Азии.

Список использованных источников и литературы

1. Вейнер Т. ЦРУ. Правдивая история. М. : Центрполиграф, 2013. 719 с.
2. Fairbank J. K. The United States and China. Cambridge (Mass.) : Harvard University Press, 1983. 632 p.
3. Шевчук О. В. Система безпеки Азійсько-Тихоокеанського регіону : фактори формування та тенденції розвитку. Миколаїв : Вид-во ЧДУ ім. Петра Могили, 2010. 200 с.
4. Цветков И. А. Политика США по отношению к тайваньской проблеме, 1949–1999 гг. : дис. на соиск. уч. степени канд. ист. наук по спец. 07.00.15 – ист. междунар. отн. и внеш. пол.; Санкт-Петербургский государственный университет. Спб., 2000. URL: <http://www.ushistory.ru/dissertatsii/179-dissertatsija-oglavlenie.html>. Дата доступа : 3.10. 2012.
5. Мирошников С. Н. Формирование администрацией Д. Эйзенхауэра политики в отношении Республики Китай // Американские исследования в Сибири. Материалы научных чтений / под ред. М. Я. Пелипася. Томск–Барнаул : Томский государственный университет, 1995 – С. 45–49.
6. Rankin K. L. China Assignment. Seattle : Washington University Press, 1964. XIX+343 p.
7. Дэвис Д. Э. Кривые зеркала. США и их отношения с Россией и Китаем в XX веке. М. : Вагриус, 2009. 912 с.
8. Bush R. c. At Cross Purposes. U.S. Taiwan Relations since 1942. N. Y : M. E. Sharpe, 2004. 286 p.
9. Занегин Б. Н. Политика в отношении Китая // Современная внешняя политика США : в 2-х т. М. : Наука, 1984. Т. 2. С. 302–340.
10. Воронцов В. Б. Китай и США : 60–70-е годы. М. : Наука, 1979. 172 с.
11. Tucker N. B. Taiwan, Hong Kong, and the United States, 1945–1992 : uncertain friendships N. Y. : Maxwell Macmillan International, 1994. XII+337 p.
12. Koen R. Y. The China Lobby in American Politics. N. Y. : Harper & Row, 1974. XXIII+279 p.
13. Edwards L. Missionary for Freedom : The Life and Times of Walter Judd. N. Y. : Paragon House, 1990. XV+364 p.
14. Bachrack S. D. The committee of one million : «China lobby» politics, 1953–1971. N. Y. : Columbia University Press, 1976. XI+376 p.

15. Лексютина Я. В. Деятельность Тайваньского и китайского лобби в США // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6 : философия, политология, социология, психология, право, международные отношения. 2009. Вып. 1. С. 109–120.
16. Chang J. J. L. United States – China normalization : An evaluation of foreign policy decision making. Denver (Colorado) : Denver University Press, 1986. 246 p.

УДК 930:94:327(438:470+570)*С. КУТШЭБА

М. М. МЯЗГА

(УА «Гомельскі дзяржаўны
ўніверсітэт імя Ф. Скарыны»)

ГІСТОРЫЯ ПОЛЬСКА-САВЕЦКІХ АДНОСІН У ДАСЛЕДАВАННЯХ С. КУТШЭБЫ

У артыкуле даследавана гістарыяграфічная спадчына адного з буйнешых польскіх гісторыкаў міжваеннага часу С. Кутшэбы. Паказана, што для яго гістарычных прац характэрны тыповыя рысы тагачаснай польскай гістарыяграфіі пры даследаванні польска-савецкіх адносін. Паколькі даследаваліся злабадзённыя праблемы стасункаў паміж Польшчай і Расіяй, палітычны фактар аказаў істотны ўплыў на змест работ.

З аднаўленнем незалежнасці Польшчы ў 1918 г. пачаўся новы этап у развіцці яе гістарычнай навукі. Адрадзіўшаяся дзяржава шукала ў гісторыі аргументы для абгрунтавання сваёй палітыкі. Для польскіх гісторыкаў цяпер, у адрозненні ад папярэдняга часу, прадметам даследавання стала палітыка ўласнай дзяржавы. У гістарычнай грамадскасці склалася перакананне, што гістарычная навука павінна служыць справе станаўлення і ўмацавання польскай дзяржаўнасці. У 1920 г. на Усепольскай канферэнцыі гісторыкаў у Варшаве адзначалася, што «праца гісторыкаў павінна быць найбольш цесна звязана з агульнымі арганізацыйнымі намаганнямі, накіраванымі на станаўленне дзяржавы» [1, s. 4–7]. Для польскай палітыкі пасля аднаўлення незалежнасці краіны адным з важнейшых было пытанне ўзаемаадносін з Савецкай Расіяй. Паміж дзвюма краінамі пачынаецца жорсткая ідэйна-палітычная барацьба, у якой актыўны ўдзел брала і гістарычная навука. Пры гэтым польскія гісторыкі, адстойваючы знешнепалітычныя інтарэсы сваёй дзяржавы, раздзяляліся на пэўныя

плыні галоўным чынам у залежнасці ад таго, знешнепалітычную лінію якіх палітычных сіл яны падтрымлівалі. Адным з буйнейшых польскіх гісторыкаў міжваеннага часу, які ў палітычным плане быў блізкі да нацыянальнай дэмакратыі і ў сваіх даследаваннях абгрунтоўваў яе палітыку, у тым ліку і ў дачыненні да Савецкай Расіі, з'яўляўся Станіслаў Кутшэба. У дадзеным артыкуле мы паспрабуем высветліць, якія аспекты польска-савецкіх адносін, польскай усходняй палітыкі сталі прадметам яго даследавання, наколькі абгрунтаванымі з'яўляюцца тыя высновы і канцэпцыі, што былі ім пабудаваны, у якой ступені на вынікі даследаванняў паўплывалі палітычныя сімпатыі і антыпатыі даследчыка. Асобныя савецкія і постсавецкія аўтары ў сваіх даследаваннях спыняліся на характарыстыцы польскай межваеннай гістарыяграфіі. Так, П. Альшанскі адзначаў прыналежнасць С. Кутшэбы да правага напрамку польскай міжваеннай гістарыяграфіі і лічыў яго адным з распрацоўшчыкаў канцэпцыі «двух ворагаў» [2, с. 8–9]. Але ў цэлым яшчэ далёка не ўсе аспекты развіцця польскай міжваеннай гістарыяграфіі атрымалі належнае асвятленне даследчыкаў на постсавецкай прасторы. Гэта датычыцца і творчасці С. Кутшэбы.

Цэнтральнай падзеяй у адносінах паміж Польшчай і Расіяй у міжваенны час была вайна паміж дзвюма краінамі 1919–1920 гадоў. У сваіх навуковых даследаваннях С. Кутшэба шмат увагі надаў гісторыі гэтай вайны. Разглядаючы прычыны яе ўзнікнення, польская гістарыяграфія імкнулася абгрунтаваць планы сваёй дзяржавы па ўсталяванню кантроля над беларускімі, украінскімі і літоўскімі землямі. У гэтым агульным русле вытрыманы і работы С. Кутшэбы. Для апраўдання польскай палітыкі ў дачыненні да «ўсходніх крэсаў» ён спасылаецца на этнічныя аргументы. У адной са сваіх прац ён сцвярджаў, што рускія несправядліва лічаць беларусаў часткаю свайго этнаса. Беларусы складаюць «асобнае этнаграфічнае славянскае племя», беларуская мова з'яўляецца асобнай, яна «напоўнена польскімі словамі і лепш разумеецца палякамі, чым рускімі» [3, с. 187–190]. Тым самым, вылучаецца тэзіс аб этнічнай блізкасці беларусаў з палякамі для апраўдання далучэння да Польшчы беларускіх зямель. С. Кутшэба ў 1921 г. друкуе работу, у якой даказвае, што на Віленшчыне, у Заходняй Беларусі палякі мелі яўную большасць сярод насельніцтва. Адпаведна, Польшча павінна была выступіць у іх абарону супраць наступаўшых бальшавікоў, якія занялі «гістарычную Літву, шэраг валасцей Літвы этнаграфічнай», а таксама землі Беларусі. Асабліва негатаўна было ўспрынята ў Польшчы заняцце бальшавікамі Вільні, «сярод жыхароў якой палякі яўна мелі большасць» [4, с. 162]. С. Кутшэба звязваў пачатак польска-савецкай вайны і з імкненнем Польшчы рэалізаваць свае планы па аслабленню Расіі [5, с. 173]. На наш погляд, С. Кутшэба

мае рацыю, калі асноўную прычыну вайны бачыць ў імкненні Польшчы аслабіць Расію, а зрабіць гэта можна было праз адарванне ад яе заходніх ускраін. Можна пагадзіцца і з тэзісам аб неабходнасці для Польшчы супрацьстаяць пагрозе распаўсюджвання сацыялістычнай рэвалюцыі зімой-вясной 1919 г. на штыках Чырвонай Арміі.

Адзін з аргументаў, які С. Кутшэба прыводзіць, каб апраўдаць польскую экспансію на «ўсходнія крэсы», – гэта няздольнасць беларусаў стварыць уласную нацыянальную дзяржаву. Ён адзначае слабасць беларускага нацыянальнага руху і нацыянальнай свядомасці беларусаў, што не дазволіла стварыць неабходнае асяроддзе для рэалізацыі ідэі федэрацыі [5, s.167]. Пры гэтым, на яго думку, польскія ўлады шмат рабілі каб заваяваць сімпатыі насельніцтва на акупіраваных тэрыторыях «усходніх крэсаў». Для доказу гэтага тэзіса С. Кутшэба спасылаецца на тое, што польскія ўлады на акупіраванай тэрыторыі Беларусі і Украіны дазвалялі свабоднае карыстанне беларускай і ўкраінскай мовай, у тым ліку і пры звароце ва ўладныя структуры. Праўда, прызнаваў, што мовай ўлады была польская [5, s. 163].

С. Кутшэба адзначаў наяўнасць двух канцэпцый у польскіх палітычных колах адносна праходжання ўсходняй граніцы краіны: федэрацыі і інкарпарацыі. Сам ён аддаваў перавагу апошняй. На ягоную думку, ідэя федэрацыі заснавана на тым, што этнічныя літоўскія і беларускія землі былі прапітаны польскай культурай, насычаны польскай традыцыяй і таму цягацелі да Польшчы. Народы, якія жылі на гэтых землях, маглі ўтварыць сваю дзяржаву ў межах ВКЛ па Люблінскай ўніі 1569 г., і ўступіць у новую ўнію з Польшчай. Тым самым, як лічыў С. Кутшэба, Польшча была б адзелена ад Расіі моцнай дзяржавай. Самым слабым бокам гэтай канцэпцыі С. Кутшэба лічыў тое, што літоўцы пра федэрацыю і чуць нічога не хацелі. Супраць ідэі ўніі выступала польскае насельніцтва ў Літве, асабліва ў Вільні, якое жадала непасрэднага далучэння да Польшчы. Канцэпцыю інкарпарацыі ён разглядаў як ідэю польскіх палітычных колаў дамовіцца з Расіяй на аснове раздзелу беларускіх зямель. Прадугледжвалася ўключэнне ў склад Польшчы як інтэграванай складовай часткі тых беларускіх зямель, на якіх назіралася абсалютная ці адносная перавага польскага насельніцтва, увогуле, пераважала насельніцтва каталіцкае, нягледзячы на нацыянальнасць, зямель якія былі пранікнуты польскай культурай. Тую частку беларускіх зямель, дзе пераважалі праваслаўныя беларусы, мелася на ўвазе аддаць Расіі [4, s. 164–165, 167–168]. С. Кутшэба дастаткова грунтоўна раскрыў у сваіх работах сутнасць канцэпцый федэрацыі і інкарпарацыі. Праз першую з іх Ю. Пілсудскі імкнуўся максімальна далёка на ўсход

адкінуць Расію і адгарадзіцца ад яе бар'ерам у выглядзе створанай на тэрыторыі былога ВКЛ дзяржавы. Канцэпцыя інкарпарацыі грунтавалася на ідэі пагаднення з Расіяй.

Апошняя спроба рэалізацыі ідэі федэрацыі, на думку С. Кутшэбы, быў паход Ю. Пілсудскага на Кіеў. Ён хацеў аддзяліць Украіну ад Расіі і дапамагчы С. Петлюры стварыць незалежную ўкраінскую дзяржаву ўзамен за яго адмову ад прытэнзій на Усходнюю Галіцыю і частку Усходняй Валыні. Але гэты план Пілсудскага прадстаўляецца даследчыку нерэалістычным, бо на Украіне не хапала дзяржаватворачых сіл [5, s. 173–174]. Ацэньваючы канцэпцыі інкарпарацыі і федэрацыі з пункту гледжання будучых адносін з Расіяй, С. Кутшэба лічыў больш прымальнай для Польшчы першую. Ён тлумачыў гэта тым, што «буферная дзяржава, якая была б утворана паміж Польшчай і Расіяй, стане полем пастаяннай барацьбы паміж Польшчай і Расіяй». А для Польшчы існуе пастаянная пагроза з боку Германіі. Таму яна вымушана шукаць пагадненне з Расіяй. Для гэтага Польшча не павінна імкнуцца адсунуць свае граніцы занадта далёка на ўсход [5, s.167–168].

У польскай гістарыяграфіі прысутнічаў пункт гледжання аб залежнасці Польшчы ў рашэнні пытання аб граніцах ад пазіцыі краін Захаду. Яго падтрымліваў і С. Кутшэба, які ўказваў у якасці аднаго з ключавых момантаў, што вызначаў палітыку Польшчы па пытанню граніцы, тое, што яна вымушана была лічыцца з пазіцыяй Антанта, якая ўзяла на сябе права рэгуляваць пытанне ўсходняй граніцы Польшчы [5, s. 164]. Ужо ў пачатку Парыжскай мірнай канферэнцыі, лічыць С. Кутшэба, стала зразумелым, што саюзнікі пагадзяцца перадаць Польшчы спрэчныя з Расіяй тэрыторыі толькі на аснове пагаднення паміж Польшчай і Расіяй. Ён адзначаў, што пры гэтым ЗША займалі пазіцыю стварэння Польшчы ў яе этнічных граніцах. Англія таксама выступала праціўнікам утварэння «вялікай Польшчы». Найбольш спрыяльнай для Польшчы ў пытанні аб граніцы з'яўлялася пазіцыя Францыі, якая была зацікаўлена ў стварэнні моцнай польскай дзяржавы, якая была б здольна хоць часова замяніць Францыі Расію ў якасці саюзніка. Як негатыўнае для Польшчы ацэньвае С. Кутшэба рашэнне Парыжскай канферэнцыі ад 8 снежня 1919 г. аб усталяванні лініі, на захад ад якой польскі ўрад атрымаў права ствараць адміністрацыю [4, s. 164]. Сапраўды, улічваючы рашэнні, прынятыя на Парыжскай канферэнцыі, пагадненні, якія былі падпісаны ў Спа ў ліпені 1920 г., можна пагадзіцца, што Антанта не збіралася задавальняць прытэнзіі Польшчы адносна яе ўсходняй граніцы.

Імкненне прадставіць палітыку сваёй дзяржавы ў найбольш выгадным святле прасочваецца і ў тых выпадках, калі С. Кутшэба

звяртаецца да вывучэння спроб мірнага ўрэгулявання польска-савецкага канфлікта. Ён прызнае, што ініцыятыва мірных перагавораў у гэты час зыходзіла з савецкага боку, які 29 студзеня 1920 г. звярнуўся да польскага ўрада з адпаведнай прапановай. У Польшчы ішла барацьба паміж прыхільнікамі перагавораў і тымі, хто выступаў за працяг вайны. Пры гэтым, большасць у польскай правячай эліце выступала за мір. Віну за зрыў спроб мірнага ўрэгулявання зімой – вясной 1920 г. С. Кутшэба ўскладае на Савецкую Расію. Яна не была настроена на дасягненне міру і спадзявалася задаволіць свае інтарэсы з дапамогай ваенных дзеянняў, аб чым сведчыла падрыхтоўка наступлення на Дзвіне. Што датычыцца паходу Ю. Пілсудскага на Кіеў, то ён падаецца як польскі адказ на пагрозу савецкага наступлення [5, s. 171–172]. Неабходна адзначыць, што паход Ю. Пілсудскага на Кіеў планаваўся для рэалізацыі галоўнага пункта яго ўсходняй палітыкі з пачатку 1920 г. – стварэння незалежнай ад Расіі Украінскай дзяржавы. Таму польскі бок не быў зацікаўлены ў завяршэнні вайны вясной 1920 г.

Характарызуючы мэты Савецкай Расіі ў вайне з Польшчай, С. Кутшэба адзначаў, што «вайна з бальшавікамі пагражала не толькі стратай часткі тэрыторыі ... пагражала яна ... сацыяльнай рэвалюцыяй, а ў далейшым ліквідацыяй польскай дзяржавы» [4, s. 175–176]. На сённяшні дзень крыніцы, якія маюцца ў распараджэнні даследчыкаў, дазваляюць зрабіць выснову аб імкненні Савецкай Расіі летам 1920 г. з дапамогай Чырвонай Арміі прынесці сацыялістычную рэвалюцыю ў Польшчу, што фактычна азначала для яе страту незалежнасці.

Наступны аспект польска-савецкіх адносін міжваеннага часу, да вывучэння якога звяртаецца ў сваіх працах С. Кутшэба, – падрыхтоўка і падпісанне Рыжскага міру. На яго думку, «катастрафічнае становішча савецкіх войскаў» пасля Варшаўскай бітвы садзейнічала таму, што Расія і Польшча «без асаблівых цяжкасцей» прыйшлі да заключэння папярэдняга міру [4, s. 183]. Сапраўды, першапачаткова савецкі ўрад выставіў Польшчы надзвычай цяжкія ўмовы міру. Але пасля паражэння Чырвонай Арміі пад Варшавай ён праявіў гатоўнасць ісці на значныя саступкі, што было адлюстравана ў пастанове УЦВК ад 23 верасня 1920 г. С. Кутшэба выказваў пункт гледжання, згодна якому ў ходзе перамоў стала відавочна, што граніца пройдзе непасрэдна з Расіяй і граніцу неабходна правесці так, «каб яна не была прадметам спрэчак у цяперашні час і ў будучым» [6, s. 51]. Ён адзначае, што Рыжскі мір задаволіў не ўсіх у Польшчы. Гучаў пункт гледжання, што ў руках Расіі засталіся тэрыторыі, на якіх жыве польскае насельніцтва і знаходзяцца польскія маёнткі. Але большасць польскага грамадства з задавальненнем сустрэла ўмовы міру, які мог стаць асновай трывалага

ўрэгулявання польска-расійскіх адносін [4, s. 186–187]. Адзначым, што сярод незадаволеных Рыжскім дагаворам быў і Ю. Пілсудскі, які адкрыта гаварыў аб гэтым блізкім да яго афіцэрам польскай арміі.

Сярод польскіх даследчыкаў міжваеннага часу шырокае распаўсюджанне атрымала гіпотыза, згодна якой Рыжскі дагавор па віне савецкага боку не стаў асновай для наладжвання добрасуседскіх адносін паміж Савецкай Расіяй і Польшчай у міжваенны час. Свой уклад у распрацоўку гэтай канцэпцыі ўнёс і С. Кутшэба. Ён указваў на невыкананне савецкім бокам шэрагу палажэнняў Рыжскага дагавора і пры гэтым адзначаў, што «пры заключэнні Рыжскага дагавора забылі аб гарантыях і цяпер ад добрай волі савецкага ўрада залежыць, выконваць гэты трактат ці не. А гэтай добрай волі там не шмат» [6, s. 58]. Дакументы сведчаць, што савецкі бок імкнуўся максімальна зацягнуць выкананне матэр'яльных абавязацельстваў па Рыжскаму дагавору. Член калегіі НКЗС Я. Ганецкі ў лісце паўпраду ў Варшаве ад 1 чэрвеня 1923 г. з гэтай нагоды пісаў: «Без перабольшвання можна сказаць, што мы за прайшоўшыя два гады выканалі не больш адной сотай абавязацельстваў. У гэтым пытанні мы праявілі сабатаж максімальны» [7, л. 103]. Нягледзячы на існаванне сур'ёзных праблем у польска-савецкіх адносінах, С. Кутшэба лічыў для Польшчы вельмі пажаданым прыйсці да пагаднення менавіта з Расіяй, таму што «только так Польшча магла б забяспечыць сябе ад небяспекі з двух бакоў..., да чаго будуць імкнуцца немцы, шукаючы ўзаемапаразумення з Расіяй» [6, s. 57].

Пры гэтым С. Кутшэба прызнаваў наяўнасць негатыўных момантаў і ў палітыцы Польшчы, якія адмоўна ўплывалі на стан польска-савецкіх адносін. У даследаванні, якое было выдадзена ў 1923 г., у якасці такога фактара ён прызнаваў тое, «што палітыка Польшчы ідзе з французскай у адным напрамку» [6, s. 32–33]. Францыя ў той час цвёрда стаяла на пазіцыях непрызнання Савецкай Расіі, покуль тая не выканае яе ўмовы. Французскі ўрад аказваў ціск на Польшчу, каб і тая заняла больш жорсткую пазіцыю ў адносінах да Савецкай Расіі. Але, на думку С. Кутшэбы, Польшча, якая мела «з бальшавікамі агульную граніцу, стаць на такую пазіцыю не можа» [6, s. 35]. Можна таксама адзначыць і шэраг іншых момантаў польскай палітыкі, якія негатыўна ўплывалі на польска-савецкія адносіны: імкненне стварыць польска-балтыйскі саюз, падтрымка антысавецкіх арганізацый, парушэнне правоў нацыянальных меншасцей.

С. Кутшэба быў прыхільнікам польскага правага палітычнага лагера. Тым не менш, ён адстойваў пункт гледжання, што пашырэнне паўнамоцтваў урада Польшчы ў выніку майскага пераварота станоўча

паўплывала на яе становішча на міжнароднай арэне [8, s. 302]. На яго думку, «санацыйная Польшча» імкнулася падтрымліваць добрыя адносіны з рознымі дзяржавамі. Гэта, як лічыць С. Кутшэба, рабіла для яе немагчымым у сярэдзіне 1930-х гадоў заключэнне Усходняга пакта, які быў накіраваны супраць Германіі [8, s. 305]. Сапраўды, польскі ўрад лічыў падпісанне Усходняга пакта немагчымым, бо гэта азначала адступленне ад проводзімай ім палітыкі раўнавагі паміж Масквой і Берлінам, якую Ю. Пілсудскі лічыў асновай бяспекі краіны.

Такім чынам, працы С. Кутшэба, прысвечаныя гісторыі польска-савецкіх адносін, у цэлым былі вытрыманы ў агульным русле развіцця польскай гістарыяграфіі міжваеннага часу. Названы аўтар акцэнтаваў увагу на абгрунтаванне польскай усходняй палітыкі. Выразна прасочваецца імкненне ў максімальна прывабным святле паказаць палітыку сваёй дзяржавы, а пры даследаванні палітыкі Савецкай Расіі на першы план выходзіць крытычны пафас. Калі С. Кутшэба звяртаецца да праблемы ўсталявання польскай усходняй граніцы пасля Першай сусветнай вайны, яскрава абазначаецца яго палітычная блізкасць да польскай «правіцы», бо ён у гісторыі шукае аргументы для падтрымкі дактрыны інкарпарацыі. Палітычная ангажыраванасць аўтара некалькі зніжае навуковую значымасць яго даследаванняў, як і абмежаваны доступ да гістарычных крыніц.

Спіс выкарыстаных крыніц і літаратуры

1. Zakrzewski S. Historjografja polska wobec wskrzeszenia panstwa. Lwów : Druk. zakładu narodowego im. Ossolińskich, 1924. 39 s.
2. Ольшанский П. Н. Рижский договор и развитие советско-польских отношений. 1921–1924. М. : Наука, 1974. 288 с.
3. Kutrzeba S. Kongres, traktat i Polska. Warszawa : Gebethner i Wolff, 1919. 198 s.
4. Kutrzeba S. Polska odrodzona 1914–1921. Krakow : Gebethner i Wolff, 1921. 230 s.
5. Kutrzeba S. Polska odrodzona 1914–1922. Krakow : Gebethner i Wolff, 1922. 264 s.
6. Kutrzeba S. Nasza polityka zagraniczna. Krakow : Druk. «Głos Narodu», 1923. 121 s.
7. Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 04. Оп. 32. П. 212. Д. 52564. Т. 1.
8. Kutrzeba S. Polska odrodzona. 1914–1928 Warszawa : Nakład Gebethnera i Wolffa, 1935. 322 s.

А. Я. БАРСУК

(УА «Мазырскі дзяржаўны педагагічны
ўніверсітэт імя І.П. Шамякіна»)

МІЖКАНФЕСІЙНАЯ БАРАЦЬБА Ё РЭЧЫ ПАСПАЛІТАЙ : АГЛЯД ГІСТАРЫЯГРАФІІ ХІХ СТАГОДДЗЯ

У артыкуле прадстаўлены агляд расійскай гістарыяграфіі міжканфесійнай барацьбы (праваслаўя, каталіцтва, уніяцтва) у Рэчы Паспалітай на беларускіх і ўкраінскіх землях. Дадзена характарыстыка асноўных гістарыяграфічных канцэпцый ХІХ ст. у Расійскай імперыі, з якіх пануючай была праваслаўная канцэпцыя ў рамках заходнерусізма.

Актуальнасць даследавання этнапалітычных і канфесійных пытанняў абумоўлена неабходнасцю вывучэння працэсаў узаемадзеяння розных канфесій у складзе поліэтнічнай дзяржавы, менавіта такой, як Рэч Паспалітая.

Зразумела, што цікавасць навукоўцаў да міжканфесійных зносін узрастае ў канцы ХVІІІ–ХІХ стст., пасля падзелаў Рэчы Паспалітай. У расійскай гістарыяграфіі вызначаецца негатыўны падыход да ролі царкоўна-рэлігійнай уніі і каталіцтва на беларускіх і ўкраінскіх землях («исконно русских и православных») у ХVІ– ХVІІІ стст. Гістарычнай асновай адмоўных ацэнак канфесійнага жыцця ў Рэчы Паспалітай стала рэлігійна-палемічная літаратура другой паловы ХVІ–ХVІІ стст., пад уплывам якой міжканфесійная барацьба ператварылася ў палітычны сродак барацьбы. Такім чынам, у першай палове ХІХст. фарміруецца заходнерускі накірунак гістарыяграфіі.

Адной з першых такіх работ было даследаванне М. Бантыш-Каменскага «Историческое известие о возникшей в Польше униии, с показанием начала и важнейших, в продолжение оной чрез два века, приключений, паче же о бывшем от Римлян и Униатов на благочестивых тамошних жителей гонении». Нават назва працы вызначае негатыўныя вынікі ўніі для праваслаўнага насельніцтва на далучаных землях. Аўтар прадстаўляе некаторыя звесткі па гісторыі праваслаўя на Беларусі і Украіне, заснаваныя на інфармацыі Г. Каніскага, Магілёўскага архіепіскапа адзінай праваслаўнай епархіі і матэрыялах з архіва Калегіі замежных спраў Расіі. Галоўную ўвагу М. Бантыш-Каменскі засяродзіў на скаргах праваслаўнага

насельніцтва і маскоўскаму заступніцтву за «единоверных и единоплеменных своих» [1, с. 405].

Удакладніў канцэпцыю Бантыш-Каменскага мітрапаліт Яўгеній (Болхавіцінаў), які вызначаў ролю праваслаўнага і ўніяцкага духавенства ў пашырэнні ўніі і барацьбе супраць яе, асабліва ў гады казацкіх войнаў другой паловы XVII ст. [2, с. 180–204.].

Іншага пункту гледжання прытрымліваліся прафесары Віленскага ўніверсітэта П. Баброўскі, Я. Ярашэвіч і Т. Нарбут, якія разглядалі ўніяцтва як рэлігію, што садзейнічала захаванню самабытнасці народа [3; 4].

Адным з самых вядомых іх апанентаў быў таксама ўраджэнец Беларусі, прафесар Санкт-Пецярбургскага ўніверсітэта М. І. Каяловіч, яскравы прадстаўнік заходнерусізма. Адна з яго прац, выдадзеная у Санкт-Пецярбургу ў 1890 г., мела назву «Разбор соч. П. И. Бобровского : Русская греко-католическая церковь в царствование императора Александра I. Историческое исследование по архивным документам и указание на основании архивных документов иной постановки всех главных униатских вопросов того времени».

Такім чынам, да сярэдзіны XIX ст. вызначылася два асноўныя падыходы да вывучэння рэлігійнага становішча ў Рэчы Паспалітай : негатыўная і станоўчая ацэнкі ролі ўніяцтва ў захаванні самабытнасці беларусаў і ўкраінцаў.

Аднак пануючае месца ў расійскай гістарыяграфіі другой паловы XIX – пачатку XX стст. займала афіцыйная канцэпцыя «триединого русского народа» (вялікаросы, маларосы, беларусы), якая супрацьстаяла вялікапольскай канцэпцыі (палякі, ліцвіны, русіны). Ва ўмовах барацьбы гэтых дзвюх канцэпцый нацыянальнага і этнапалітычнага будаўніцтва ўніаты не мелі права на ўласную ідэнтычнасць. У сувязі з гэтым расійская гістарычная навука ў 80–90-я гг. XIX в. імкнулася сфарміраваць адмоўныя адносіны да уніятаў, вызначыўшы пракаталіцкі і прапольскі характар іх гісторыі.

Гэтую пазіцыю якрава адзначыў М. Каяловіч : «Людям близко знающим Россию и Польшу понятно и ясно как божий день, что оба эти племена – Белорусы и Малоросы – тот же русский народ, что они не могут быть причисляемы к Польскому народу... менее было бы странно, если бы Поляки старались группировать в одно чисто польский народ в областях чисто польских : но они постоянно бросаются на чужую почву, на почву Русскую – в Западную Россию, на почву, которую русский народ никогда не уступит... Русская наука не может не чувствовать, что на ней особенно лежит эта обязанность. Она ближе к этому делу, и как читатели увидят,

обладает не малым запасом материалов для уяснения истории и быта Западной России» [5, с. 6–8].

У сваіх працах («Документы, объясняющие историю западной России и ее отношение к восточной России и к Польше», «О Литовской церковной унии», «История русского самосознания по историческим памятникам и научным исследованиям») прафесар акрэслівае асаблівасці канфесійнай сітуацыі на далучаных землях, зазначае, што дзяржаўная рэлігійная палітыка ў Рэчы Паспалітай была даволі паспяховай, асабліва пасля Брэсцкай уніі 1596 г., «сопровождаясь отторжением от протестантской веры высших классов литовско-русского общества и даже значительной части народа». Ён робіць выснову, што «соединение (у выніку Люблінскай уніі) не могло проникнуть вглубь местной русско-народной жизни» [6, с. 11].

М. Каяловіч першым зрабіў праваслаўную канцэпцыю Брэсцкай царкоўна-рэлігійнай уніі сістэматызаванай і навуковападобнай, падмацаваў яе вялікім фактычным матэрыялам, прааналізаваў вытокі рэлігійнай уніі і сродкі яе рэалізацыі, сцвярджаў, што казакі абаранялі ўласную веру і царкву ад іншаверцаў.

Сярод прадстаўнікоў дзяржаўнай гістарыяграфічнай школы большай грунтоўнасцю, выкарыстаннем багатага фактычнага матэрыялу і крытычнага да яго стаўлення вызначаецца У. Антановіч, прафесар Кіеўскага ўніверсітэта.

Міжканфесійнай барацьбе ў XVI– XVIII стст. на беларускіх і ўкраінскіх землях прысвечаны яго працы «Очерк отношений польского государства к православию и православной церкви» і «Очерк состояния православной церкви в Юго-Западной России с половины XVII до конца XVIII столетия».

Даследчык спачатку дае агульную характарыстыку канфесійнага становішча, пераважна на ўкраінскіх землях, асобна вызначае гісторыю Кіева і ўплыў праваслаўя на грамадскае жыццё. Так, на думку гісторыка Кіева-Пячорскі манастыр быў адным з самых магутных землеўладальнікаў ў Вялікім княстве Літоўскім, меў уласнасць «во всех поветах Киевского княжения... получает в дар земли и имения на северном берегу Припяти, в Белой Руси и Литве, в поветах Слуцком, Логойском, Глуском, Бобруйском, Могилевском, Виленском» [7, с. 262]. У дачыненні да ўніі ён вызначае, што «она немедленно отразилась на жизни города... Уже с 1597 г. встречаем распоряжения: об отнятии Киево-Печерской архимандрии у ревностного поборника православия архимандрита Никифора Тура, о передаче митрополичьих и монастырских имений в распоряжение принявшего унию митрополита Михаила Рогозы и его преемника Ипатия Потее, о передаче униатам киевских церквей и монастырей.

но... киевское как белое, так и и монашествующее духовенство не признало унии... попытки овладеть церквями были отражены при помощи населения» [7, с. 214].

На думку гісторыка, у перыяд з 1596 г. па 1648 г. пашырэнне ўніяцтва не мела афіцыйнага характару: «давление католическое имеет вид частных насилий и правительственной интриги или гнета, возводимого в законную норму... За все это время не находим ни одного постановления, внесенного в польские законы в ущерб православию...многочисленные могущественные православные дворянские роды, своим влиянием в Сенате и своим голосом на Сейме, заставляли королей гарантировать при каждом случае свободу вероисповедания... Короли наделяют чинами, должностями, сенаторскими местами, доходными староствами исключительно католиков и особенно лиц, переходящих из православия в католицизм,... православные дворянские роды беднеют или не выдерживают и поддаются заманчивой иезуитской пропаганде, подкрепленной надеждой на мирские блага» [7, с. 270– 271].

Адной з перадумоў правядзення рэпрэсіўнай палітыкі супраць праваслаўя, на думку навукоўца, стала забойства «гонителя православия» Ясафата Кунцэвіча ў 1623 г. у Віцебску, што выклікала «в польско-католическом обществе страшное раздражение».

Вельмі цікавую выснову робіць Антановіч аб прычынах казацкіх хваляванняў: «крутые действия польского правительства ... вызывали все более и более резкие вспышки в народных массах. Собралась медленно гроза, которая должна была разразиться через сорок лет страшною катастрофою» [7, с. 214].

Антановіч падкрэсліваў гістарычнасць афіцыйнай канцэпцыі заходнерусізма, што яскрава прасочваецца ў яго характарыстыцы сродкаў і вынікаў пашырэння ўніі: «главная ошибка инициаторов унии: они не обратили внимание на то, что основная черта устройства православной церкви – в соборном характере, в непризнании слепого повиновения иерархии в делах веры и в отсутствии централизации в самой иерархии» [7, с. 282].

Найбольш яскрава афіцыйны пункт гледжання на гісторыю канфесійных адносін у Рэчы Паспалітай знайшоў сваё ўвасабленне ў работах выкладчыка Літоўскай духоўнай акадэміі Г. Я. Кіпрыяновіча, яго «Исторический очерк православия, католичества и унии в Белоруссии и Литве», выдадзены ў 1895 г., выкарыстоўваўся ў якасці вучэбнага дамаможніка ў праваслаўных духоўных школах Літвы і Беларусі [8]. Ён жа з'яўляецца аўтарам нарыса пра Ясафата Кунцэвіча[9].

Такім чынам, гістарыяграфічная традыцыя XIX ст. аказала моцны ўплыў на далейшае развіццё гістарычнай навукі. У пачатку XX ст. фарміраванне беларускага і ўкраінскага нацыянальных рухаў выклікала неабходнасць пераасэнсавання канфесійных працэсаў у нацыянальнай гісторыі і абумовілі розныя падыходы да ацэнкі міжканфесійных адносін у сучаснай гістарычнай навучы.

Спіс выкарыстаных крыніц і літаратуры

1. Бантыш-Каменский Н. Н. Историческое известие о возникшей в Польше унии, с показанием начала и важнейших, в продолжение оной чрез два века, приключений, паче же о бывшем от Римлян и Униятов на благочестивых тамошних жителей гонении. М., 1805.
2. Евгений (Болховитинов), митр. Описание Киево-Софийского собора и Киевской иерархии. К., 1825.
3. Jaroszewicz J. Obraz Litwy pod wzgłodem jej cywilizacji, od czasow najdawniejszych do konca wieku XVIII. Wilno, 1844–1845. Cz. I-III.
4. Narbutt T. Dziejstarozytne narodu Litewskiego. T. 9 : Panowanie Zygmuntów. Wilno, 1841.
5. Коялович М. О. Документы, объясняющие историю западно-русского края и его отношения к России и Польше. СПб. : типография Эдуарда Праца, 1885.
6. Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным исследованиям. 3-е изд. СПб. : типография А. С. Суворина, Эртелев пер., д.13, 1901.
7. Антонович В. Б. Монографии по истории Юго-Западной Росси. Т.1. Киев : типография Е. Я. Федорова, Крещатинская площ., собствен. дом, 1885.
8. Киприанович Г. Я. Исторический очерк православия, католичества и унии в Белоруссии и Литве с древнейшего времени до настоящего времени. 2-е доп. изд.. Вильно : тип. И. Блюмовича, 1899.
9. Киприанович Г. Я. Иосафат Кунцевич. Вильно, 1912.

С. А. ЧАРОПКА

(УА «Гомельскі дзяржаўны
ўніверсітэт імя Ф. Скарыны»)

ЗМЕНИ Ў АРГАНІЗАЦЫІ ПОЛЬСКОЙ І ЛІТОЎСКОЙ АРМІЙ ПАСЛЯ РЭФОРМЫ Ў 70-80-Х ГАДАХ ХVІІІ СТАГОДДЗЯ

У прадстаўленым артыкуле ў параўнальным ключы даследуецца становішча абедзвюх армій Рэчы Паспалітай – кароннай і літоўскай, пасля правядзення рэформы 1775 г. Выдзяляюцца кірункі рэформы, а таксама метады яе ажыццяўлення, высвятляюцца фактары, якія перашкаджалі практычнай рэалізацыі рэформы, а таксама прадстаўляюцца фактычныя вынікі гэтага мерапрыемства ў справе паляпшэння абароназдольнасці польска-літоўскай дзяржавы.

Апошняе стагоддзе існавання Рэчы Паспалітай стала цяжкім выпрабаваннем для народаў, якія насялялі Рэч Паспалітую. Цяжкі ўнутрыпалітычны крызіс, у спалучэнні з рэзкім узмацненнем суседніх дзяржаў ператварыў «рэспубліку абодвух народаў» які значна аслабіў польска-літоўскую федэрацыю. Адною з сур'ёзнейшых праблем стала слабаць армій Кароны і ВКЛ. Нельга не заўважыць, што з другой паловы ХVІІст. тэмпы развіцця арміі польска-літоўскай федэрацыі сталі паступова запавольвацца. У той час, калі ў вядучых еўрапейскіх дзяржавах стаў назірацца трэнд да адмовы ад феадальнага апаўчэння як асновы ўзброеных сіл з паступовым пераходам камплектавання арміі на рэкруцкую аснову, у Польшчы і Літве паспалітае рушанне ўсё яшчэ лічылася асновай войска. Ваенная кіраўніцтва «рэспублікі абодвух народаў» доўгі час не заўважала ўзмацнення ролі пяхоты ў вайсковай справе, робячы стаўку на кавалерыю. Асаблівую спецыфіку ўзброеным сілам Рэчы Паспалітай надаваў яшчэ і той факт, што войска падзялялася на дзве практычна незалежныя адна ад адной структуры – каронную армію і армію ВКЛ.

Гісторыя арміі Рэчы Паспалітай ужо знайшла адлюстраванне ў гістарыяграфіі, тым не менш, асобныя аспекты гэтай праблемы, такія як працэс арганізацыі і развіцця рэгулярнай арміі ВКЛ, яшчэ застаецца маладаследаваным момантам айчыннай мінуўшчыны. Можна канстатаваць, што на сённяшні дзень зроблены толькі першыя спробы вывучэння працэсу арганізацыі рэгулярнай арміі ВКЛ [1, 2, 3]. Нягледзячы на тое, што польскія гісторыкі зрабілі вялізную працу па

вывучэнню развіцця кароннай арміі, тым не менш, даследванне працэса станаўлення ўзброеных сіл Рэчы Паспалітай у комплексе яшчэ мае патэнцыял [4–14].

Працэс арганізацыі рэгулярных узброеных сіл Рэчы паспалітай распачаўся яшчэ ў 1717 г. на так званым «нямым сойму», які вызначыў канкрэтныскладвойскаў, а таксама аб'ёмы і крыніцы фінансавання абедзвюх армій [15, с. 137]. Аднак створаная пасля рэформы 24-тысячная армія Рэчы Паспалітай (каронная і ВКЛ разам) аказалася не ў стане выконваць сваю непасрэдную функцыю – абараняць дзяржаву, яна аказалася нават меншым за саксонскае войска, якое налічвала 30 тыс. жаўнераў [16, с. 8, 10]. Наступныя палітычныя і ваенныя падзеі першай паловы XVIII ст. пацвердзілі поўную бездапаможнасць абедзвюх армій. У сувязі з гэтай акалічнасцю на сойме 7 мая 1764 г. было вырашана стварыць «Вайсковую камісію», якая павінна была распачаць рэфармаванне арміі [17, с. 39, 83]. На сойме 3 снежня 1764 г. была створана падобная Вайсковая камісія ВКЛ [18, с. 170; 19, с. 20]. Камісіі зрабілі канкрэтныя захады накіраваныя на павышэнне фінансавага забеспячэння абедзвюх армій, у прыватнасці на іх утрыманне дадаткова выдаткоўвалася каля 750 тыс. злотых штогод. [20, с. 234–235]. Але палітычны крызіс, які з 1768 па 1772 гг. разраіўся ў Рэчы Паспалітай з аднаго боку спыніў рэалізацыю рэформы 1766 г., але з іншага боку падштурхнуў да новай, больш радыкальнай рэформы. Гэтае пытанне стала адным з найбольш важных на сойме 1773–1775 г.

У 1775 г. былі прыняты наступныя рашэнні. Была павышана колькасць асабістага складу абедзвюх армій з 24 да 30 тыс. чалавек (22 тыс. – каронная, 8 тыс. – літоўская). Змянілася сістэма вышэйшага кіравання войскам. Найвышэйшая ўлада была перададзена ад гетманаў да Вайсковага дэпартаменту, які замяніў Вайсковую камісію [9, с. 352]. Гетманы станавіліся звычайнымі сябрамі гэтага органа, яны пазбавіліся права прызначэння афіцэраў, якое перайшло да караля [21, с. 534]. Нягледзячы на недахоп сродкаў, на фінансаванне адной толькі арміі ВКЛ было выдаткавана 6 596 000 зл. [22, с. 402–403]. Аднак, цяжкае фінансавое становішча Рэчы Паспалітай унёс свае карэктывы ў рэалізацыю рэформы. У 1776 г. было выдаткавана грошаў на ўтрыманне толькі 12 311 жаўнера ў Кароне і 4 770 на Літве. Тым не менш, генеральная лінія на павелічэнне колькасці войска захавалася.

Вялікай праблемай для абедзвюх армій быў недахоп кваліфікаваных кадраў, што тлумачылася заганнай сістэмай продажу-пакупкі афіцэрскага званняў і пасадак. У сувязі з гэтым паслы звярнулі ўвагу на падрыхтоўку дасведчаных афіцэрскага кадраў. 100 тыс. зл. выдзялялася на дзейнасць рыцарскай школы ў Варшаве [23, с. 568].

Паводле пастановы сойма 1778 г. траціна кадэтаў школы павінна была паходзіць з ВКЛ [24, с. 585-586].

Улічваючы тэндэнцыю на ўзмацненне ролі пяхоты ў вайсковай справе, важным наступствам рэформы стала павелічэнне колькасці пяхотных падраздзяленняў за кошт скарачэння некаторых кавалерыйскіх часцей, а таксама ўпарадкаванне арганізацыі конніцы. Замест ранейшага падзелу кавалерыі на гусараў, панцырных, пяцігорцаў і казацка-татарскіх лёгкіх харугваў уводзіўся падзел на больш цяжкую нацыянальную кавалерыю і больш лёгкую пярэдняю варту. Па выніках рэформы ў 1776–1777 гг. каронная армія падзялялася на 3 дывізіі, армія ВКЛ на 2 дывізіі. Кожная з дывізіяў уключала ўсе роды войск – пяхоту, пярэдняю варту і нацыянальную кавалерыю.

Вышэйшым органам апераўнага камандавання кароннай арміі з'яўляўся Генеральны штаб, якому падпарадкоўваліся 4 брыгады нацыянальнай кавалерыі, 2 палкі пярэдняй варты, 4 драгунскія палкі, 14 пяхотных палкоў, 2 венгерскія пяхотныя харугвы і корпус артылерыі. Павелічэнне пяхотных падраздзяленняў адбылося за кошт расфарміравання трох драгунскіх палкоў. У цэлым пяхотныя палкі, за выключэннем даволі баяздольнага гвардзейскага палка колькасцю больш за 1,5 тыс. штыкоў, былі дастаткова слабымі, налічвалі ад 353 да 467 жаўнераў, што не адпавядала нават батальёну ў замежных арміях таго часу. Рота ўвогуле налічвала ад 45 да 57 жаўнераў. Не лепшая сітуацыя была і ў захаваных драгунскіх палках. Колькасць драгунаў у палку складала каля 250 шабель, толькі гвардзейскі полк налічваў 465 жаўнераў.

Польскія брыгады нацыянальнай кавалерыі складаліся з 24 харугваў, якія сукупна налічвалі па 737 шабель. Палкі пярэдняй варты ўключалі па 8 харугваў па 47 жаўнераў у кожнай. Корпус артылерыі кароннай быў павялічаны да 404 жаўнераў. Структурна корпус падзяляўся на 2 брыгады па 2 роты ў кожнай. Кожная рота налічвала па 83 артылерыстаў. Пры артылерыйскім корпусе быў створаны корпус інжынераў з 12 чалавек. Да артылерыі быў далучаны таксама пяхотны батальён колькасцю 427 жаўнераў.

Вялікія змены адбываліся ў дачыненні да драгунаў і пяхоты арміі ВКЛ. Лейб-рэгімент драгунаў каралеўскіх ВКЛ пераўтвараўся ў полк карабінераў гвардыі коннай. Астатнія тры драгунскія палкі спешываліся і пераўтвараліся ў пяхотныя палкі [22, с. 403]. У выніку колькасць пяхотных падраздзяленняў значна павялічалася, што адпавядала неабходным для таго часу тэндэнцыям у ваеннай справе. Пяхота ВКЛ складалася з 7 палкоў і ўключала ў сябе рэгімент пешы гвардыі літоўскай і 6 палкоў пешых, а таксама 2 янычарскіх харугвы [22, с. 403]. Асобнае, але вельмі нязначнае месца ў літоўскай арміі

займаў корпус артылерыі, які фактычна складаўся з 2 рот. Таксама баявым падраздзяленнем была харугва венгерскай пяхоты Галоўнага Трыбунала ВКЛ, якая, аднак, у штат арміі афіцыйна не ўваходзіла.

Літоўская кавалерыя складалася з драгунскага палка гвардыі коннай, 2 брыгад нацыянальнай кавалерыі і 5 палкоў пярэдняй вартыі налічвала 2670 чалавек і. У палку коннай гвардыі ВКЛ, у адрозненне ад адпаведнага каронага палка, служыла не 425, а ўсяго 318 чалавек, на фінансаванне якіх выдзелялася 269 364 злотых, што эканоміла для дзяржаўнага бюджэта крыху больш за 90 тыс. злотых [25, арк. 21].

Брыгады нацыянальнай кавалерыі ВКЛ налічвалі па 478 коней. Кожная брыгада складалася з 4 швадронаў, кожны з якіх ўключаў у сябе па 4 харугвы. Тактычнай адзінкай брыгады з'яўлялася харугва. У кожным з 4 швадронаў налічвалася па 4 паручнікі, кожны з якіх кіраваў асобнай харугвай [25, арк. 16]. Рэальным кіраўніком харугвы быў намеснік, а не стаячы над ім харунжы. Паручнік і ротмістр адыгрывалі хутчэй рытуальныя функцыі.

Асабліва няпроста ажыццявіць намечаныя крокі аказалася менавіта ў брыгадах нацыянальнай кавалерыі. Афіцэрскі корпус гэтых падраздзяленняў звычайна паходзіў з магнатаў. Ротмістрамі нацыянальнай кавалерыі звычайна былі ваяводы, кашталяны, біскупы і нават сам кароль [26, с. 157]. Як адзначаў сучаснік С. Касмоўскі, афіцэры не мелі «ніякага ўяўлення аб вайскавай службе ... Гэтыя ўсе толькі для гонару нашэння мундзіра тыя рангі мелі, бо ранг ротмістра азначаў генерала, ранг паручніка – палкоўніка, а харунжага ранг падпалкоўніка, намеснік жа меў ранг капітана, таварыш ранг харунжага» [27, с. 6]. У сувязі з гэтым важным элементам рэформы стала ўвядзенне сістэмы адпаведнасці вайсковых званняў кавалерыі і пяхоты, былі дакладна вызначаны паўнамоцтвы генерала артылерыі, генерал-лейтэнантаў і генерал-маёраў, а таксама пытанні адказнасці вайскоўцаў за здзяйснення імі злачынствы ў адносінах да цывільнага насельніцтва. Але з другой праблемай – практыкай продажу вайсковых пасадаў і званняў справіцца аказалася вельмі няпроста. Толькі на сойме 1784 г. былі зроблены захады па абмежаванню продажу афіцэрамі сваіх званняў.

Такім чынам, трэба адзначыць наступнае. Нягледзячы на спробы прагрэсіўных пластоў грамадства палепшыць сітуацыю ў справе абароназдольнасці краіны рэформы аказаліся недастатковымі. Зрабіўшы крокі ў бок павелічэння колькасці войска і яго структурнай мадыфікацыі, прыцып камплектавання арміі заставаўся ранейшым – у кавалерыі шляхам прывода таварышамі сваіх почтаў, а ў пяхоце праз вярбоўку дабрахвотнікаў. Спроба Вайсковага дэпартаменту ўвесці колькасна абмежаваную рэкруцкую павіннасць (1000 рэкрутаў

на год) сустрэла моцную апазіцыю з боку шляхты і аказалася няўдалай. Ва ўмовах, калі вядучыя краіны Еўропы, такія як Францыя, Прусія, Расія ўжо перайшлі да рэкруцкага спосаба камплектавання арміі, гэта быў відавочны недахоп, які значна зніжаў абароназдольнасць краіны. Літоўская армія, зыходзячы з прынцыпа прапарцыянальнасці, як і раней была значна меншай за каронную, як структурна (2 брыгады нацыянальнай кавалерыі ў ВКЛ супраць 4 у Кароне, 6 пяхотных палкоў супраць 14 адпаведна, драгунаў у ВКЛ увогуле ліквідавалі і г.д.), так і колькасна (маецца на ўвазе колькасць асабістага складу ў падраздзяленнях). Тым не менш, нягледзячы на ўсе недахопы рэформа арміі ў 1775 г. стала вельмі неабходнай для Рэчы Паспалітай з'явай. У выніку асцярожных дзеянняў Вайсковага дэпартаменту пачаліся станоўчыя зрухі ў пытанні арганізацыі ўзброеных сіл краіны. Армія Рэчы Паспалітай стала паступова пераўтварацца з дэкаратыўнага элемента ў сапраўдны баявы інструмент дзяржавы. Рэформа 1775 г. стала важным падмуркам для далейшага развіцця ўзброеных сіл як у ВКЛ, так і Польшчы, якое працягнулася ў канцы 80-х – пачатку 90-х гг. XVIII ст.

Спіс выкарыстаных крыніц і літаратуры

1. Грыгор'еў М. Войска ВКЛ ад Сасаў да Касцюшкі (1765-1794). Мінск, 1994. 168с.
2. Гужалоўскі А. Войска ВКЛ: апошнія старонкі гісторыі // Бел.гіст. часопіс. –1994. –№ 1. – С. 48–52.
3. Чаропка, С. А. Войска ВКЛ у святле ваеннай рэформы 1717 г. // Науч. Труды Респ. инстит. высш. школы : сб. науч. статей; в 2 ч. Ч.1; редкол. В.Ф. Берков (отв. ред.) [и др.]. Минск : РИВШ, 2012. С. 336–343
4. Чаропка С. А. Ваенная рэформа ў Вялікім княстве Літоўскім 1764–1766 гг. // Беларусь і суседзі: шляхі фарміравання дзяржаўнасці, міжнацыянальныя і міждзяржаўныя адносіны: зборнік навук. Артыкулаў; вып. 1.; рэдкал. : Р.Р. Лазько [і інш.]. Гомель : УА «ГДУ імя Ф. Скарыны», 2012. С. 25–30.
5. Gembarzewski B. Rodowody pułków polskich i oddziałów równorzędnych od r.1717 do r. – Warszawa nakładem tow.wiedzy wojskowej, 1925. 100 s.
6. Górski K. Historia piechoty polskiej. Kraków nakładem księgarni polskiej spółki wydawniczej, 1893. 274 s.
7. Górski K. Historia jazdy polskiej. Kraków nakładem księgarni polskiej spółki wydawniczej, 1894. 366 s.
8. Górski K. K. Historia artylerii polskiej. Warszawa, w księgarnie E.Wende, 1902. 325 s.
9. Kukiel M. Zarys historii wojskowości w Polsce. Kraków, nakładem Krakowskiej spółki wydawniczej, 1929. 356 s.

10. Nowak T.M., Wimmer J. Historia oręża Polskiego 963–1795. Warszawa : Wiedza powszechna, 1981. 700 s.
11. Rostafiński N. Zarys historii rozwoju wojskowości w Polsce (992–1792) Poznań : Nakł. księgarni Fr. Gutowskiego, 1922. 164 s.
12. Wimmer J. Historia piechoty polskiej do roku 1864. Warszawa : MON, 1978.
13. Augustyniak U. Historia Polski. 1572–1795. Warszawa : wyd-wo naukowe PWN, 2008. 1008 s.
14. Historia wojskowości polskiej. Warszawa : MON, 1972. 871 s.
15. Konstytucje Seymu pacificationis Warszawskiego 1717 r. // Volumina Legum. Petersburg, nakładem i drukiem J. Ohryzki, 1860. T. VI. S. 122–202.
16. Müller, R. Die Armee Augusts des Starken. Das sächsische Heer von 1730 bis 1733, Berlin, Militärverlag der DDR, 1984. 116 s.
17. Konfederacya Generalna omnium Ordinum Regni et Magni Ducatum Luthuaniae na konwokacyi Głowney Warszawskiej uchwalona // Volumina Legum. – Petersburg, nakładem i drukiem J. Ohryzki, 1860. T. VII. S. 7–55.
18. Konstytucje Seymu walnego koronacyi krola JMCI 1764 r. // Volumina Legum. Petersburg, nakładem i drukiem J. Ohryzki, 1860. T. VII. S. 138–169.
19. Twardowski, B. Wojsko polskie Kościuszki w roku 1794. Poznań, Nakł. Księgarni katolickiej, 1894. 90 s.
20. Konstytucje Wielkiego Księstwa Litowskiego 1766 r. // Volumina Legum. Petersburg, nakładem i drukiem J. Ohryzki, 1860. T. VII. S. 222–244.
21. Konstytucje Seymu ordynarnego Warszawskiego roku 1776 od dnia 26 sierpnia aż do dnia 31 października, pod względem Konfederacyi Generalnej obojga narodów agitującego się // Volumina Legum. – Petersburg, nakł. i drukiem J. Ohryzki, 1860. T. VIII. S. 526–564.
22. Konstytucje Wielkiego Xięstwa Litowskiego 1775 r. // Volumina Legum. Petersburg, nakł. i drukiem J. Ohryzki, 1860. T. VIII. S. 389–590.
23. Konstytucje Wielkiego Xięstwa Litowskiego 1776 r. // Volumina Legum. Petersburg, nakł. i drukiem J. Ohryzki, 1860. T. VIII. S. 564–574.
24. Konstytucje Seymu ordynarnego Warszawskiego Sześciomiesiącznego roku Pańskiego 1778 dnia 5 miesiąca października // Volumina Legum. Petersburg, nakł. i drukiem J. Ohryzki, 1860. T. VIII. S. 575–581.
25. Biblioteka Czartoryskich. Rękopis 2555 IV. Komput y płaca woyska WXL. 84 s.
26. Kitowicz J. Opis obyczajów i zwyczajów za panowania Augusta III. Kraków, 1925.
27. Kosmowski S. Pamiętniki z końca XVIII wieku. Poznań, 1867.

Е. В. КОРЕНЬ

(УО «Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины»)

ИННОВАЦИОННЫЕ И КОНСЕРВАТИВНЫЕ ЧЕРТЫ МЕНТАЛИТЕТА РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Русская интеллигенция явилась сосредоточием креативного потенциала общества. В ее менталитете (умственно-психическом складе) сочетались стремления к новаторству, преобразованиям в политической, экономической, культурной сферах с тенденциями к консерватизму, осмыслению и утверждению традиционных национально-культурных и духовно-нравственных ценностей.

К интеллигенции обычно относят деятелей искусства, науки, образования, мыслителей, активно влияющих на общественно-культурные процессы, на формирование и состояние общественных идеалов, на историческую память народа [1, с. 46; 2, с. 216].

Интеллигенция (от лат. *intelligens* – мыслящий, понимающий, духовный) – это специфически российское явление в плане общественной роли [3, с. 10–11]. По мнению В. В. Кожина, интеллигенция в России играла роль, «аналогичную роли демократических институтов и учреждений в странах Запада». [4, с. 110]. Название интеллигенция в пореформенную эпоху 1860-х гг. применялось в отношении группы интеллектуалов, преимущественно разночинского происхождения, стоявших в радикальной оппозиции к власти, часто скептически относившихся к правительственным реформам и ратовавших за интересы народа. Несколько ранее это понятие использовалось литераторами пушкинского круга (Жуковским, например) для обозначения представителей образованных светских кругов [5, с. 24].

Понятие *интеллигенция* с самого начала приобрело морально-политическое звучание. Г. П. Федотов и Н. А. Бердяев указывали на ошибочность распространения термина интеллигенция на всех образованных людей вообще [6, с. 67; 7, с. 406–407]. Бердяев выделил два типа интеллигенции. Во-первых, интеллигенция – это «созидатели духовной культуры нации», «лучшая часть общества», наиболее образованная, благородная, талантливая и творческая, которая «есть соль земли, истинная выразительница народного духа»

[6, с. 69–70]. Во-вторых, интеллигенция – это «третий элемент», ведущий свое начало от 1860-х гг. имеющий сильный сословно-классовый привкус, гордящийся своим демократическим происхождением, отсутствием традиции духа как заслугой. Говоря о передовой роли интеллигенции в общественной жизни, Бердяев подчеркивает, что дворянские интеллектуалы, вольно отрекавшиеся от своих сословных привилегий «во имя всенародной правды», более достойны признания, чем круг деятелей, ограниченных «направленческими, узкоинтеллигентскими интересами» [6, с. 68–71]. Такова роль А. С. Пушкина, декабристов, многих славянофилов и западников, А. И. Герцена, Ф. М. Достоевского и др. [6, с. 76].

Г. П. Федотов, В. В. Кожинов, начиная историю интеллигенции с Древней Руси, причисляют к ней именно носителей общественной совести и выразителей духовно-интеллектуальной сущности народа (от автора Слова о полку Игореве до Л. Н. Толстого).

По мнению И. В. Кондакова, интеллигенция это – «круг людей, чьими знаниями и мыслительными усилиями создаются и поддерживаются ценности, нормы и традиции культуры» [8, с. 65]. К. Б. Соколов называет интеллигенцией всех, кто профессионально занимается формированием картины мира любого (от самого консервативно-охранительного до самого леворадикального) образца во все времена [9, с. 162–164, 192].

Принадлежность к интеллигенции в России XIX – первой четверти XX в. определялась не только интеллектуальной деятельностью, но и высокими духовно-нравственными запросами и качествами личности, общественной активностью, приверженностью к идее «общественного блага», предпочтением духовных ценностей и общенациональных интересов каким-либо корпоративным приоритетам.

Особенно активный период общественно-культурной деятельности интеллигенции приходится на вторую половину XVIII в. – первую четверть XX в. Это связано со спецификой общественно-политического и духовно-культурного развития страны. История России Нового времени представляет собой сплошную цепочку переломных эпох: смута, религиозные реформы, петровские реформы, дворцовые перевороты, буржуазные реформы 1860–х гг., революции XX в. Типичной чертой общественной жизни было постоянное чередование эпох реакции и либерализма, взаимодействие и противоречие консервативных, инновационных, революционных тенденций. Л. М. Гаспаров даже причины появления интеллигенции связывает с тем, что России за три века пришлось пройти «ускоренный курс европейского развития». Интеллигенция играла роль своего рода двигателя в беспрестанных реформационных процессах XVIII–XIX вв. [3, с. 10].

Это способствовало специфическому синтезу прогрессистских и консервативных черт менталитета интеллигенции, обусловило тип деятелей, склонных брать на себя ответственность за судьбы своей страны и едва ли не всего мира.

На характер интеллигентского менталитета существенно повлияли религиозные процессы в России (конфессиональная политика властей, религиозные и религиозно-философские (масонство) движения, вольтерьянство и т. п.). В духовных исканиях интеллигенции происходил своеобразный синтез христианско-православных идеалов святости с гуманистическими и просветительскими ценностями. Это способствовало развитию в XIX в. таких уникальных явлений как религиозная философия (софиология) и теургическая эстетика.

Специфическое воздействие на менталитет русской интеллигенции оказала политика европеизации, проводившаяся верховной властью. Это, с одной стороны, способствовало межкультурным контактам, расширению образованного слоя русского общества. Но насильственные меры, пренебрежение национальными духовными ценностями, которое не редко допускалось монархами от Петра I до Александра I, вызывало отрицательную реакцию в различных образованных кругах общества. Интерес к истории допетровской России иногда приобретал фрондирующий характер (например, «О повреждении нравов в России» М. М. Щербатова). Даже консервативно настроенный Н. М. Карамзин в своей «Истории государства Российского» выразил независимую общественную позицию, осуждая крайности самодержавного произвола.

Отличаясь довольно высокой степенью развития исторического самосознания, русская интеллигенция XVIII–XIX вв. стремилась осмысливать настоящее с учетом духовного опыта прошлого, синтезировать национальные и общечеловеческие духовные ценности. В искусстве первой четверти XIX в., в связи с патриотическим подъемом, вызванным Отечественной войной 1812 г., были востребованы исторические образы Минина и Пожарского. Для либеральной и демократической интеллигенции, начиная с А. И. Герцена, символом были образы казненных декабристов.

Поскольку русская интеллигенция сформировалась преимущественно на основе дворянской интеллектуальной элиты, для ее менталитета были характерны многие дворянские черты [10, т. 1, с. 682] [11, т. 1, с. 82–85; 12, с. 41–43]. Передовые освободительные идеи имели налет аристократизма [13, с. 181]. Просветительство и гуманизм сочетались в интеллигентском сознании с дворянскими идеалами чести, благородства, верного служения отечеству, ответственности за его

судьбу и историю. [14, с. 40]. Идея «служения отечеству», укорененная в дворянском сознании, имела сильное влияние на характер социальной активности интеллигенции, ее обостренное чувство справедливости (правдоискание), гипертрофированные, социально окрашенные чувства долга и чести, исторической значимости и гражданской ответственности. [15, с. 41–43]. Идею «общественного блага» интеллигенты нередко исповедовали с религиозным рвением.

Во второй половине XVIII в. появился тип общественно активных дворянских интеллектуалов, которые осознавали себя скорее культурной аристократией, чем феодальной, претендовали на руководство обществом и властью, стремились «исправлять нравы». Свои занятия литературой, искусством, наукой они ставили выше знатного происхождения, титула и чина [16, с. 31, 52–55, 128].

Дворянские понятия чести и долга они интерпретировали не в феодальном, а именно в интеллигентском контексте. Так, А. П. Сумароков в сатире «О благородстве» говорил: «Достоин я, коль я сыскал почтенье сам, // А если ни к какой я должности не годен,—// Мой предок дворянин, а я не благороден» [17, с. 53]. Ему вторил Г. Р. Державин в сатире «Вельможа»: «Хочу достоинства я чтить, // Которые собою сами // Умели титулы заслужить // Похвальными себе делами» [17, с. 108].

Д. И. Фонвизин, автор комедии «Недоросль», написал два сочинения реформаторского характера: «Рассуждение о третьем чине» в 1766 г. и «Рассуждение о непременных государственных законах» (1780-е гг.). В первом [18, с. 115], он говорил о необходимости социальных реформ, освобождения талантливых крепостных, а во втором — о пагубности злоупотреблений в управлении государством и важности законов, которым подвластен и монарх [18 с. 257, 261, 266]. Фонвизин бичевал феодальные предрассудки, но положительным персонажем комедии «Недоросль» он сделал именно Стародума.

И. А. Крылов высмеивал сословное чванство в сатирических памфлетах в «Почте духов»: «Деревенский дворянин... почел бы обеспеченным благородство древней своей фамилии, если б занялся когда чтением какой нравоучительной книги... Науки почитает он совсем несвойственным для благородных людей упражнением» [19, с. 102].

Под влиянием христианских и просветительских идей в сознании дворянских интеллигентов зародилась тенденция к раскаянию в историческом дворянском грехе владения «крещеной собственностью», и сострадание к угнетенным крестьянам. Чувства передовой интеллигенции конца XVIII – начала XIX в. по отношению к крепостническим порядкам очень точно характеризуют слова

А. Н. Радищева : «Я взглянул окрест меня – душа моя страданиями человечества уязвлена стала» [20, с. 95]. Напоминая о Пугачеве в «Путешествии из Петербурга в Москву», А. Н. Радищев вопрошает собратий по сословию : «Но если ужас гибели и опасность стяжаний подвигнуть может слабого из вас, неужели не будем мы толико мужественны в побеждении наших предрассуждений, в попрании нашего корыстолюбия и не освободим братию нашу из оков рабства и не восстановим природное всех равенство?» [20, с. 196]. Начиная с А. Н. Радищева и до 1917 г., интеллигенция видела свою главную задачу в борьбе с социальной несправедливостью.

В декабристские времена идея «общественного блага» уже не только возвышала интеллигентов над сословными интересами, но и обуславливала в их умонастроениях идеи о самопожертвовании ради «общественного блага».

Писатель М. Н. Муравьев, выражая свое стремление к «благу общему» в XVIII в., призывал помнить, что «бедный теперь голоден» [21, с. 290–292]. Его сын, автор декабристской конституции Н. М. Муравьев, и другие декабристы на деле защищали солдат от избиения, кормили крестьян в голодные годы, выкупали талантливых крепостных на волю, боролись против произвола в администрации, в армии, в суде, заводили ланкастерские школы и училища для солдат и крестьян. По мнению Ю. М. Лотмана, декабристы «скорее напоминали молодых ученых, чем армейскую вольницу» [12, с. 380–383]. И. Д. Якушкин и С. П. Трубецкой вспоминали, что многие «офицеры изучали науки», имеющие целью «усовершенствование гражданского быта государства» [22, с. 382–383; 23, с. 86–87].

Декабристы в своих действиях руководствовались не только сочувствием к угнетенному народу, но и сознанием чести и долга в гражданском смысле. Д. И. Завалишин писал : «Для истинной нравственности я не допускал никакого раздвоения... я считал нечестным делом не только одно присвоение денег, но и всякую несправедливость для личной цели. Еще меньше я понимал, что можно быть честным в одном деле и нечестным в другом, платить карточный долг равному себе и не платить мастеровому, говорить об улучшении быта народного и в то же время распутствовать, развращая народ и соблазняя его собственным примером и тем отравляя нравственность в самом жизненном источнике ее, упрекать народ в пьянстве и самому участвовать в оргиях» [24, с. 13].

В момент междуцарствия 1825 г. декабристов толкало на открытое выступление именно чувство чести. Постыдные торги в высших кругах о России как семейной собственности правящей династии, равнодушные и насмешливые выражения и вопросы «кому продадутся

бараны?» сильно задевали созревшее гражданское чувство [23, с. 42]. И. И. Пущин в письме А. С. Пушкину писал, что «ежели мы ничего не предпримем, то заслуживаем во всей силе имя подлецов» [25, с. 84].

В сознании декабристов имелись явные тенденции к сочетанию реформаторских устремлений с консерватизмом. Они создали революционные тайные общества, преобразовательные проекты, открыто выступили против верховной власти. Однако, восстание на Сенатской площади в Петербурге превратилось в вооруженную демонстрацию. Восстание Черниговского полка в Киевской губернии вылилось в военные маневры. После подавления движения многие декабристы каялись, писали императору письма, пытаясь объяснить причины общественного недовольства и призывая к реформам.

Характерно, что дальнейшая деятельность декабристов была чисто интеллигентской, культурно-просветительской [26]. Их «каторжная академия», школы и училища в Сибири были закономерным результатом их политического движения. Н. Д. Францева писала, что декабристы «имели громадное нравственное влияние на сибиряков : их прямота, всегдашняя со всеми учтивость, простота в обращении и вместе с тем возвышенность чувств ставили их выше всех, а между тем они были равно доступным для каждого» [27, с. 386]. Н. А. Белоголовый отмечал, что «истинное просвещение сделало то, что люди эти не кичились ни своим происхождением, ни превосходством образования, а, напротив, старались искренно и тесно сблизиться с окружающей их провинциальной средой и внесли в нее свет своих познаний... они были такими живыми образцами культуры, что естественным образом поднимали значение и достоинство ее в глазах всякого, кто приходил с ними в соприкосновение...» [27, с. 369].

Декабристы способствовали росту реформаторских настроений. П. Я. Чаадаев в «Философических письмах», давших мощный импульс развитию философской мысли в России, назвал рабство главной причиной отсталости России, ибо оно превращает «в ничто самые благородные усилия... пятнает все наши добродетели» [28, с. 60–61].

Во второй половине XIX в. ряды интеллигенции сильно расширились. Большая ее часть революционизировалась под давлением властного произвола, часто подчиняя нравственные понятия революционным целям [29, с. 25; 30, с. 29–30]. Декабристы оппозиционным интеллигентам начала XX в. казались более консервативными, чем либеральными. Размышляя о каявшихся во время следствия декабристах, Д. С. Мережковский поражался : «Это ли вчерашние мятежники, цареубийцы? Революция сползла с них как истлевшее лохмотье, открывая голое тело реакции» [31, с. 140].

Итак, в умонастроениях и менталитете русской интеллигенции в

исторической ретроспективе имели место как реформаторские, так и консервативные черты, высокий уровень исторического самосознания, синтез западных культурных влияний с национальными культурными идеалами. Выражая инновационную культуру общества, русская интеллигенция в то же время стремилась хранить традиционные духовные ценности.

Список использованных источников и литературы

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М. : Русск. язык, 1981. Т. 2. 779 с.
2. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М. : Русский язык, 1984. 797 с.
3. Гаспаров Л. М. Интеллектуалы, интеллигенты, интеллигентность. // Русская интеллигенция. История и судьба М. : Наука, 1999. С. 5–14.
4. Кожин В. В. Попытка беспристрастного размышления об интеллигенции // Русская интеллигенция. История и судьба. М., 1999. С. 110–113.
5. Степанов Ю. С. «Жрец» нарекись, и знаменуйся «жертва» (К понятию интеллигенции в истории российского менталитета) // Русская интеллигенция. История и судьба. М. : Наука, 1999. С. 14–44.
6. Бердяев Н. А. Духовный кризис интеллигенции. М. : Канон, 1998. 400 с.
7. Федотов Г. П. Трагедия интеллигенции // О России и русской философской культуре. М. : Наука, 1990. С. 403–443.
8. Кондаков, И. В. К феноменологии русской интеллигенции // Русская интеллигенция. История и судьба. М. : Наука, 1999. С. 63–90.
9. Соколов К. Б. Мифы об интеллигенции и историческая реальность // Русская интеллигенция. История и судьба. М. : Наука, 1999. С. 149–208.
10. Отечественная история : энциклопедия : В 5 т. М. : БРЭ, 1994. Т. 1. 688 с. : ил.; 1996. Т. 2. 656 с. ил.
11. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII–начало XX в.). СПб. : Дмитрий Буланин, РГНФ, 1999. Т. 1. 548 с; Т. 2. 567 с.
12. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре : быт и традиции русского дворянства (XVIII – XIX). СПб. : Искусство, 1994. 399 с. , 40 л. ил.
13. Марасинова Е. Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII в. (По материалам переписки). М. : РОССПЭН, 1999. 302 с.
14. Пшеничникова И. И. К истории морально-этической лексики : Честь и достоинство в текстах XVIII–XIX вв. // Вестник ЛГУ. – История, языковедение, литературоведение – 1980. – Вып. 4. С. 39–43.
15. Черная Л. А. От идеи «служения государю» к идее «служения отечеству» в русской общественной мысли второй половины XVII – начала XVIII в. // Общественная мысль : Исследования и публикации . М. : Мысль, 1989. С. 28–43.
16. Гуковский Г. А. Очерки по истории русской литературы XVIII в.

- Дворянская фронда в литературе 1750–1760-х гг. М.; Л. : АН СССР, Ин-т полит. лит., 1936. 237 с.
17. Муза пламенной сатиры. Русская стихотворная сатира от Кантемира до Пушкина. М. : Современник, 1988. 540 с.
 18. Фонвизин Д. И. Собр. соч. В 2 т. Т. 1–2.. М. : Гос. издат. худ. лит., 1959. Т. 2. 742 с.
 19. Крылов И. А. Почта духов. Спб. : Императ. Тип., 1802. IV + 182 с. (Фонд Паскевичей Гомельской обл. б-ки им. В.И. Ленина).
 20. Радищев А. Н. Избранное. М. : Правда, 1988. 443 с.
 21. Полн. собр. соч. М.Н. Муравьева. В 3 ч. Спб. : Тип. Российской Академии, 1820. – Ч. 3. – 325 с. (Фонд Паскевичей Гомельской обл. б-ки им. В.И. Ленина).
 22. Якушкин И. Д. Записки // Декабристы. Избр. соч. В 2 т. Т. 2. М. : Правда, 1987. С. 380–507.
 23. Трубецкой С. П. Материалы о жизни и революционной деятельности. – В 2 т. / Иркутск : Вост.-Сибирское книж. изд., 1983 Т. 1. 409 с.
 24. Записки декабриста Д. И. Завалишина. Спб. : Сириус, 1906. 464 с.
 25. Пущин И. И. Записки о Пушкине. Письма. М. : Художественная литература, 1988. 559 с.
 26. Корень Е. В. Декабристы после декабря. Ретроспективная самооценка и менталитет // Веснік Гродзенскага дзярж. універсітэта ім. Я. Купалы. Сер 1. Гісторыя, філасофія, паліталогія, сацыялогія., –2009. – № 3 (86) С. 12–21.
 27. Декабристы в воспоминаниях современников. М. : МГУ, 1988. 508 с.
 28. Чаадаев П. Я. Статьи и письма. М. : Современник, 1989. 623 с.
 29. Бердяев Н. А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи. Свердловск : Изд. Уральского ун-та, 1991. С. 6–25.
 30. Булгаков С. Н. Героизм и подвижничество // Вехи. Свердловск : Изд. Уральского ун-та, 1991. С. 26–68.
 31. Мережковский Д. С. Больная Россия. Избранное. Л. : ЛГУ, 1991. 272 с.

С. Б. ЖИХАРЕВ

(УО «Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины»)

**ВОЕННОПЛЕННЫЕ ЦЕНТРАЛЬНЫХ ДЕРЖАВ
НА ЧАСТНЫХ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИХ ПРЕДПРИЯТИЯХ
ЮГА РОССИИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПРОТОКОЛОВ СОВЕТА СЪЕЗДА
ГОРНОПРОМЫШЛЕННИКОВ ЮГА РОССИИ)**

В статье на основе протоколов Совета съезда горнопромышленников Юга России исследован механизм привлечения к труду и особенности применения труда пленных солдат Австро-Венгрии и Германии на частных предприятиях металлургической, горной и горнозаводской промышленности Юга России. Автором показана роль Совета съезда в распределении военнопленных на частные предприятия, выявлена степень взаимодействия его руководства с военными властями и предпринимателями по вопросам отпуска, размещения, распределения и доставки военнопленных, их заработной платы, изучено развитие нормативно-правовой базы, призванной регулировать использование труда военнопленных

История военного плена на территории Российской империи в Первую мировую войну начала изучаться еще в советской историографии. Вместе с тем, едва ли можно говорить о сколько-нибудь глубоком и всестороннем изучении в то время этого чрезвычайно широкого и многоаспектного явления. Исходя из задач, стоявших перед советской исторической наукой, внимание исследователей концентрировалось главным образом на наиболее важных в тех общественно-политических и идеологических условиях сюжетах. Речь шла в первую очередь об участии плененных выходцев из Центральных держав в событиях октябрьской революции 1917 года и гражданской войны на территории Советской России [1]. Использование трудовых ресурсов в народном хозяйстве Российской империи за счет находившихся в плену выходцев из Австро-Венгрии и Германии практически не попадало в поле зрения советских авторов и не стало темой специальных обобщающих научных работ.

Существенные сдвиги в состоянии обозначенной проблемы начали наблюдаться в 1990 и 2000-е годы. Современными

российскими историками предпринимаются попытки комплексного исследования положения иностранных военнопленных Первой мировой войны (уточнение численности, национальный состав, размещение на территории страны, правовое положение, управление военнопленными, организация и условия их труда, повседневная жизнь в плену, взаимоотношения с местным населением). Привлечение военнопленных Центральных держав к труду как в сфере сельского хозяйства, так и промышленности в различных регионах страны (Урал, Сибирь, отдельные губернии Европейской России) нашло отражение в целой серии монографий, статей, диссертационных работ российских исследователей. Современные авторы активно привлекают материалы местных и центральных архивов, источники личного происхождения (письма военнопленных), что способствует расширению не только источниковой базы исследований, но и тематики научных работ, постановке и решению широкого спектра самых различных проблем.

Столетний юбилей начала Первой мировой войны стал поводом для подведения итогов в изучении проблемы военного плена на территории Российской империи в 1914–1918 гг. Назрела необходимость выявления «белых пятен» и потребность определить перспективные направления будущих исследований. В статье И. Б. Беловой [2] представлен обзор советской, современной российской и зарубежной историографии по истории военного плена на территории России периода Первой мировой войны. Автор проанализировала все основные работы и пришла к выводу о том, что, несмотря на наличие серьезных результатов, достигнутых историками, существует масса вопросов, нуждающихся в специальном научном рассмотрении.

В украинской историографии практически отсутствуют исследования по проблематике военного плена Первой мировой войны на территории Украины в целом и пребывании иностранных военнопленных на металлургических предприятиях в частности. В связи с чем вызывает интерес статья полтавского исследователя Виктора Саранчи [3], посвященная правовому положению и условиям пребывания военнопленных Первой мировой войны на территории Кременчугского гарнизона в 1916 г. (динамика численности пленных, их национальный, социальный и конфессиональный состав, бытовые условия, повседневная жизнь, использование труда, взаимоотношения с местным населением). Немецкий ученый Р. Нахтигаль [4], исследовавший Дарницкий лагерь военнопленных, располагавшийся возле Киева, показал его важное значение в системе военного плена в Российской империи, а также механизм распределения пленников

(преобладали выходцы из Австро-Венгрии) по регионам страны в зависимости от национального признака, что существенно влияло на их дальнейшую судьбу.

Белорусские историки А. Самович [5] и С. Н. Рындин [6] внесли свой вклад в историографию военного плена времен Первой мировой войны, сконцентрировав исследовательские усилия на освещении данного явления на территории западных губерний России. Источниковую базу их публикаций составили введенные в научный оборот документы Национального исторического архива Беларуси (г. Минск). На основе анализа архивных материалов авторы исследовали некоторые стороны проблемы пребывания иностранных военнопленных на территории Беларуси. Много внимания в статьях указанных авторов уделено использованию труда пребывавших в Беларуси военнопленных в сельском хозяйстве, на промышленных предприятиях, в городском хозяйстве. Тем не менее, как полагает С. Н. Рындин, «труд военнопленных не мог решить проблему нехватки рабочих рук в крае, так как <...> военные власти не были заинтересованы в сосредоточении на территории прифронтовых губерний крупного постоянного контингента рабочих из числа «узников войны», что препятствовало широкому применению в Беларуси труда военнопленных» [6].

Не прошло незамеченным столетие Первой мировой войны и в белорусской исторической науке. Реакцией на юбилей стало проведение конференций и выход в свет нескольких изданий, объединенных темой Первой мировой войны на территории Беларуси [7, 8]. В документальном сборнике [8] содержится специальный раздел, в котором опубликованы материалы о пребывании иностранных военнопленных на территории Беларуси в 1914–1918 гг. Дальнейшее расширение источниковой базы проблемы, вовлечение в научный оборот материалов центральных белорусских и российских исторических архивов, постановка новых задач и поиск путей их эффективного решения [9, с. 26–27] – все это позволит существенно расширить научные горизонты исследований и поднимет изучение проблемы военного плена в Беларуси в годы Первой мировой войны на более высокий научный уровень.

Вместе с тем приходится признать полное отсутствие исследований о применении труда пленных солдат Австро-Венгрии и Германии на частных предприятиях горной и горнозаводской промышленности Юга России. Металлургические предприятия южных губерний, испытывавшие нехватку рабочих рук вследствие мобилизации значительной части рабочих на фронт, пытались компенсировать недостаток рабочей силы использованием труда

военнопленных Центральных держав. Масштабы деятельности металлургических заводов на Юге России, огромное значение продукции, производимой в южном промышленном районе в условиях Первой мировой войны (металлопрокат), свидетельствуют в пользу актуальности заявленной в данной статье проблемы.

Основу источниковой базы статьи составили протоколы Совета съезда горнопромышленников Юга России, зафиксировавшие целый ряд принципиальных изменений, произошедших на металлургических предприятиях Юга России в связи с началом Первой мировой войны. В компетенцию Совета, располагавшегося в Харькове, входила координация производственной и коммерческой деятельности обширной группы частных производств металлургической, горной и горнозаводской промышленности Юга, а также взаимодействие с правительственными структурами по вопросам размещения и выполнения государственных, в том числе и оборонных заказов на подконтрольных предприятиях. На заседаниях Совета съезда обсуждался широкий спектр вопросов, начиная от вызванных войной сложностей транспортного и технического характера – кризис железнодорожных перевозок, увеличение стоимости сырья, нехватка сырых материалов и как следствие вынужденная остановка части доменных печей, рост налогов и себестоимости продукции и заканчивая проблемами кадрового обеспечения производства в условиях массового призыва опытных рабочих в войска и их замены контингентом дешевой неквалифицированной рабочей силы.

В протоколах Совета съезда горнопромышленников Юга России зафиксированы попытки предпринимателей компенсировать нехватку рабочих на своих предприятиях за счет использования труда военнопленных солдат Центральных держав. Совет оказывал содействие в привлечении военнопленных на частные предприятия, договариваясь с военными и гражданскими властями об отпуске, размещении, распределении и доставке военнопленных, их заработной плате и др. В силу специфики данного источника не представляется возможным рассмотрение целого ряда аспектов, выходящих за рамки чисто утилитарного использования трудовых ресурсов военнопленных таких, как национальный состав, реконструкция коллективного портрета военнопленных промышленных предприятий Юга, их конфессиональный и социальный состав, бытовые условия, связи с местными жителями и т.д.

Накануне Первой мировой войны частные предприятия Юга России представляли собой единый хозяйственный организм, состоявший из группы доменных заводов, номенклатура продукции которых включала чугуны и изделия из чугуна, трубы разного

диаметра, «блек-плетс» (черные листы для изготовления белой жести), сортовое железо, строительные материалы и подвижной состав для железных дорог (рельсы и скрепления, бандажи, колеса, паровозы и товарные вагоны) и многое другое. В результате горизонтальной концентрации большинство этих заводов входили в состав крупных акционерных обществ и однородных производственных объединений. Так, в 1912 г. Александровский Южно-Российский завод акционерного общества Брянского рельсопрокатного железодельного и механического завода – это расположенное на 145 десятинах земли крупное производство, насчитывавшее 8166 рабочих со средней заработной платой 43 рубля в месяц. Рабочие были задействованы в доменном цехе, на изготовлении полуфабрикатов, проката, чугуновых и стальных отливок, металлических изделий и т.п. Энерготехнический потенциал завода включал 81 паровой котел, 10 паровых машин (18 300 л.с.), 5 паровых турбин (25000 л.с.), 6 газомоторных двигателей (9 800 л.с.) [10, лл. 26–27]. Примерный перечень частных заводов Юга России, применявших доменные печи, а также информацию об их месте расположения можно получить из таблицы.

Таблица
Металлургические заводы Юга России в 1912 г.
[10, л. 2; 11, с. 300–305]

№	Название завода	В составе АО или другого объединения	Место нахождения завода
1	Александровский Южно-Российский	АО Брянского завода	г. Екатеринослав
2	Гартмана паровозостроительный завод	Русское общество машиностроительных заводов Гартмана	г. Луганск Славяносербского у. Екатеринославской губ.
3	Днепровский	Южнорусское Днепровское металлургич. Общество	пос. Каменское Екатеринославского у. и губ.
4	Донецко-Юрьевский	Донецко-Юрьевское металлургич. Общество	пос. Дружковка Славяносербского у. Екатеринославской губ.
5	Дружковский		
6	Краматорский	Краматорское металлургич. Общество	г. Краматорск Изюмского у. Харьковской губ.
7	Макеевский	Общество «Русский горный и металлургич. «Унион»	пос. Макеевка Таганрогского округа Области Войска Донского

8	Николаевский судостроительный завод «Наваль»	Общество Николаевских судостроительных заводов и верфей	г. Николаев Николаевского у. Херсонской губ.
9	Ольховский металлургический завод	АО доменных печей и фабрик на Ольховой в Ушенске	Славяносербский у. Екатеринославской губ.
10	Передельный завод Константиновский	АО доменного и железопрокатного завода в Константиновке	пос. Константиновка Бахмутского у. Екатеринославской губ.
11	Петровский	Русско-Бельгийское металлургич. Общество	пос. Енакиево Бахмутского у. Екатеринославской губ.
12	«Русский Провиданс»	АО «Русский Провиданс»	г. Мариуполь Мариупольского у. Екатеринославской губ.
13	Сулинский	АО Сулинского завода	пос. Сулин Черкасского округа Области Войска Донского
14	Таганрогский	Таганрогское металлургич. Общество	г. Таганрог
15	Юзовский	Новороссийское общество	пос. Юзово Бахмутского у. Екатеринославской губ.

Начало военных действий внесло коррективы в деятельность металлургических заводов Юга. Особенно остро проявили себя в первые месяцы войны транспортные проблемы. После объявления мобилизации, а также в связи с резким падением грузового движения Харьковский комитет по перевозке горнозаводских грузов и управления железных дорог сократили подачу вагонов металлургическим предприятиям, что могло привести к их вынужденной остановке. Так, по данным администрации Ольховского металлургического завода только во втором полугодии 1914 г. предприятие недополучило 34,3% грузовых вагонов. Отсутствие своевременного подвоза сырья по железным дорогам сократило запасы материалов на предприятии к 1 января 1915 г. по сравнению с 1 июля 1915 г. с 10841239 пудов до 3294610 пудов, т.е. на 70% и стало главной причиной остановки 2 доменных печей, сокращения выплавки чугуна на 19%, стали на 17,5% и производства изделий на 24%. Для бесперебойной работы 4 оставшихся домен этих запасов могло хватить только на 13 дней, в то время как для обеспечения нормального производственного цикла требовалось накопление сырья на 2 месяца. Наметился заметный спад и в вывозе готовой продукции : чугуна на 27%, изделий из чугуна на 32% [10, л. 11].

Крайне болезненно на производственной деятельности Ольховского завода сказалась 30%-я мобилизация опытных рабочих и

технического персонала в самый первый месяц войны. Если на 1 июля 1914 г. количество рабочих доходило до 9770 человек, то на 1 августа на заводе осталось лишь 6660 человек. Затем за счет приема новых рабочих низкой квалификации их общее число возросло к 1 января 1915 г. до 8348 человек [10, л. 11 об.]. Ухудшение качественного состава рабочих и сокращение технического персонала в связи с призывом в войска привело к резкому увеличению процента брака, сокращению производительности и интенсивности труда [10, л. 12 об.]. Тяжелое положение на Ольховском заводе с кадрами в начальный период Первой мировой войны подтверждает общую закономерность для всего Юга. К 1 августа 1914 г. численность рабочих в смежной с металлургией отрасли – каменноугольной промышленности Донбасса – сократилась на 33%. В Криворожском железорудном районе численность рабочих снизилась почти вдвое [11, с. 33]. В целом количество рабочих на металлургических заводах, рудниках и копях, входивших в общество «Продамета», уже в 1914 г. сократилось на 24–30% [12, с. 33].

Не лучше выглядела ситуация и на других металлургических предприятиях Юга. Так, в информационно-аналитической сводке «О влиянии Первой мировой войны и связанных с ней мер на расценку рабочей платы и заработок рабочих», подготовленной администрацией Донецко-Юрьевского металлургического завода по просьбе Совета съезда горнопромышленников Юга России, делалось следующее заключение о состоянии дел на предприятии: «Уход на войну технического персонала и рабочих сократил производство в течение июля и августа месяцев. Начиная с этого времени, завод не в состоянии работать полным ходом, если бы даже получал сырые материалы в достаточном количестве. Перемены служебного персонала имели следствием большое число несчастных случаев при работе, число которых значительно возросло с начала войны» [10, л. 15]. Существенно возросла по официальным данным за второе полугодие 1914 года себестоимость основных видов продукции и на Сулинском заводе. Кроме общих для всех предприятий причин указывались: введение временного налога с грузов, удорожание сырья, увеличение промыслового, гербового и других налогов, расходы по выдаче пособий семьям, призванных на войну рабочих [10, л. 16].

Предприниматели искали пути решения нехватки рабочей силы на предприятиях за счет привлечения беженцев, осужденных лиц, завербованных на родине китайцев, а также узбеков и туркмен. Однако удельный вес этих дешевых источников рабочей силы был невысок. Например, доля беженцев в общем контингенте рабочих металлургической промышленности Юга в 1916 г. не превышала 3%.

Уже с осени 1916 г. на рудниках Донбасса начинают использоваться китайцы – приблизительно 0,5% от общего числа рабочих. Затем их численность незначительно увеличилась и к 1 марта 1917 г. составила 0,8% [11, с. 33]. Неравномерностью отличалась степень занятости на отдельных предприятиях выходцев из Средней Азии. Так, если в конце 1916 – начале 1917 гг. на Сулинском заводе доля узбеков и туркменов составляла 1,5%, то на заводе «Русский Провиданс» их было 11%. Довольно многочисленную на этом фоне категорию рабочих составляли женщины и подростки. По подсчетам, сделанным исследователем Ю.И. Кирьяновым, на 1 марта 1916 г. женщины и подростки составляли 15% от общей численности рабочих металлургических предприятий Юга, которых на тот момент насчитывалось 99,8 тысяч человек [11, с. 33].

Особой категорией рабочих на металлургических предприятиях Юга России являлись военнопленные, чей удельный вес подвергался заметным колебаниям в зависимости от положения дел на фронте, количества российских рабочих, получивших отсрочку от мобилизации, изменений правил отпуска военнопленных частным предприятиям, и к концу 1915 г. достиг 25% уровня [12, с. 27], затем данные статистики зафиксировали спад к 1 марта 1916 г. до 16%. В течение последующего года наметилась тенденция к увеличению удельного веса военнопленных до 27% от общего количества рабочих (128,5 тысяч человек) [11, с. 39].

Среди исследователей отсутствует единство мнений о количестве военнопленных Центральных держав на территории Российской империи в период Первой мировой войны. Разброс оценок связан с неудовлетворительным учетом численности военнопленных в России в течение всех лет войны. Большинство авторов в своих работах опираются на данные Центрального комитета по делам военнопленных и Международного Красного Креста [2, с. 161–162]. При этом современный российский специалист по истории плена периода Первой мировой войны А. И. Гергилёва полагает, что в российском плену оказалось от 2 до 2,5 млн. солдат и офицеров армии Центральных держав. Из них 160–180 тыс. человек – солдаты и офицеры германской армии, 1,6–2,1 млн. – австро-венгерской и около 50 тысяч турецкой и болгарской [13, с. 26]. Эти цифры в целом не противоречат данным ЦК по делам военнопленных, а также сведениям, собранным представителями Красного Креста, и учитывают возможную погрешность вычислений. Согласны с таким подходом и некоторые другие российские исследователи [14, с. 15].

Установить национальность военнопленных, использовавшихся на металлургических предприятиях Юга, довольно сложно.

С высокой степенью вероятности можно предположить, что здесь преобладали бывшие солдаты австро-венгерской армии. Изменения удельного веса военнопленных в промышленности Юга коррелируются с успехами или неудачами русской армии на Юго-Западном фронте. Так, капитуляция 22 марта 1915 г. под Перемышлем 118 тысяч австрийских военнослужащих и пленение группировки войск противника в Карпатах послужило основанием для создания под Киевом Дарницкого лагеря военнопленных, где происходило их распределение по национальному признаку [3, с. 105]. Немцы, австрийцы и венгры считались не надежными, поэтому военные власти размещали их главным образом за Уралом, в то время как пленных славян и румын содержали на территории украинских и центральных великорусских губерний. Затем поступление военнопленных с Юго-Западного фронта как в Дарницкий лагерь, так и на металлургические предприятия Донбасса заметно снизилось и возобновилось уже только после Брусиловского прорыва летом 1916 г. Зависимость поступления военнопленных на промышленные предприятия от положения дел на фронте находит подтверждение в работе советского исследователя К. Н. Тарновского. По его подсчетам только к августу 1915 г. на частные металлургических заводы Юга поступило 12 000 военнопленных [12, с. 25].

Вывод о том, что труд военнопленных широко использовался также в горнодобывающей и угольной промышленности Юга, можно сделать из содержания переписки конторы Рутченково-Чулковских каменноугольных копей с владельцем предприятия – правлением Акционерного общества Брянского рельсопрокатного, железоделательного и механического завода. В ноябре 1915 г. только на рудниках, принадлежавших этому угледобывающему предприятию, насчитывалось 850 военнопленных. Из них в сентябре было получено 200 человек, в октябре 250 человек, к концу 1915 года планировалось увеличить количество военнопленных еще на 100 человек. Прибывавшие на рудники бывшие солдаты армий Центральных держав проходили ускоренную предварительную подготовку к горным работам [15, л. 134].

Распределение военнопленных по металлургическим, горным и горнозаводским предприятиям Юга России курировал Комитет по делам металлургической промышленности при уполномоченном председателя Особого совещания по обороне государства, а также Совет съезда горнопромышленников Юга России. Председатель Совета съезда Н.Ф. фон Дитмар являлся одновременно членом Комитета по делам металлургической промышленности, а также

входил в состав металлургического отдела Центрального военно-промышленного комитета, возглавляя секцию металлургических заводов Юга. Именно Дитмар координировал работу названных ведомств по учету и использованию трудовых ресурсов из числа местных рабочих и военнопленных, необходимых для выведения южных металлургических заводов на максимально возможную производственную мощность [15, л. 115].

Как уже ранее отмечалось, в связи с нехваткой рабочих рук военнопленные стали одним из главных резервов пополнения рабочей силы в промышленности Юга. Использование труда пленных регламентировалось утверждёнными правительством правилами: «О порядке предоставления военнопленных для исполнения казённых и общественных работ в распоряжение заинтересованных в том ведомств», «О допущении военнопленных на работы по постройке железных дорог частными обществами», «Об отпуске военнопленных для работ в частных промышленных предприятиях». Согласно первой редакции «Правил об отпуске военнопленных» вводились квоты (минимум 25 человек) по отпуску военнопленных на каждое частное предприятие. При этом удельный вес пленных не должен был превышать 15% от всего контингента рабочих на данном предприятии [15, л. 125]. В дальнейшем Военное министерство пошло по пути снятия всех ограничительных норм при распределении военнопленных. Результатом внесенных военным министром корректив стало появление 15 марта 1915 г. новых «Правил об отпуске военнопленных». Они гласили, что «южные металлургические заводы могут теперь получать военнопленных по мере действительной необходимости» [15, л. 125 об.].

24 сентября 1915 г. Главное Управление Генерального штаба информировало Совет съезда горнопромышленников Юга России об образовании особого резерва военнопленных. Совет съезда получил право распределять военнопленных из арендованного им в г. Харькове помещения на подведомственные предприятия. Предпринимателям, изъявившим желание воспользоваться трудом военнопленных, рекомендовалось заполнить стандартизированный бланк заявления на имя председателя Совета съезда горнопромышленников Юга России, указав следующие данные: 1) название предприятия; 2) общее количество занятых сейчас рабочих; 3) количество просимых военнопленных; 3) военнопленные необходимы (указать для каких работ); 4) пункт назначения (название станции); 5) срок работы военнопленных (не менее 2 месяцев. Предприниматель имел право отказаться от военнопленных до истечения этого срока при условии их

нетрудоспособности или отсутствия в них надобности.); б) приемщиком на станции назначения будет (указать конкретно кто) или другое лицо, специально на то уполномоченное и впоследствии указанное; 7) указать лицо уполномоченное провести выбор военнопленных. В конце заявления говорилось : «правила об отпуске военнопленных для работ на частных промышленных предприятиях мне известны, и я обязуюсь их исполнять» [15, л. 127]. После поступления заявления, содержащего всю информацию, Совет съезда горнопромышленников Юга России направлял наряд начальнику Харьковской местной бригады. В тот же день производился незамедлительный отпуск военнопленных [15, л. 131].

Немаловажным условием получения военнопленных была оплата их труда, размеры которой должны устанавливаться предпринимателями по существующим ценам для каждой категории работ. Весной 1916 г. на ряде металлургических заводов были отмечены случаи, когда труд неквалифицированных военнопленных обходился предпринимателям дороже труда низкооплачиваемых русских рабочих [11, с. 33]. Однако такой порядок использования военнопленных возник не в одночасье. Его выкристаллизовывание прошло несколько этапов, растянувшихся на первый год войны. Если по рескрипту императора Николая II от 20 августа 1914 г. устанавливалась «желательность принудительного направления военнопленных на казенные и общественные работы, причем без какого-либо особого за выполнение таких работ вознаграждения с предоставлением им только установленного казенного пайка», то согласно Положению «О военнопленных», разработанному Военным министерством и утвержденному 7 октября 1914 г. императором, труд военнопленных должен оплачиваться с вычетом части на их содержание [4].

Результатами договоренностей, достигнутых между главой военного ведомства и министром торговли и промышленности, стало появление 15 марта 1915 г. «Правил об отпуске военнопленных». Новые правила предоставляли право выдавать военнопленным денежное вознаграждение за труд. 23 сентября 1915 г. Совет съезда горнопромышленников Юга России информировал предпринимателей южного металлургического района о том, что «... разрешается выдавать на руки военнопленным 75% заработной платы за покрытие расходов по продовольствию, а 25% подлежит отчислению в особый фонд на особо открываемые личные счета для каждого военнопленного» [15, лл. 115, 125].

С точки зрения норм международного права данная мера носила неоднозначный характер. С одной стороны, следование России принципам гуманного обращения и справедливой оплаты труда

военнопленных полностью соответствовало духу Конвенции «О законах и обычаях сухопутной войны», выработанной на конференциях 1899 и 1907 гг. в Гааге. С другой стороны, использование труда военнопленных на частных металлургических заводах Юга, участвовавших в исполнении военных ведомственных заказов (заказы на металлопрокат размещались на всех предприятиях), и «имевших отношение к военным действиям», запрещалось ст. 6 Гаагской конвенции. Однако Российская империя осознанно шла на нарушение, так как «... пленные явились в народном и государственном хозяйстве очень серьезной добавочной рабочей силой» [16, с. 141].

Таким образом, труд военнопленных Центральных держав нашел широкое применение на частных металлургических заводах Юга России. В условиях массовой мобилизации российских рабочих на фронт и сокращения производства именно контингент военнопленных по расчетам правительства и предпринимателей должен был снять остроту проблемы, вызванную нехваткой рабочих рук на предприятиях, а также благодаря относительной дешевизне труда военнопленных снизить издержки производства. Заметную роль в привлечении иностранных военнопленных к труду на южные металлургические заводы сыграл Совет съезда горнопромышленников Юга России. Фактически Совет выполнял функции посредника по распределению военнопленных, находившихся в ведении Главного управления Генерального штаба и штабов военных округов, по частным металлургическим и горнодобывающим предприятиям Юга. К сожалению, на основе анализа протоколов Совета съезда горнопромышленников Юга России не представляется возможным сделать однозначные выводы об эффективности применения труда военнопленных, и о том насколько их права соблюдались в повседневной практике. Для решения этих исследовательских задач требуется дополнительное использование делопроизводственных документов предприятий (официальная переписка, отчеты), на которых использовались военнопленные, а также источников личного происхождения (письма и дневники самих военнопленных).

Список использованных источников и литературы

1. Интернационалисты : Участие трудящихся стран Центральной и Юго-Восточной Европы в борьбе за власть Советов в России 1917–1920 гг. М., 1987.
2. Белова И. Б. Военнопленные Четверного союза в России // Вопросы истории. 2014. №6. С. 160–170.

3. Нахтигаль Р. Дарницький табір військовополонених під час Першої світової війни // Український історичний журнал : наук. журн. 2010. №2. С. 103–116.
4. Саранча В. Військовополонені Першої світової війни в Кременчуцькому гарнізоні // Краєзнавство : науковий журнал. К. : ТОВ. НВП «Ферокол», 2011. . 4. 308 с.
5. Самович А. Содержание и трудовое использование военнопленных Первой мировой войны в Речицком уезде // Пятая Міжнародная Доўнараўскія чытанні (г. Рэчыца, 22–23 верасня 2005 г.) / Рэд. кал. В. М. Лебедзева (адк. рэд.) і інш. Гомель : Гомельск. дзярж. ун-т імя Ф. Скарыны, 2005.
6. Рындин С. Н. История военного плена в западных губерниях России времен Первой мировой войны // Общество. – 2014. – 25 ноября.
7. Белявина В.Н. Беларусь в годы Первой мировой войны Минск : Беларусь, 2013. 398 с.
8. Беларусь в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) : сборник документов / сост. : В. В. Врублевский [и др.]. Минск. : Беларусь, 2014. 335 с.
9. Самович А. Л. Отечественная история военного плена : некоторые итоги изучения проблемы // Вести Института современных знаний. 2007. №3. С. 24–27.
10. Сведения металлургических заводов по запросам Совета съезда о производстве и вывозе продукции с 1910 по 1915 гг. // Центральный государственный исторический архив Украины. Ф. 2161 (Совет съезда горнопромышленников Юга России, Статистическое бюро). Оп. 1. Д. 31. 28 лл.
11. Кирьянов Ю. И. Рабочие Юга России. 1914 – февраль 1917 г. / М. : Издательство «Наука», 1971. 305 с.
12. Тарновский К. Н. Формирование государственно-монополистического капитализма в России в годы Первой мировой войны (на примере металлургической промышленности). М. : Издательство Московского университета, 1958. – 262 с.
13. Гергилёва А. И. Военнопленные Первой мировой войны на территории Сибири : февраль 1917–1920 гг.. Красноярск : СибГТУ, 2007. 123 с.
14. Елисеенко С. М. Военнопленные Первой мировой войны на территории Енисейской губернии // Межрегиональная научно-практическая конференция : «Столетие Первой Мировой войны : итоги, уроки, перспективы», Вязьма : филиал ФГБОУ ВПО «МГИУ» в г. Вязьме, 2013 143 с.
15. Совет съезда горнопромышленников Юга России // Государственный архив Брянской области. Ф. 220 (Правление Акционерного общества Брянского рельсопрокатного, железоделательного и механического завода). Оп. 1. Д. 546(Ч. 1). 220 лл.
16. Головин Н. Н. Россия в Первой мировой войне. М. : Вече, 2014. 544 с.

А. М. БАБКОВ

(УО «Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины»)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БАХМАЧСКОГО УЕЗДЭВАКА ПО РЕЭВАКУАЦИИ БЕЖЕНЦЕВ И ВОЕННОПЛЕННЫХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В НАЧАЛЕ 1920-Х ГОДОВ

Бахмачский уездэвак осуществлял реэвакуационную деятельность на украинско-российско-белорусском пограничье и был связан в административном и эвакуационном отношениях с Черниговским и Гомельским губэваками под общим управлением Центроэвака РСФСР. Он оказал жилищную, продовольственную, медико-санитарную помощь беженцам, военнопленным Первой мировой и гражданской войн, другим контингентам населения при возвращении их в Беларусь, Польшу, Литву, Латвию и РСФСР.

В ходе наступления летом 1919 г. войск Деникина в Украине, занявших в августе Киев и возникшей угрозой захвата Чернигова в ноябре губернский пленбеж был эвакуирован в Унечу, где под руководством Хлебцевича продолжал свою деятельность. В сложившейся военно-стратегической обстановке значительно возросло значение Гомельского пленбежа для эвакуации населения, перемещавшегося из Украины на родину. Еще в июне 1919 г. он был «подчинен в административном отношении Украинской Главной комиссии по делам пленных и беженцев, граница района действий которой проходила по линии железной дороги Лунинец – Речица включительно [1, л. 1].

25 ноября 1919 г. на совещании при управлении Особоуполномоченного Центропленбежа Западных областей под руководством Л. Розенгауза с участием начальников Гомельского и Черниговского пленбежей И. Рабкина и Хлебцевича был рассмотрен вопрос о работе Черниговского пленбежа в эвакуации. На нем Хлебцевичу было дано поручение «немедленно обследовать все пункты, прилегающие к Чернигову, в первую очередь Конотоп и Бахмач, и по согласованию с местными ревкомми установить есть ли в настоящее время необходимость в развертывании в них органов пленбежа» [2, л. 26].

В январе 1920 г. по распоряжению Главэвакзапа Черниговским губэваком были направлены в Бахмач опытные эвакуационные

работники во главе с Риштом для изучения положения в уезде беженцев, других контингентов населения и организации пленбежа с врачебно-питательным пунктом. В это время в Бахмаче находилось около 3 тыс. беженцев, которые оказались в крайне тяжелом материальном положении. К тому же увеличился приток т.н. самотека беженцев и австрийских военнопленных из Сибири и северных губерний России, численность которых составила около 1,5 тыс. человек [3, л. 1 об.]. Из-за отсутствия в городе свободных помещений, пригодных для проживания, беженцы оставались в вагонах, часть их громоздилась в расположении военпродукта. Местное население отказывалось добровольно принимать беженцев для временного проживания в своих домах. В сложившихся условиях среди беженцев нарастала угроза вспышки эпидемии, для борьбы с которой в уезде не было ни медперсонала, ни медикаментов. Не найдя поддержки со стороны уездных властей в выделении беженцам помещений для проживания, а также не надеясь на помощь Черниговского губпленбежа, который недавно возвратился из эвакуации из Унечи, комиссией Ришта было принято решение направить основную массу беженцев для размещения в Бахмачском уезде. По договоренности с уездным ревкомом были предоставлены подводы для перевозки в окрестности уездного центра вещей беженцев из вокзала и территории военпродукта. Около 300 человек остались в Бахмаче. Относительно других 800 беженцев распоряжением Главкомпленбежа были выделены наряды на размещение их в гомельских приемниках, где имелись свободные места. Однако переезду в Гомель воспротивились беженцы, которые отказались грузить на подводы свои вещи. Чтобы избежать в дальнейшем подобных эксцессов, эвакуационным работникам приходилось разъяснять причины затруднения отправки их на родину в связи с продолжавшимися боевыми действиями на советско-польском фронте, а также тяжелым экономическим положением советской страны. После проведения ремонтных работ на железной дороге в конце февраля 1920 г. из Бахмача было отправлено в распоряжение Гомельского губпленбежа 350 беженцев, при сопровождении которых скончался заразившийся тифом фельдшер пункта. По согласованию с Киевским райуправэваком австрийские военнопленные из Бахмача были направлены на размещение в его приемники [3, л. 2].

Весной 1920 г. в Бахмаче при уездном пленбеже во главе с Риштом был открыт врачебно-питательный пункт. Он разместился в помещениях бывшей паровой мельницы, расположенной недалеко от станции «Бахмач-товарная», которые предварительно были освобождены от беженцев. Сразу был проведен ремонт дверей, печей,

рам окон, для которого Черниговским губэваком и губернским лескомом были отпущены финансовые средства, лесоматериалы. К ремонту помещений привлекали не только местных строителей, но и беженцев, которые получали зарплату за выполненную работу [3, л. 2].

В феврале 1920 г. по распоряжению Киевского райуправэвака в Бахмач прибыл изоляционно-пропускной пункт с персоналом в составе заведующего Примакова, врача, лекпома, двух медсестер. Однако между эваком и изопропунктом сразу возникли споры о ведомственной принадлежности последнего. Начальник изопропункта отказался подчиняться управлению уездного плебежа, заявив, что «он работает автономно как санзаградитель Военного ведомства и ничего общего с эваком не имеет и ему не подотчетен». Для урегулирования возникших разногласий между уездэваком и изопропунктом по распоряжению Главэвакзапа в начале июня 1920 г. в Бахмач был направлен зам.начальника Гомельского губэвака Абрамсон. На месте он убедился в том, что «до сих пор нет контакта в работе уездэвака и изопропункта», что, по его мнению, было «вызвано неправильными распоряжениями Киевского райуправэвака, подведомственность от которого признает заведующий Примаков..., невзирая на то, что последний временно ликвидирован (в связи с оккупацией Киева польскими войсками – А.Б.) и естественно, что не получает от него ни денег, ни продовольствия, ни даже распоряжений» [4, л. 27]. Абрамсон поддержал начальника уездэвака Ришта, предлагавшего зав. изопропунктом перейти в ведение уездэвака, но не получившего согласия с его стороны. 5 июня 1920 г. в своем докладе в Оршу на имя начальника Главэвакзапа Л. Розенгауза он сообщал, что «вместо того, чтобы слиться в одно целое, уездэвак и изопропункт остаются существовать в лице двух независимых друг от друга организаций : уездэвак – в ведении Орши, а изопропункт – в ведении Киевского райуправэвака». Он пришел к выводу, что результатом таких разногласий явилось то, что «санитарное обслуживание эвакуируемых контингентов беженцев и военнопленных плохое, ибо изопропункт, не желая быть в ведении уездэвака, помимо своих прямых функций... занимался обслуживанием других учреждений для решения своих финансовых вопросов» [4, л. 27].

Эвакуационная работа Бахмачского уездэвака осложнялась часто менявшимся военно-стратегическим положением в регионе. В ходе наступления весной-летом 1920 г. польские войска заняли белорусско-украинское Полесье. 26 июня 1920 г. приказом Центроэвака было постановлено «временно по стратегическим соображениям оставить в ведении Главноуполномоченного Западных областей Центроэвака г. Бахмач и Бахмачский район с прямым подчинением их Гомельскому

губэваку; остальную часть Черниговской губернии, а также г. Коростень Волынской губернии (бывшей в подчинении Главэвакзапа) подчинить Всеукраинской Главной комиссии по эвакуации [5, л. 128]. Частое изменение подведомственности Бахмачского уездэвака мешало его работе, «следствием чего явилось то, что масса беженцев находилась без всякого попечения под открытым небом и на железнодорожных путях..., а уездэвак не имел возможности готовить горячую пищу и выдавал только сухие пайки» [4, л. 27 об.]. Только после возвращения эвакуированных учреждений в Чернигов и восстановления губэвака, Бахмачский уездэвак был передан в его ведение под общим управлением Украинской эвакуационной комиссии. Тогда же изопропункт слился с уездэваком. С этого времени врачебно-питательный пункт Бахмачского уездэвака осуществлял и функции изопропункта. В его состав входили изолятор вместимостью на 72 койки с дезинфекционной камерой, медпосты на железнодорожной станции, 2 вагона-изолятора для перевозки больных в госпитали, баня с прачечной. На эвакопункте была открыта кухня с пропускной способностью 800 обедов в день, а также отдельная кухня для питания 60 больных в день; кладовая для хранения и выдачи сухого пайка; склад для хранения запасов продовольствия [3, л. 2 об.].

По данным Бахмачского уездэвака, в 1920 г. на его обеспечении постоянно находилось 3 944 беженца Первой мировой войны, из которых 560 человек было отправлено в Гомель и Жлобин для дальнейшего следования на родину. В течение года через железнодорожную станцию Бахмач транзитом прошло 13 251 человек разных контингентов, из них 7 599 военнопленных, возвращавшихся в советскую Россию, 2 703 военнопленных других государств, а также 1 744 беженца Первой мировой войны и 372 беженца гражданской войны и др.

По данным начальника Бахмачского уездэвака, в 1920 г. всем категориям обслуживаемого населения было выдано свыше 368 тыс. рационов питания преимущественно сухими пайками. Больше всего продрационов получили беженцы Первой мировой войны (316,6 тыс.) и российские военнопленные (31,3 тыс.).

Медико-санитарная работа эвакопункта заключалась в осмотре различных категорий пассажиров транзитных эшелонов и поездов, выявлении и снятии больных, доставке их в изолятор, установлении диагноза заболевания и при необходимости эвакуации больных в госпитали Чернигова.

В 1920 г. на железнодорожной станции Бахмач была произведена обсервация 594 поездов, в ходе которой было выявлено 1 248 инфекционных больных, в т.ч. 306 военнопленных и

106 беженцев Первой мировой войны, 152 беженца гражданской войны, 690 красноармейцев. Амбулаторная помощь была оказана 2 372 человекам, из них 564 беженцам и 172 военнопленным Первой мировой войны, 1 396 красноармейцам.

В начале 1921 г. осуществлялась массовая перевозка демобилизованных красноармейцев и польских военнопленных. С другой стороны, увеличился «самотек» беженцев, которые «не взирая ни на какие запреты, двинулись на родину, скрываясь от глаз представителей эвакуационных органов» [3, л. 3]. В связи с возросшим движением новых контингентов населения уездэвак столкнулся при их обслуживании с дефицитом воды, которую приходилось подвозить лошадьми со станции на расстоянии полверсты. Несмотря на обращение уездэвака к местным властям с просьбой о проведении на эвакупункте водопровода, последние отказывали в ней эвакуу, ссылаясь на отсутствие труб и других материалов.

На железнодорожной станции, где скопилась масса переселенцев, был открыт дополнительно медпост, который направлял выявленных больных на карантин, а часть из них получала лечение в двух изоляторах и открывшейся амбулатории. В тифозном и холерном изоляторах был произведен ремонт и выделены комнаты для дежурства медсанперсонала. В тифозном изоляторе были исправлены полы, переложена часть печей в семи комнатах, а в холерном – отремонтирована дезинфекционная камера. В связи с тем, что холерный изолятор размещался в центре массового скопления людей около железнодорожной станции, возникла необходимость перемещения его на окраину города.

Снабжение пункта продовольствием осуществлялось по нарядам Наркомпрода через продком Черниговской губернии. Но продукты поставлялись с перебоями, т.к. продпункт получал их с базы уездного продкома, расположенной в 28 километрах от Бахмача. Начальник Бахмачского уездэвака Ришт в своем отчете отмечал, что «сильно осложняет дело снабжения продовольствием пункта то, что нужно преодолеть целый ряд мытарств, чтобы вырвать что-то у продкома, бывали случаи, что агент, поехав туда, потеряет 2–3 дня, ничего не получит и возвращается ни с чем» [3, л. 5]. Особенно плохо обстояло дело с получением мяса, жиров, а также диетического питания для больных, которое пункт вообще не получал.

В 1921 г. важнейшей задачей Бахмачского уездэвака явилось обслуживание транзитных эшелонов с беженцами Первой мировой войны. Основная их масса направлялась в Польшу, Литву и Латвию. В течение года через Бахмач прошло в Польшу 25 транзитных поездов, в которых следовало 23 234 беженца Первой мировой войны, в Литву –

9 поездов, перевозивших 8 112 беженцев, в Латвию – 4 поезда с 2 745 беженцами и 3 эшелона переселенцев из Поволжья, численность которых составила 2 378 человек. Также через станцию Бахмач осуществлялась перевозка военнопленных польско-советской войны. В Польшу проследовало 7 эшелонов с 5 976 legionерами, одновременно в советскую Россию возвратилось 2 эшелона пленных с 1 053 красноармейцами [3, л. 4].

Что касается контингента беженцев, постоянно находившихся в Бахмачском уезде на обеспечении эвака, в 1921 г. их численность составляла 3 384 человека, из которых только 415 было отправлено на родину. Около 1 тыс. беженцев составили группу самовольно убывших, т.е. не явившихся на перерегистрацию по разным причинам, в том числе из-за нежелания выезжать, а часть беженцев – из-за отсутствия документов, подтверждавших факт их беженства [3, л. 4].

Всем перемещавшимся контингентам Бахмачский уездэвак оказал продовольственную и медико-санитарную помощь. По его данным, в 1921 г. беженцам было выдано около 167 тыс. продрационов, в т. ч. более 15 тыс. обедов и 107,8 тыс. сухих пайков; военнопленным – около 52 тыс. продрационов, из них 17,1 тыс. обедов и 18,7 тыс. сухих пайков; красноармейцам – св. 8,8 тыс. продрационов; гражданским переселенцам – св. 42,8 тыс. рационов [3, л. 4 об.].

Особое внимание было уделено обсервации проходивших эшелонов и поездов. В ходе их осмотра было выявлено 2 550 тифозных больных, в т.ч. 308 беженцев, 38 военнопленных, 1 210 переселенцев и 993 красноармейцев. Амбулаторное лечение прошли 6 493 человека, из них 1 027 беженцев, 134 военнопленных, 3 33 переселенца и 2 302 красноармейца [3, л. 4 об.].

Зимой 1921–1922 гг. существенно сократилось транзитное перемещение различных контингентов населения. В январе-феврале 1922 г. через станцию Бахмач прошло только 4 поезда, в которых находилось 782 беженца, 634 переселенца, 405 рабочих, 130 демобилизованных, 9 военнопленных, а всего 1 996 человек. На Бахмачском эвакопункте продолжало находиться 1 110 беженцев, из них в январе-феврале убыло только 86 человек [3, л. 5 об.]. В течение двух месяцев всем обслуживаемым контингентам эваком было выдано 18 тыс. продовольственных рационов, в т.ч. св. 2,3 тыс. обедов и 7,3 тыс. сухих пайков.

В связи с развитием эпидемии тифа, медсанотдел усилил работу по проведению дезинфекционной санобработки проходивших эшелонов, а также в помещениях проживания беженцев, в ходе которой были выявлены более 1 тыс. больных, прошедших

амбулаторное лечение, а часть больных была направлена в Черниговскую губернскую больницу [3, л. 6].

В начале 1922 г. в связи с реэвакуацией основной массы беженцев и военнопленных и уменьшением работы эвакуационных органов началась реорганизация губернских и уездных эвакуов в базисные и линейные пункты в составе отделов исполкомов, которые непосредственно подчинялись Центроэваку НКВД РСФСР. Бахмачский уездэвак был преобразован в линейный пункт. 16 марта 1922 г. на совещании Бахмачского линейного пункта было принято решение о сокращении его штата до 38 человек [3, л. 7]. 5 июня приказом НКВД по Центроэваку линейный пункт в Бахмаче ликвидировался.

Таким образом, Бахмачский уездэвак оказал значительную помощь беженцам, военнопленным Первой мировой и гражданской войн, другим категориям населения при массовом их возвращении на родину.

Список использованных источников и литературы

1. Государственный архив Гомельской области (далее – ГАГО). Ф. 191. Оп. 1. Д. 2.
2. Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ). Ф. 39. Оп. 1. Д. 212.
3. ГАГО. Ф. 1375. Оп. 1. Д. 53.
4. ГАГО. Ф. 1375. Оп. 1. Д. 9.
5. НАРБ. Ф. 39. Оп. 1. Д. 417.

УДК 821.161.2-3*І.Франко : 316.722

А. С. ЯРМОЛЕНКА

(УА «Гомельскі дзяржаўны
ўніверсітэт імя Ф. Скарыны»)

«УКРАЇНСКАЕ ПЫТАННЕ» Ў ШМАТМОЎНАЙ КУЛЬТУРНАЙ ПРАСТОРЫ (НА ПРЫКЛАДЗЕ ТВОРЧАСЦІ ІВАНА ФРАНКА)

Артыкул прысвечаны аналізу асаблівасцей легальнай камунікацыі Івана Франка з украінска- і рускамоўнымі чытачамі Расіі як спробы выхаду да максімальна шырокай аўдыторыі. Украінская публічная сфера ў Расійскай імперыі заставалася надзвычайна кволай, таму

служыла толькі дадаткам да галіцкага ўкраінскага чытацкага рынку. Аўтар робіць выснову аб параўнальнай закрытасці рускамоўнай публічнай сферы для паўнаважнай дыскусіі па «ўкраінскім пытанні».

«Украінскае пытанне» ў другой палове XIX – пачатку XX ст. абмяркоўвалася ў публічнай сферы некалькіх моўных супольнасцей, якія ў некаторых выпадках перакрываўваліся тэрытарыяльна і не супадалі з дзяржаўнымі межамі. Гэта сферы функцыянавання моваў дзяржаўнай улады і высокай культуры Аўстра-Венгерскай і Расійскай імперый, што падзялілі між сабой этнічна ўкраінскія абшары, але таксама польскай як агульнаразумелай мовы зносінаў для адукаваных ураджэнцаў земляў былой Рэчы Паспалітай і, уласна, мовы ўкраінскай. Найбольш шчыльна камунікацыя па «ўкраінскім пытанні» адбывалася ў Галіччыне, дзе польскія і ўкраінскія публіцысты мелі магчымасць непасрэдна сысціся ў палеміцы. На падобныя дыскусіі жвава адгукаліся аўтары варшаўскіх і пецябургскіх польскіх газет і часопісаў, іх каментавалі карэспандэнты нямецкамоўных венскіх выданняў. Як будзе паказана ніжэй, допісы аднаго аўтара маглі мець вельмі шырокую геаграфію друкавання. Творчасць Івана Франка найлепш падыходзіць для замеры адкрытасці шматмоўнай культурнай прасторы Усходняй Еўропы да асэнсавання «ўкраінскага пытання». Па-першае, ён, акрамя роднай украінскай, валодаў нямецкай і польскай мовамі (што звычайна для тагачаснага выпускніка Львоўскага ўніверсітэта), але таксама вывучыў і рускую. Па-другое, спалучаў бясспрэчны талент публіцыста і пісьменніка, што патэнцыйна давала дадатковы шанец прэзентаваць украінскую праблематыку з дапамогай мастацкіх сродкаў. Па-трэцяе, матэрыяльная патрэба на працягу амаль усяго жыцця прымушала Франка спрабаваць друкавацца ў самых розных выданнях. У якасці эксперта па працэсах, якія адбываліся ў Галіччыне, Франко выступаў, для прыкладу, са старонак тыднёвікаў «Die Zeit» (Вена), «Prawda» (Варшава), «Kraj» (Санкт-Пецябург); газет «Зоря» і «Діло», «Kurjer Lwowski» і «Prasa» (Львоў), «Arbeiter Zeitung» (Вена); часопісаў «Літаратурно-навуковы вісник» (Львоў), «Głos» (Варшава) і інш.

Дадзены артыкул прысвечаны аналізу асаблівасцей легальнай камунікацыі Івана Франка з украінска- і рускамоўнымі чытачамі Расіі як спробы выхаду да максімальна шырокай аўдыторыі (разгляд цыркуляцыі недазволеных да друку твораў патрабуе асобнага даследавання). Менавіта з доступам да пазначаных дзвюх груп патэнцыйных спажыўцоў сваёй творчасці галіцкі пісьменнік меў найбольш клопату. Гэта робіцца выразна заўважным, калі адзначыць

тое, што публікацыі Франка ў пецярбургскай газеце «Крај» арганічна ўпляталіся ў дыскусіі лідараў украінскага руху ў Львове [1, с. 595].

Украінская публічная сфера ў Расійскай імперыі заставалася надзвычайна кволай, таму служыла толькі дадаткам да галіцкага ўкраінскага чытацкага рынку [2, с. 374–375]. Такі стан рэчаў склаўся з-за нізкага ўзроўню пісьменнасці наддняпроўскіх сялян, а таксама асіміляцыі ўкраінскіх чытачоў і рэпрэсіўнай палітыкі ў дачыненні да ўкраінскага друкаванага слова. Толькі адзінкавыя творы на ўкраінскай мове былі дазволены, у змесце астатніх пільныя цэнзары рэгулярна заўважалі пасылы або «крайне тенденціознага характара – в украинофильском духе» [3, с. 264], або разлічаныя на тое, каб «опрокинуть и свалить весь общественный строй» [4, с. 140]. Наколькі пакручастым мог быць шлях канкрэтнага твору да чытача, можна назіраць на прыкладзе апавядання «До світла». У 1902 г. твор як шкодны для народу быў адхілены, а дазвол на яго на мове арыгіналу быў дадзены ў 1903 г. у складзе зборніка, які ўжо не прызначаўся для народнага азнаямлення. Чытаючы франковыя творы між радкоў, адказныя чыноўнікі знаходзілі сепаратысцкія ідэі, варожасць да расійскіх парадкаў у «Маларосіі» разам з заклікамі да палітычнай мабілізацыі простага люда. Гэта прадвызначыла рэпутацыю літаратара, непрымальную для адпаведных устаноў – Пецярбургскага цэнзурнага камітэта і Галоўнага упраўлення па справах друку.

Спробы Франка прарвацца да рускамоўнага чытача выглядалі больш неадзначна. Як сведчыць ліставанне Франка, ён на працягу доўгага перыяду спрабаваў друкавацца ў рускамоўных выданнях, дасылаючы допісы і звяртаючыся па пратэкцыю ў гэтай справе да вядомых расійскіх літаратурных дзеячоў [5, с. 254]. Такой спробай з’яўляўся і першы вялікі публіцыстычны артыкул Івана Франка, прысвечаны грамадскаму жыццю ў Галічыне, што захоўваецца ў фондзе Аляксандра Пыпіна (Інстытут рускай літаратуры, Санкт-Пецярбург), актыўнага супрацоўніка часопіса «Вестник Европы». Карэспандэнцыя падавала ўмовы зараджэння сацыялістычнага руху на фоне супрацьстаяння з русафіламі ў асяроддзі моладзі – «Акадэмічнага гуртка» і газеты «Друг» ды першымі палітычнымі працэсамі над галіцкімі радыкаламі [6]. Ні гэтая спроба, ні шмат якія наступныя – надрукавацца ўжо ў газетах – пераважна не мелі поспеху, часта застаючыся нават без адказаў [7, с. 434]. Часам здараліся выключэнні. Літаратуразнаўца і пісьменнік Канстанцін Арабажын залучыў Франка да супрацоўніцтва ў штодзённай палітычнай і літаратурнай пецярбургскай газеце, якую рэдагаваў. Як вынік, газета «Северный Курьер» у 1899 г. (№№ 1, 15, 24, 32, 48) надрукавала ў шэрагу нумароў франковыя «Письма из Австрии». Але нават пасля таго, як крыптонім

«И-о», якім скарыстаўся Іван Франко, быў раскрыты, ніякага рэзанансу ў рускамоўнай прэсе не назіралася. Ранейшая карціна прынцыпова не змянілася – голас Франка-публіцыста заставаўся амаль незаўважным у рускамоўнай культурнай прасторы. Малавядомымі для рускага чытача на мяжы XIX–XX ст. былі і мастацкія творы І. Франка. У 1897 г. аглядальнік часопіса «Новое Слово» з горыччу пісаў: «при том традиционном недоброжелательстве и недоверии, с каким некоторые представители «общерусской» интеллигенции всегда относились к местным движениям и литературам наречий, неудивительно, что непосредственное знакомство с жизнью галицкого общества, поскольку она отразилась в публицистике и в изящной литературе, у нас часто отсутствует» [8, с. 36]. Пасля канстатацыі існага стану рэчаў аўтар даваў кароткі агляд украінскай літаратуры і біяграфіі Франка як выдатнага журналіста, гісторыка літаратуры, лірыка і белетрыста, вялікую частку артыкула прысвяціўшы пераказу ягоных мастацкіх твораў. Як можна ўпэўніцца, увагу сталічнай публікі прыходзілася звяртаць на вартасці напісанага Франком, бо, відаць, публікацыі галіцкага пісьменніка ў рэгіянальнай рускамоўнай прэсе («Киевская Старина», «Жизнь Юга» і інш.) прайшлі для яе незаўважанымі. Перашкодай для дазволу мастацкіх твораў магла стаць не толькі згаданая вышэй негатыўная рэпутацыя самога Франка ў вачах расійскіх цэнзараў, але таксама і рэпутацыя ягонага перакладчыка. У 1897 г. Уладзімір Бонч-Бруевіч парупіўся перакласці зборнік «В поті чола», але намер публікаваць навелы, а таксама біяграфію пісьменніка ў розных часопісах паспеху не меў праз паслядоўныя забароны. Чыноўнікі Галоўнага ўпраўлення па справах друку звярнулі ўвагу калег на «нядобранадзейнага» эмігранта У. Бонч-Бруевіча, які дастаўляў у ліку іншага сачыненні «известного австрийского социал-демократа Франко». Таму публікацыя ў «Курской газете» (№ 237, 5 верасня 1898 г.) невялікага апавядання «Урок чистописания», якое было забаронена цыркулярам Пецярбургскага цэнзурнага камітэта, можна лічыць удачай перакладчыка [9, с. 183]. Гэтая падзея памылкова была ацэнена Бонч-Бруевічам як першая публікацыя Франка па-руску. Прынамсі, вядомы больш раннія, выдадзеныя на рускай мове творы, для прыкладу: у часопісе «Мир Божий» апавяданне «К свету» (1895, № 2), у казанскай газеце «Волжский Вестник» – «Гриць в школе» (25 студзеня 1889 г.) [10, с. 28]. Калі-нікалі апавяданні Франка усё ж друкаваліся на рускай мове як на старонках перыядычных выданняў (у часопісах «Жизнь», «Новое Слово», «Галицко-Русский Вестник», інш.), так і асобнымі кнігамі, але іх агульны аб’ём нельга параўнаць з аб’ёмам, выдаваным у іншых моўных супольнасцях.

Разглядаючы творчасць Івана Франка як лакмусавую паперу для ацэнкі адкрытасці розных моўна-культурных прастораў да ўсведамлення ўкраінскага пытання, трэба ўлічваць, як мінімум, дзве акалічнасці. Як львоўскі аўтар, у найбольшай ступені ён зацікавіў супольнасці, члены якіх бралі ўдзел у палітычных і культурных працэсах, што адбываліся ва Усходняй Галічыне. Не будзем таксама забывацца на тое, што рускую мову Франко ведаў горш за іншыя са свайго арсеналу, што аб'ектыўна звужала магчымасць прысутнасці на рускім чытацкім рынку. Тым не менш, спробы Франка замацавацца на гэтым рынку (для чаго ён валодаў, як мы лічым, дастатковымі зыходнымі дадзенымі), сведчаць аб параўнальнай закрытасці рускамоўнай публічнай сферы для паўнаважнай дыскусіі па «ўкраінскім пытанні»: абмен меркаваннямі нельга назваць інтэнсіўным. Узрушанасць вакол украінскага нацыянальнага руху па расійскі бок мяжы была не такой моцнай, цэнзура больш суровай, цікавасць сярэдняга чытача да галіцкага «ўкраінскага П'емонта» – невялікай, а веды – даволі цьмянымі.

Спіс выкарыстаных крыніц і літаратуры

1. Франко І. До Олени Пчілки [Львів, грудень 1885 р.] // Зібр. тв. : у 50 т. К., 1986. Т. 48. С. 593–596.
2. Грицак Я. Пророк у свой вiтчизні. Франко та його спiльнота (1856-1886). К. : Критика, 2006. 631 с.
3. Доклад киевского цензора Н. М. Дроздова Петербургскому комитету цензуры иностранной о книге Франко – «3 вершин і низин». Львів. 1887, 31 октября 1888 // Красный архив. 1940. Т. 1, № 98. С. 264–265.
4. Из постановления Київського комітету в справах друку 8 липня 1911 р. про заборону творів І. Франка : «На суді», «Народе мій», «Не пора» // Радянське літературознавство. 1959. № 1. С. 140–141.
5. Франко І. До С. О. Венгерова [Львів, 15 жовтня 1904 р.] // Зібр. тв. : у 50 т. К., 1986. Т. 50. С. 253–254.
6. Ковалишин М. Звістки з Галиції // Институт русской литературы (ИРЛИ). Ф. 250. Воп. 4. Спр. 130.– Арк. 1–4.
7. Франко І. До М. П. Драгоманова [Львів, 10 травня 1884 р.] // Зібр. тв. : у 50 т. К., 1986. Т. 48. С. 433–440.
8. Деген Е. Иван Франко (Галицкий писатель) // Новое Слово. 1897. № 6. С. 36–55.
9. Бонч-Бруевич В. Д. Моя переписка с Иваном Франко // Иван Франко в воспоминаниях современников. М., 1966. С. 169–191.
10. Павленко Г. Иван Франко і царська цензура (90-ті рр. ХІХ ст.) // Українське літературознавство. Республіканський Міжвідомчий Збірник. – Львів, 1976. Т. 26. С. 23–30.

О. В. МАРЧЕНКО

(УО «Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины»)

ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В ГЕРМАНИИ В 1920–1939 ГОДАХ

В статье рассматриваются этапы формирования русской эмиграции в Германии в 1920–1939 гг. Анализируется влияние советско-германских отношений в русле Рапальского процесса, экономических и внутривнутриполитических факторов, оказывавших существенное влияние на становление и развитие русской диаспоры в данной стране.

В результате социально-политических процессов, произошедших на территории бывшей Российской империи в ходе гражданской войны, определённая часть населения – порядка 2 млн. человек – покинула её пределы и стала расселяться в различные регионы мира [1, с. 3]. Эмиграция из России носила добровольно-вынужденный характер. Представители различных слоёв населения уезжали по своей воле, так как не хотели воспринимать перемены, произошедшие у них на родине.

Выделяют следующие потоки расселения русских эмигрантов. Первый был направлен в Латвию, Литву, Эстонию, Финляндию; второй – в Польшу. Эмигранты, ставшие проживать в вышеотмеченных государствах, полагали, что Советская власть будет недолговечной, и они в скором времени возвратятся на родину. Однако их надеждам не суждено было сбыться. В дальнейшем основная масса выходцев из России оказалась в Германии. Третий поток расселения русских эмигрантов проходил через территорию Турции на Балканы, а также во Францию и Чехословакию; четвертый, соответственно, был направлен в Китай. Отдельные группы выходцев из России оказались в Соединённых Штатах Америки (США), Канаде, Латинской Америке [2, с. 59].

Германия в начале 1920-х гг. являлась крупнейшим центром сосредоточения русской диаспоры в Западной Европе. На её территории в 1920 г. проживало 560 тыс. эмигрантов [3, с. 97], а к концу 1922 г. их численность возросла до 600 тыс. человек [1, с. 23]. Однако приведённые выше данные отражают приблизительный количественный состав русской диаспоры. Это связано с тем, что в

Германии в начале 1920-х гг. в недостаточной степени была налажена система обязательной регистрации выходцев из России со стороны немецких властей. Также данного рода деятельность не осуществлялась и русскими общественными эмигрантскими организациями [4, л. 12 об].

В формировании русской эмиграции в Германии с 1920 по 1939 гг. можно выделить три этапа. Хронологические рамки первого охватывают период с 1920 по 1922 гг. Его начальной стадией являлось окончание гражданской войны в России, а завершающей – время, предшествующее заключению Рапалльского мирного договора, кардинально изменившего систему советско-германских отношений. Начиная с 1920 г., русская диаспора в Германии формировалась из представителей политических партий, торгово-промышленных кругов, военных, рабочих и крестьян [5, с. 10–11].

Также она пополнялась и за счёт определённой части интеллигенции, которая не смогла принять произошедшие в России перемены. Причины, побудившие их покинуть родину, были следующие: лишение собственности, потеря прежнего общественного положения, голод, разруха и др. [6, с. 4].

В период НЭПа происходит усиление идеологической конфронтации Советской власти с представителями политических партий и интеллигенции, выражавших своё несогласие с проводимым большевиками политическим курсом. Широкое распространение получила практика их высылки за границу без права возвращения на родину. В период с 1920 по 1921 гг. в Германии оказались такие лидеры русского меньшевизма, как Л. Ю. Мартов, Р. А. Абрамович, Д. Ю. Далин [7, с. 98].

Территория данной страны привлекала русских эмигрантов по ряду обстоятельств. Как из Советской России, так и Германии происходила регулярная доставка писем, посылок, прессы, и они благодаря этому сохраняли тесные контакты с бывшей родиной [8, с. 67]. К тому же немецкие власти не проводили ассимиляционную политику в отношении выходцев из России. Также для Германии был характерен более дешёвый уровень проживания по сравнению с другими европейскими государствами, что являлось немаловажным фактором для людей, оказавшихся на чужбине [8, с. 40].

Второй этап формирования русской эмиграции в данной стране проходил с 1922 по 1932 гг. Его начало положило заключение мирного договора в Рапалло между Советской Россией и Германией, а завершение – политический и экономический кризис Веймарской республики. Русская диаспора на территории Германии пополнялась за счёт учёных, писателей и художников. В начальный период НЭПа

большевиками был разрешён легальный выезд за границу. Он мог быть осуществлён по разрешению советского правительства либо по ходатайству кого-то из авторитетных членов РКП(б) [8, с. 39]. В годы НЭПа продолжилось непримиримое идеологическое противостояние большевиков и представителей оппозиционных им политических партий. Так, например, в своём письме к наркому юстиции Д. И. Курскому В. И. Ленин требовал усиления проведения репрессий в отношении противников Советской власти – меньшевиков и эсеров [9, с. 396]. В итоге в 1922 г. из Советской России в Германию было выслано 25 виднейших деятелей партии меньшевиков, среди которых были Ф. И. Дан, Б. И. Никольский и др. Такая же участь постигла и 200 представителей интеллигенции [8, с. 71]. Следует отметить, что в скором времени данная практика была отменена большевиками.

В годы НЭПа на территорию Германии эмигрировали и представители различных социальных слоёв населения Советской России. Среди них были бывшие царские военные, опасавшиеся репрессий со стороны большевиков; предприниматели, не нашедшие применение своим деловым способностям, и др. [10, с. 46–47].

Пополнялась русская эмиграция в Германии и за счёт «невозвращенцев», являвшихся, главным образом, сотрудниками советских учреждений за рубежом. Большинство из них осталось на чужбине из-за корыстных побуждений. Однако среди «невозвращенцев» были лица, связанные с зарубежными спецслужбами и антисоветскими эмигрантскими политическими кругами. Боясь возможного разоблачения, они оставались за границей [11, с. 47]. Среди русских эмигрантов в Германии было немало и представителей студенческой молодёжи. Они покидали Советскую Россию из-за голода и отсутствия условий, необходимых для дальнейшего профессионального роста. Примечательно, что именно в Германии в начале 1920-х гг. образовалась самая крупная колония студентов-эмигрантов во всём русском зарубежье.

Заключение Рапалльского мирного договора в 1922 г. серьёзно осложнило положение выходцев из России в данной стране. Чтобы укрепить симпатии советского руководства, немецкие власти стали проводить политику жёстких мер в отношении русских эмигрантов. Чрезмерная активность в данном вопросе была проявлена со стороны высокопоставленного сотрудника Министерства иностранных дел (МИД) Германии М. Шлезингера. Он являлся ближайшим сподвижником главы восточного отдела германского МИДа барона Мальцана, выступавшего за развитие тесных контактов с Советской Россией и имевшего большое влияние на рейхсканцлера К.Й. Вирта [12, с. 437, 439]. М. Шлезингер заявил о необходимости возвращения

всех русских эмигрантов из Германии на родину [13, с. 177]. Особое внимание при этом уделялось военнопленным [12, с. 491–492].

Данная инициатива М. Шлезингера была обусловлена тем, что многие русские эмигранты принимали активное участие в «пивном» путче 1923 г. [14, с. 288]. Немецкие власти серьёзно обеспокоил факт активного вмешательства выходцев из России во внутренние дела страны, и для обеспечения безопасности они были вынуждены выдворить их за её пределы.

Таким образом, из Германии в Советскую Россию в период с 1921 по 1924 гг. было выслано 6000 эмигрантов, половину из которых составляли бывшие русские военнопленные [13, с. 177]. Среди них было немало и гражданских лиц, испытывавших серьёзные материально-бытовые проблемы на чужбине и не желавших участвовать в вооружённой борьбе против Советской власти из-за отсутствия её дальнейших перспектив. Следует отметить, что дальнейшее развитие советско-германских отношений происходило в русле Рапалльского процесса. Об этом свидетельствовало подписание Берлинского договора о ненападении и нейтралитете между СССР и Германией в 1926 г., а также протокола о его продлении в Москве 4 июля 1931 г. Безусловно, это не способствовало улучшению положения русских эмигрантов, в отношении которых немецкие власти проводили политику жёстких мер.

Однако не только развитие советско-германских отношений побуждало выходцев из России покинуть пределы Германии. Во многом этому способствовали экономические затруднения, с которыми она столкнулась в 1920 – начале 1930-х гг. Кризис 1923 г., вызванный оккупацией Рура французскими и бельгийскими войсками, содействовал усилению инфляции, росту цен и падению заработной платы [15, с. 50–52]. Принятие плана Дауэса в 1924 г. благоприятно отразилось лишь на развитии экспортных отраслей промышленности, а в других наблюдался значительный спад производства. Существенно возросла и безработица, достигшая в 1927 г. своего пика по сравнению с предвоенными годами [16, с. 152]. Безусловно, немецкие власти пытались ослабить тяготы, испытываемые населением Германии. С июля 1927 г. они стали выплачивать пособие по безработице [5, s. 15]. Развитие вышеотмеченных процессов существенно сказалось на положении русских эмигрантов. Многие из них не имели работы и испытывали серьёзные материальные затруднения. К тому же пособие по безработице германские власти стали выплачивать им только с 1929 г. [5, s. 15].

События мирового экономического кризиса 1929–1933 гг., от которого наиболее сильно пострадала Германия, не оставили надежд русским эмигрантам надолго задержаться в её пределах. Во-первых, усилилась безработица, возросшая с 7% в 1928 г. до 30,8% в 1932 г., а во-вторых, произошёл кризис социальной политики Веймарской республики, на проведение которой не было средств [16, с. 163–164]. Это способствовало тому, что пособие по безработице в Германии стало получать только 15% местного населения [15, с. 75]. Таким образом, в результате внешнеполитических и внутривнутриполитических процессов, происходивших в данной стране, русские эмигранты стали уезжать в другие европейские государства в поисках лучшей доли. К началу 1933 г. в Германии осталось только 50 тыс. выходцев из России.

Третий этап формирования русской эмиграции в Германии хронологически охватывает период с 1933 по 1939 гг. Его становлением послужил приход нацистов к власти, а завершением – начало Второй мировой войны. В отмеченный выше период происходит ухудшение правового статуса русских эмигрантов. Наглядным свидетельством тому являлся принятый в 1933 г. германскими национал-социалистами закон о гражданстве. В приказе от 26 июля этого же года, в котором трактовались его основные нормы, отмечалось, что немецкого подданства лишались лица, которые воевали против Германии в годы Первой мировой войны. Также это распространялось и на лица, чьи воззрения расходились с идеологическими установками национал-социалистов [17, с. 58]. На Нюрнбергском съезде в 1935 г. А. Гитлером и его приспешниками были приняты расовые законы. Согласно им, гражданином Третьего рейха мог считаться только чистокровный «ариец», принадлежавший к «высшей расе». Браки между «арийцами» и «неарийцами» были строгойше запрещены, а внебрачное сожительство каралось заключением в концлагерь [18, с. 182]. Таким образом, русские эмигранты оказались в правовом отношении беззащитны перед государственной машиной Третьего рейха.

Серьёзные трудности они стали испытывать и с трудоустройством. Претендовать на получение работы могли русские эмигранты, имевшие арийское происхождение, а также выходцы из России, доказавшие свою политическую благонадёжность. Исключением являлись лица еврейской национальности [17, с. 90–91].

После прихода нацистов к власти в Германии были вынуждены прекратить свою деятельность некоторые русские эмигрантские политические центры. Так, например, меньшевики оказались во Франции. Это было связано с тем, что лица, придерживающиеся

социалистических воззрений, которые расходились с идейными установками германских национал-социалистов, заключались немецкими властями в концентрационные лагеря [19, с. 268–269]. Но главным фактором, побудившим выходцев из России покинуть Германию, являлась теория «жизненного пространства», разработанная А. Гитлером [18, с. 241]. Она полностью исключала возможность в будущем построения силами русских эмигрантов новой небольшевистской России. К 1937 г. в Германии осталось 45 тыс. выходцев из России.

Таким образом, формирование русской эмиграции в Германии в 1920–1939 гг. проходило в три этапа. Характерной особенностью первого (1920–1922 гг.) являлось то, что пополнение диаспоры выходцев из России происходило за счёт представителей политических партий, военных, рабочих, крестьян и др. Отсутствие ассимиляционной политики со стороны немецких властей в отношении иностранцев, регулярные информационные контакты с бывшей родиной и др. способствовали превращению Германии в крупнейший эмигрантский центр во всём русском зарубежье. В ходе второго этапа (1922–1932 гг.) основными источниками увеличения русской диаспоры являлись студенты, «невозвращенцы», представители некоторых политических партий, интеллигенции, высланные большевиками из Советской России из-за идеологических разногласий. Однако влияние советско-германских отношений, факты вмешательства выходцев из России во внутренние дела Германии, экономические трудности побуждали эмигрантов уезжать в другие страны. Дальнейшее сокращение численности русской эмиграции происходило в ходе третьего этапа (1933–1939 гг.). Этому способствовал приход нацистов к власти, издавших ряд законов, касающихся гражданства, трудоустройства, что в значительной мере повлияло на положение иностранцев в Германии.

Список использованных источников и литературы

1. Шкаренков Л. К. Агония белой эмиграции. М. : Мысль, 1987. 236 с.
2. Пушкарёва Н. Л. Возникновение и формирование российской диаспоры за рубежом // Отечеств. история. 1996. № 1. С. 53–69.
3. Русский Берлин / сост. В.В. Сорокина. М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 2003. 365 с.
4. Бюллетень о положении русских белоэмигрантов за границей, 1924 г. // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6006. Оп. 1. Д. 37.

5. Dodenhoeft S. «Last mich nach Russland heim». Russische Emigranten in Deutschland von 1918 bis 1945 / S. Dodenhoeft. Frankfurt am Main [etc.] : Lang, 1993. 338 S.
6. Александровский Б. Н. Из пережитого в чужих краях. Воспоминания и думы бывшего эмигранта. М. : Мысль, 1986. 374 с.
7. Павлов Д. Б. Репрессии в отношении членов социалистических партий и анархических организаций в первое пятилетие «пролетарской диктатуры» / Большевики и меньшевизм : сб. ст. / под ред. С. В. Тютюкина. М., 1998. С. 69–108.
8. Костиков В. В. Не будем проклинать изгнание... : пути и судьбы русской эмиграции. М. : Междунар. отношения, 1990. 464 с.
9. Ленин В.И. О задачах Наркомюста в условиях новой экономической политики. Письмо Д. И. Курскому // Полн. собр. соч. : в 55 т. М., 1982. Т. 44. С. 396–400.
10. Проворов Н. Кому живётся весело, счастливо на Руси // Двуглавый орёл. 1921. Вып. 21. С. 41–48.
11. Генис В.Л. Невозвращенцы 1920-х – начала 1930-х годов // Вопр. истории. 2000. № 1. С. 46–63.
12. Русская военная эмиграция 20–40-х годов : док. и материалы / Ин-т истории М-ва обороны Рос. Федерации ; сост.: И.И. Басик [и др.] ; редкол.: Золотарев [и др.]. М. : Гея, 1998. Т. 1 : Так начиналось изгнание, 1920–1922. Кн. 2 : На чужбине. 751 с.
13. Синдеев А. А. Политика государственных и общественных институтов в вопросах адаптации и ассимиляции российской эмиграции в 1920-х гг. в Германии // Социально-экономическая адаптация российских эмигрантов (конец XIX–XX вв.) : сб. ст. / Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории ; под ред. Ю. А. Полякова, Г. Я. Тарле. М., 1999. С. 173–188.
14. Иоффе Г. З. Крах российской монархической контрреволюции / Г. З. Иоффе. М. : Наука, 1977. 320 с.
15. Орлова М. И. Германия 1918–1939 годов : лекции по курсу. М. : Моск. гос. ун-т, 1973. 119 с.
16. Шульце Х. Краткая история Германии. М. : Весь мир, 2004. 256 с.
17. Сабенникова И. В. Российская эмиграция (1917–1939) : сравн.-типол. исслед. Тверь : Золотая буква, 2002. 431 с.
18. Мельников Д. Е., Чёрная Л. Б. Преступник номер 1. Нацистский режим и его фюрер. М. : Агентство печати «Новости», 1981. 432 с.
19. Ширер У. Взлёт и падение третьего рейха : в 2 т. М. : Воениздат, 1991. Т. 1. 653 с.

Е. А. КАПБА

(УО «Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины»)

**ПРИЧИНЫ И ПРЕДПОСЫЛКИ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ
КОНФЛИКТОВ В ЗАКАВКАЗЬЕ
В КОНЦЕ 80-Х – НАЧАЛЕ 90-Х ГОДОВ XX ВЕКА**

В статье рассматриваются причины и предпосылки межэтнических конфликтов в Закавказье в последней четверти 20-го века. В этот период произошел распад советского государства, который обострил исторически сложившуюся непростую этнополитическую ситуацию, вывел противостояние в Абхазии, Южной Осетии и Нагорном Карабахе на новый уровень.

За последние две сотни лет все этнические конфликты на Большом Кавказе, и в Закавказье в частности, обострялись в моменты внешнеполитической нестабильности, или в периоды кризиса российской государственности. Такими периодами были события Крымской войны, революция 1917 года и гражданская война, как ее закономерное продолжение. Вторая мировая война также обострила ситуацию на Кавказе. Однако, проблемы в межэтнических отношениях в Закавказье уходят корнями в далекое прошлое.

Так, Абхазия апеллирует к почти полуторатысячелетней истории своей государственности – с начала племенных княжеств абазгов и апсилов (III–VII вв. н. э.), затем Абхазского царства (VII–X вв. н. э.). Именно это государственное объединение впоследствии стало ядром царства абхазов и картлийцев, т.е. так называемого Грузинского царства (X–XIII вв. н. э.), после распада которого было образовано Абхазское княжество. В 1810 г. это княжество вошло в состав Российской империи и сохраняло самоуправление вплоть до 1864 г., т.е. дольше других государственных объединений на Кавказе. После революции 1917 г. в России и гражданской войны, Абхазия вошла в состав СССР на договорных началах, как союзная республика, что было закреплено в Конституции Абхазской ССР 1925 г. [1].

Подобная ситуация наблюдается и в Нагорном Карабахе. Так называемая Республика Арцах считает себя наследником древней Орхистены, со II в. до н. э. входившей в состав Великой Армении, а в 7 веке н. э. являвшейся одной из армянских провинций. Также свою историю карабахские армяне возводят к княжеству Хачен и

Меликствам Хамсы, которые были чуть ли не единственным государственным образованием армян в XVI–XVII вв.. В XVIII в. существовало Карабахское ханство, которое, однако, было формой тюркской, а не армянской государственности. В 1813 г. Карабах вошел в состав России. Только с этого момента начинается общая с территориями будущего Азербайджана история, поскольку Карабах оказался в состав Бакинской губернии. В 1918 г., не желая признавать власть Азербайджана, армяне Карабаха провозгласили независимость. После того, как Армения и Азербайджан вошли в состав Советского государства, в 1921 г. Кавбюро приняло решение о передаче Нагорного Карабаха Армении, однако в последствии в составе Азербайджанской ССР была образована Нагорно-Карабахская автономная область (НКАО).

Что касается Южной Осетии, то здесь все не так однозначно. Первое осетинское население появилось на южных склонах хребта в XVII в. Территории, прежде заселенные грузинами, обезлюдели из-за нашествий врагов и миграций местных жителей, в связи с чем осетины заняли их, заключая арендные договоры с местными грузинскими феодалами. Царь Картли Ростом в своей грамоте приказал не мешать осетинам переселяться на эти земли. Его преемники так же создали благоприятные условия для переселения и жизни осетин на территории современной Южной Осетии. После того, как в 1763 г. Картли-Кахетинское царство входит в состав Российской империи, сюда были направлены русские войска. Русские чиновники четко разделяли местное грузинское и осетинское население. Сам термин «Южная Осетия» появляется только в 1830 г. Очевидно, что противоречия имели серьезную историческую подоплеку, что неоднократно использовалось элитами противостоящих этносов.

В конце 80-х–начале 90-х годов XX в. происходил глобальный процесс дезинтеграции и системного кризиса СССР. Отказ от коммунистической идеологии, командно-административной системы, плановой экономики и прочих атрибутов советского государства создавал коллапс в соответствующих сферах общественно-политической жизни и давал возможность выдвинуться новым силам на политическую арену союзных и автономных республик. Первостепенная роль в формировании национально-политических движений в этих образованиях принадлежала региональной интеллигенции и действующим представителям местных органов власти титульных этнических групп, которые от изначально умеренных позиций постепенно приходили к все более радикальным, националистическим.

В автономиях появились массовые общественные движения национально-патриотической направленности, такие как «Аидгылара» в Абхазии, «Адуамон Ныхас» в Южной Осетии и «Крунк» в Карабахе. В то же время, в Грузии и Азербайджане влияние приобретали радикально-националистические организации «Мхедриони» и «Бозкурт». Приход к власти в Азербайджане и в Грузии радикальных сил в лице режимов А. Эльчибея и З. Гамсахурдии, превративших непримиримость в центральный элемент внутренней политики, привел к этнополитической дестабилизации в Закавказье. Преобладание внутри этнонациональных элит радикально настроенных элементов, лидеров военных формирований, клановых групп, зарабатывавших политическую популярность пропагандой этнонациональной конфронтации, усугубляло остроту конфликтов и служило серьезным препятствием на пути их нейтрализации [1].

При этом границы между республиками чаще всего оставались теми, которые сформировались в 20–30-е гг. XX в., без учета общественного мнения и истории межэтнических отношений. Именно советский режим обеспечивал «территориальную целостность» Грузии, Азербайджана и ряда других республик. Элиты союзных республик, стремившихся к независимости, надеялись избавиться от влияния и власти Москвы, при этом сохраняя границы, нерушимость которых были обеспечены этой властью и влиянием. То есть, требуя независимости для республик в целом, местные элиты отказывали в таком праве автономиям [5]. Примером могут послужить демонстрации в Тбилиси в апреле 1989 г., основными лозунгами которых были достижение независимости от СССР и сохранение территориальной целостности Грузинской ССР.

Если говорить об экономической природе этнополитических конфликтов в Закавказье, то, что данное мнение получило широкое распространение вследствие партийной пропаганды союзных властей. Руководство СССР пыталось усмотреть причину возникшего кризиса в социально-экономическом отставании автономных образований. В определенной мере экономическая составляющая прослеживалась лишь в карабахском конфликте, и актуальна она была на начальной его фазе [4]. Серьезного различия в темпах экономического развития между, например, Абхазией и Грузией, не наблюдалась.

Огромное влияние на генезис конфликтов в Закавказье оказали демографические процессы в регионе и вызванные ими противоречия. Эти проблемы были вызваны как активизацией

миграционных потоков в 50-е–70-е гг. XX в.а, так и более ранними событиями (махаджирство, геноцид армян турками и др.). Такие процессы в Закавказье явились одним из ключевых факторов в развертывании конфликтов в регионе. Изменение демографической ситуации воспринималось сторонами конфликта достаточно болезненно, и было важным показателем межэтнических противоречий в регионе, поскольку были наиболее очевидными и понятными для простого обывателя [1].

По данным переписи населения 1989 г. в Абхазии проживало 17,8% абхазов, тогда как на долю грузин приходилось целых 45%! В Южной Осетии доля грузинского населения была несколько меньшей – 29 %, но проблема от этого не была менее острой, учитывая тот факт, что территория автономии с трех сторон окружена районами с преобладающим грузинским населением. Что касается Нагорно-Карабахской автономии, тут доля азербайджанского населения на 1989 год составляла около 18%, но являясь анклавом, НКАО не получила от этого никаких преимуществ.

Также стоит упомянуть этнокультурные аспекты конфликтов, которые в основном были порождены тем, что в СССР в качестве основы признавалась только территориальная автономия с иерархической соподчиненностью одних этнонациональных образований другим, что создавало законную основу для культурной ассимиляции этнических меньшинств титульными нациями той или иной республики. Необходимо учитывать и конфессиональную составляющую этнополитических конфликтов в Закавказье, которая явно прослеживалась в карабахском, и в гораздо меньшей степени – в грузино-абхазском и грузино-осетинском конфликтах.

Таким образом, основными причинами региональных конфликтов в Закавказье можно считать распад советского государства, постепенную радикализацию местных национальных элит, несовпадение государственных границ и границ расселения того или иного этноса, а так же демографические процессы, межконфессиональные и этнокультурные противоречия.

Список использованных источников и литературы

1. Барбарян К. Б. Этнополитические конфликты в закавказском регионе : истоки и развитие [Электронный ресурс]. URL : <http://www.mosgu.ru>. (дата обращения: 03.11.2014)
2. Абгаджва Д. Этнизация и конфликт [Электронный ресурс]. URL : <http://liber.onu.edu.ua/opacunicode/index.php?url=/notices>. (дата обращения: 02.11.2014).

3. Авксеньтев В. Этническая конфликтология [Электронный ресурс]. URL : <http://ethnoproject.ru/node/6>. (дата обращения: : 02.11.2014)
4. Геллнер Э. Нации и национализм. Москва : Прогресс, 1991. 320 с.
5. Маркедонов С. Сепаратизм на Большом Кавказе // Актуальные проблемы Европы. № 3 : Сепаратизм в современной Европе. 2009. С. 39–64.
6. Пряхин В. Ф. Региональные конфликты на постсоветском пространстве (Абхазия, Южная Осетия, Нагорный Карабах, Приднестровье, Таджикистан). М. : ГНОМ и Д, 2002. 344 с.

УДК 94(100) «1914/19»

П. В. ДЕНИСЕНКО

(ГУО «Гомельское городское
кадетское училище»)

ЛЕЙТЕНАНТ ПУЦИН – ЧЕЛОВЕК И КОРАБЛЬ

В статье рассматривается судьба военного морского офицера Леонида Пуцина и миноносца Российского императорского флота названного его именем «Лейтенант Пуцин». Проводится параллель человек – корабль. Их объединяет не только общее имя, активная деятельность, но и служба во имя своей страны.

Многие поколения Пуциных верой и правдой служили своей стране на суше и на море. В российском императорском флоте XIX в. можно найти имена 14 офицеров с фамилией «Пуцин». Самым известным из них стал Леонид Петрович Пуцин. В истории российского флота есть считанные примеры, когда именем здравствующего офицера называли военное судно. Но подвиг дворянина Леонида Петровича Пуцина был беспримерным, неценным в годы русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Благодаря действиям капитана и шести членов экипажа миноносца №1 до конца войны был выведен из строя самый мощный турецкий боевой миноносец «Иджлалие» [1].

И не силой, а смекалкой и храбростью был осуществлен этот успешный морской бой. Специальным приспособлением – шестом на корме русского миноносца №1 к борту противника доставили мину. От взрыва пострадало и судно Пуцина. Один матрос погиб, а пятеро и капитан пытались доплыть до берега. Но сильным течением их относило к месту боя. Так экипаж миноносца №1 оказался в турецком плену [2]. Это были долгие месяцы неволи. Различные дипмиссии

вели переговоры с турецкими властями, и они увенчались успехом. Экипаж миноносца №1 освободили из неволи в 1878 году. За свой подвиг лейтенант Л. П. Пуцин 3 апреля 1878 года стал кавалером ордена Святого Георгия IV класса [3].

Вся жизнь Леонида Петровича связана с морем. По окончании Морского Кадетского Корпуса Л. П. Пуцин в 1859–1863 гг. служил мичманом на клипере «Разбойник», на котором совершил переход из Кронштадта к берегам Южного Приморья, где участвовал в описных работах в заливе Петра Великого Японского моря.

В 1877–1878 гг. Л. П. Пуцин участвовал в русско-турецкой войне. После войны с Турцией капитан 2-го ранга Л. П. Пуцин получил в командование новый клипер «Разбойник», на котором в 1885–1886 гг. совершил плавание к берегам Кореи.

Последним местом службы капитана 2-го ранга Л. П. Пуцина стал Феодосийский порт Черноморского флота [4].

Герой русско-турецкой войны Л. П. Пуцин скончался в 1910 г., но ещё при жизни, в 1907 г. за подвиг, совершенный Леонидом Пуциным и его командой, одному из миноносцев Черноморского флота России было присвоено его имя [5].

Эскадренный миноносец «Лейтенант Пуцин» стал первым русским боевым кораблём, принявшим участие в событиях Первой Мировой войны на Чёрном море : 29 октября 1914 г. у Севастополя он вступил в бой с сильнейшим здесь вражеским кораблём – германским линейным крейсером «Гёбен». Появление линейного крейсера неприятеля было полной неожиданностью для командования Севастополя, поэтому «Гёбен» смог не только выйти из под огня береговых батарей, но и вступить в бой с дозорным дивизионом миноносцев, в составе кораблей «Лейтенант Пуцин», «Живучий» и «Жаркий» [6].

Линейный крейсер «Гёбен» с расстояния 70 кабельтовых открыл огонь из 152-мм орудий по головному миноносцу «Лейтенант Пуцин». Четвертый залп дал накрытие. От взрыва 152-мм снаряда, попавшего на палубу под мостиком и взорвавшегося в командном кубрике, вспыхнул пожар и была выведена из строя вся прислуга носовой подачи. Следующим залпом с мостика смело всех сигнальщиков и разворотило штурманскую рубку и привод штурвала. Миноносец управлялся машинами. Нос миноносца начал погружаться, электрическая проводка была перебита, поэтому нельзя было откачивать воду из кубрика и погреба турбиною. Температура от разгоревшегося пожара быстро стала подниматься, поэтому начали взрываться патроны. Опасаясь взрыва патронного погреба и видя, что подойти к неприятельскому крейсеру на торпедный выстрел не

удастся, миноносец повернул на 8 румбов от неприятеля. «Гёбен» принял этот маневр, за выпущенный торпедный залп, быстро изменил курс влево, а потом вправо на 16 румбов, но огня не прекращал, перенеся его на второй миноносец Живучий» [7].

Не имея возможности из-за пробоины, порчи управления и пожара продолжать бой, начальник дивизиона князь Трубецкой, приказав «Живучему» и «Жаркому» оказать возможную поддержку транспортному кораблю «Прут», сам на «Лейтенанте Пушине» повернул в Севастополь; его потери : 7 убитых и 11 раненых. Так закончился первый бой эскадренного миноносца «Лейтенант Пушин». Тела погибших в этом бою русских моряков были захоронены в Севастополе, а на их могиле был установлен памятник, ныне находящийся на территории Братского кладбища [8].

Ремонт «Лейтенанта Пушина» занял 20 суток. В период Первой мировой войны корабль участвовал в набеговых операциях на коммуникации и побережье противника, оказывал артиллерийскую поддержку приморским флангам войск Кавказского фронта, обеспечивал и прикрывал действия других сил флота. С 10 января по 16 февраля 1916 г. участвовал в Эрзерумской наступательной операции. Совместно с другими кораблями уничтожил до 46 турецких парусников [9].

Со времени вступления Болгарии в войну на стороне германской коалиции Варна являлась маневренной базой германских подводных лодок. Частое появление их в устье Дуная, на путях следования русских кораблей в Одессу и в районе Зунгулдака, турецкого угольного района, блокируемого русскими кораблями, беспокоило русское командование и побудило предпринять против Варны ряд операций в виде артиллерийских обстрелов крупными кораблями и воздушных налетов морской авиации.

Одна из таких операций была назначена на начало марта 1916 г.; для осуществления ее была выделена 2-я маневренная группа в составе двух авиатранспортов с гидросамолетами, под охраной двух новых и трех старых эскадренных миноносцев, для бомбометания по базе и подводным лодкам.

Линейный корабль «Императрица Екатерина Великая» был выделен для прикрытия операции.

При подходе к болгарским берегам миноносцы «Лейтенант Пушин» и «Живой» были посланы в разведку, а весь остальной отряд кораблей находился вне видимости берегов в ожидании донесения о результатах разведки.

Эсминцам было приказано, по выполнении разведки, вернуться в указанное место. «Живой» был послан к мысу Калиакри, а

«Лейтенант Пушин» направился в район мыса Иланджик и по пути заметил на 1–1,5 кб от себя плавающую мину, которую и начал расстреливать. Она оказалась пустая и служила, видимо, вместо приманки. Поданным участника расследования случая, мина была замечена на эсминце, когда они шли к болгарским берегам, но имея поручение произвести разведку, ее не расстреляли. Только на обратном пути, приближаясь для ее уничтожения, «Лейтенант Пушин» взорвался на другой mine.

Взрыв произошел в середине эсминца между третьей и четвертой трубами и сопровождался столбом пламени, пара и воды, после чего он стал медленно переламываться пополам и тонуть. Разрушение от взрыва было таково, что носовая и кормовая части стали в воде вертикально и плавали некоторое время по отдельности, причем дольше осталась на поверхности носовая часть форштевнем вверх. [10]. Времени для спасения личного состава было достаточно, потому что все успели выскочить из палубы и даже из кубриков, откуда выход вообще был затруднен. «Живой», предположив, что «Лейтенант Пушин» подорвался на mine (масса заряда 114,66кг), приблизился к нему для спасения, но ошибочно приняв какой-то предмет за перископ, считал себя атакованным подводной лодкой, бросил спущенные шлюпки и, дав полный ход, ушел из района гибели [11].

«Живой» ушел из района гибели своего спутника, выпустив по воображаемой подводной лодке 13 ныряющих и 20 фугасных 75-мм снарядов. Личный состав «Лейтенанта Пушина» плавал на матрацах, поясах и обломках дерева. Миноносец «Живой» успел спасти только четыре человека. На воде держались: начальник 4-го дивизиона, командир корабля и два офицера плавали в одежде.

Двойка с людьми, подошедшая к «Живому», попала под отвод и, когда миноносец давал ход, опрокинулась, оставаясь плавать без людей. Пять офицеров и десять матросов пристали к болгарскому берегу, ошибочно предполагая, что они выгребли в район румынского побережья, и были взяты в плен вместе со шлюпкой [12].

Спасательную операцию отменили из-за появления в воздухе неприятельских гидросамолетов и вследствие якобы присутствия неприятельской подводной лодки, которой была приписана гибель «Лейтенанта Пушина».

В год 100-летия памяти героя русско-турецкой войны лейтенанта Л. П. Пушина остатки корабля, носившего его имя, были обнаружены на дне Чёрного моря в районе болгарского порта Варна

В 2011 г. к месту затопления эскадренного миноносца состоялась международная экспедиция. С российской стороны в ней приняли участие Общественно-патриотическая подводно-поисковая

экспедиция «Поклон кораблям Великой Победы» и Московский Клуб истории флота. Итогом экспедиции стало установление памятной таблички в городском поселке Паричи Светлогорского района Гомельской области, где находилось имение дальних родственников Леонида Петрович Пущина. А также придание статуса братской могилы останкам эскадренного миноносца «Лейтенант Пущин» с установлением таблички с именами всех погибших членов экипажа [13, л. 31–34 об., 35–36 об., 46–46 об., 49].

Во время работы над проектом кадетами Гомельского городского кадетского училища были установлены контакты с представителями общественных и научных организаций, а также с краеведами России, Беларуси и Болгарии.

Помощь в создании работы оказали :

Константин Стрельбицкий – советский и российский историк флота, председатель Правления «Московского клуба истории флота», преподаватель, исследователь, активный участник военно-поисковых движений, писатель г. Москва

Константин Робертович Богданов – дайвер, руководитель проекта «Поклон кораблям Великой Победы» г. Москва

Виктор Григорьевич Мураль. Краевед, уроженец г.п. Паричи. г. Минск

Александр Петухов. Краевед, г. Светлогорск, аспирант РИВШ г. Минск

Мельникова Арина Юрьевна. Сотрудник Кронштадтского морского музея, г. Кронштадт, РФ.

Янков Иван Венциславов. Краевед, Болгария, г.Пловдив.

Татьяна Сергеевна Якименко. Корреспондент Гомельской городской газеты «Гарант»

Благодаря этим людям работа пополнилась уникальными архивными и фотодокументами.

Список использованных источников и литературы

1. Царская Россия в мировой войне //Сборник Центрархива. М. : Гиз, 1926.
2. Островский Б. Г. «Адмирал Макаров»–М. : Военное издательство МО СССР, 1954.
3. Списки кавалерам военного ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия, за боевые отличия. 26 ноября 1769 г.–1 сентября 1880 г. Спб., 1880.
4. Списки личного состава российского императорского флота за 1885 год // РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 3. Д. 661

5. Афонин Н. Н. Эскадренные миноносцы типа «Буйный» и его модификации // Невки. Эскадра. 2005. № 2–3.
6. Царская Россия в мировой войне. Т.1 / предисл. М. Н. Покровского. – Ленинград : Государственное издательство, 1925 . XXIV, 300 с
7. Лукин А. П. Флот. Русские моряки во время Великой войны и революции. Т. 2 . Париж. Б-ка «Илл. России». 1934.
8. Новиков Н. Операции флота против берега на Черном море в 1914–1917 гг. М. : Воениздат НКО СССР, 1937.
9. Бережной С. С. Крейсера и миноносцы : Справочник. М. : Военное издательство, 2002.
10. Повреждения кораблей от подводных взрывов и борьба за живучесть : По историческим материалам мировой войны 1914–1918 г. г. / К. П. Пузыревский. Л.; М. : ОНТИ. Ред. судостроит. литературы, 1938.
11. Константинов М. Бойна дружба–необъяснима// Монитор. 2009. 03. 6.
12. Панайотов А. Руският ескадрен миноносец „лейтенант пушин» и българската морска история // Компас. 2010.09.
13. Поименный список погибших на эскадренном миноносце «Лейтенант Пушин» // РГА ВМФ. Ф. 609. Оп. 3. Д. 360.

УДК 94:356/358 (438)

С. В. ХАЙНАК

(УО «Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины»)

АРМИЯ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ В XVI ВЕКЕ : СТРУКТУРА И ОРГАНИЗАЦИЯ

Результаты военных кампаний, которые вели войска Речи Посполитой, показывают, что к концу XVI века в Речи Посполитой удалось создать модель организации армии, в наибольшей степени соответствующей условиям театра военных действий своего времени. В большой степени это стало результатом проведённой военной реформы Стефана Батория.

Рассматривая вопрос о состоянии армии Речи Посполитой в XVI в. следует констатировать, что к концу века военные формирования Польско-Литовского государства находились на высоком боевом уровне и были способны выполнять как наступательные, так и оборонительные функции. Армия Речи

Посполитой включала в себя две составные части : войско ВКЛ и Коронное войско.

При совместных военных действиях армий Королевства Польского и Великого княжества Литовского, великий гетман литовский обычно считался главным среди прочих гетманов и был командующим объединёнными силами. Ещё с Минского сейма 1507 г. власть гетмана на время военных действий утверждалась абсолютной и наделялась полномочиями диктатора[1, с. 115].

Первый гетманский титул в Великом княжестве Литовском был создан в 1497 г., в Польском королевстве – в 1503 г.. Первоначально он давался только военачальникам на период боевых действий. Гетманы подчинялись только монарху. В Речи Посполитой существовало четыре гетманских титула : два для ВКЛ – «Литовские гетманы» и два для Польши – «Коронные гетманы»[2, с. 242].

Высокий уровень военной подготовки войска Речи Посполитой в XVI в. был, во многом достигнут, благодаря военной реформе проведённой Стефаном Баторием.

Насущная необходимость проведения военной реформы как в войске ВКЛ, так и Польши отчетливо проявилась во время Инфлянтской войны. Результат событий начального этапа военного конфликта ясно показал, что литовское войско было не способно на равных противостоять силам московского государства. Уровень военной подготовки шляхетских хоругвей и пеших ратников был недостаточно высоким. Положение усугублялось ещё и тем, что сбор посполитого рушения постоянно сопровождался проблемами уклонения от воинской службы и долгие сроки сбора [3, с. 157].

Так же следует отметить, что существенной чертой ополчения ВКЛ являлась большая разница в степени обеспечения вооружением военнообязанного населения. По сравнению с хорошо вооружёнными отрядами магнатов, рядовая шляхта зачастую была недостаточно вооружена, что влияло на уровень вооружённых сил в целом. Разные финансовые возможности шляхты ВКЛ временами приводили к выставлению ими воинов, которых трудно отнести к какой-нибудь категории, зафиксированной в источниках. Так в 1567 г. среди рыцарей Новогрудского повета фигурирует «Стась Неверович з Своротвы, человек велми убоги, пеш с посохом». Не лучше был вооружён Андрей Шчолканович, записанный в хоругви Минского повета. Означенный Андрей прибыл на войну «пешо з вилами»[4, с. 256].

Но уже с образования Речи Посполитой в 1569 г., военные возможности Польши и ВКЛ, ранее объединённых лишь личной

унией, несравненно возросли в количественном отношении, а в дальнейшем, после проведённых реформ и в качественном состоянии.

Этому служат подтверждением итоги таких военных операций начала XVII в., как битва при Кирхгольме 1605 г., где войско Речи Посполитой под командованием гетмана Я. Ходкевича одержало блистательную победу над троекратно превосходящими их силами шведской армии Карла IX. Ещё более впечатляющей победой, проявившей высокие боевые качества войска Речи Посполитой, окончилась Клушинская битва 1610 г., где войско Речи Посполитой под командованием польного коронного гетмана Станислава Жолкевского разгромило 40 тысячное русско-шведское войско, в котором насчитывалось 8 тысяч шведов. Сам гетман под Клушином располагал 9 тысячами воинов, из них : 4 тысячи казаков, 3 тысячи конницы и 2 тысячи пехоты [5, с. 569].

В конце XVI в., в период своего наивысшего подъема, армия шляхетской республики включала в себя, если не считать реестрового казачества, два основных компонента. Первый и наиболее боеспособный из них – это наемное постоянное войско, которое было преобразовано из «оброны поточной». Ещё на сейме в Пётркове в 1562 г. было утверждено предложение Сигизмунда II Августа, обеспокоенного падением боеспособности наемных войск из-за нерегулярных выплат жалованья, выделить на содержание постоянной наемной армии 1/4 часть доходов с королевских имений. Отсюда и её второе название – «кварцянское» войско. Эта система полностью утвердилась в 1569 г., и после образования Речи Посполитой, кварцянское войско было учреждено и на территории Великого княжества Литовского. Будучи относительно малочисленным формированием, оно служило ядром армии Речи Посполитой.

Это войско, содержавшееся за счет доходов с королевских владений, дополнялось традиционным феодальным ополчением – посполитым рушением. К началу XVII в. посполитое рушение практически утратило прежнее значение и всё чаще созывалось не для войны с внешним врагом, а для защиты «золотых шляхетских вольностей» [4, с. 232].

Кварцянское войско было основой обороны пограничных воеводств от татарских набегов. Оно состояло в основном из шляхетской конницы, которая формировалась посредством набора. Король с согласия сословий выдавал лицам, рекомендованным гетманами, оповещательные грамоты, служившими полномочием для набора конных рот. В этих грамотах определялся количественный состав роты, жалованье на коня, род вооружения, а также время и место явки. Ротмистр, снабженный грамотой, вступал

в переговоры с известными ему солдатами-«жолнерами» о наборе всадников в означенном количестве. Образовавшиеся таким образом отряды, формировались ротмистром в хоругви и роты по сто, двести или больше всадников. Конный рекрут назывался «товарищем», прибывал со своей свитой «пахолками», которая также строилась в ряды и участвовала в сражении [2, с. 242].

Товарищ был, в прямом смысле, товарищем ротмистра, он разделял его военные и финансовые риски. Товарищи создавали своего рода военное братство. Друг к другу ротмистры и товарищи обращались «пан брат» [6, с. 5].

Гусары имели обыкновенно двух или трёх «пахоликов»-рядовых. Так же как и гусары, они были вооружены копьями, но не имели лат. На плечах вместо тигровой шкуры носили мех из белого медведя и крыло из орлиных перьев. Кроме участия в сражении их использовали для сбора съестных припасов [7, с. 50].

Следует также брать в расчет и частные армии – королевскую гвардию и надворные формирования магнатов. Магнатские или «приватные» войска были частными войсками магнатов. Они состояли как из наёмников, так и из посаженных на магнатской земле казаков или «хлопов», обязанных за это нести воинскую повинность, а также шляхетского ополчения, созданного во владениях магната. Пользуясь своей практически неограниченной властью и влиянием, магнаты, имея собственные войска, зачастую откупались от походов деньгами, и это не считалось для них бесчестьем [8, с. 188].

На время войны воинские контингенты дополнялись иностранными наемниками, условия найма, и службы которых определял сейм, национальной выбранецкой пехотой, отрядами добровольцев, а также отмобилизованным реестровым казачеством. Следует всё же отметить, что правители Речи Посполитой с опасением относились к казачеству, стремясь ограничить их численность [9, с. 223].

Стефан Баторий и Сигизмунд III Ваза смогли в некоторой степени повлиять на часть запорожского казачества и поставить её на службу Речи Посполитой. Это было тем более важно, что казацкая конница и в особенности пехота, отличались высокой боеспособностью.

Имелись в войске Речи Посполитой и татарская конница. Потомки осевших в ВКЛ после распада Золотой Орды, татары освобождались от всяких повинностей. Они были обязаны нести только военную службу. Волошские хоругви нанимались преимущественно из молдаван. Как татары, так и волохи составляли

легковооруженную конницу с луками. Легковооруженная конница была необходима для разведок, караулов и боя на флангах [2, с. 246].

Сохраняя в своей реформе польско-литовские традиции ведения военных действий, Стефан Баторий делал основной упор на дальнейшее развитие кавалерии. Прослеживая тенденции своего времени по разделению конницы на тяжёлую и лёгкую, он создал условия для урегулирования этого процесса. По роду вооружения конница разделилась на тяжёлую и лёгкую. К первой принадлежали гусары, ко второй – казаки и панцирники.

Пожалуй, самой боеспособной частью войска Речи Посполитой, участвовавшего в войне, была польская гусария. Гусары использовались для таранных атак в сомкнутых боевых порядках на больших аллюрах. Хорошо защищенные доспехами и вооруженные длинными копьями, гусары представляли собой стальной кулак, пробивающий ряды противника. Войска Речи Посполитой часто решали исход битвы одним ударом тяжёлой конницы, которая не нуждалась в численном превосходстве над врагом. Редкий противник мог устоять перед строем атакующих гусар [10, с. 589].

Стратегия войны в войске Речи Посполитой, была рассчитана на победы малыми силами. Длительного ведения войны не выдерживала финансовая система государства. Не раз случалось, что после явной победы необходимо было лишь закрепить успех, но шляхта из-за задержки жалования разъезжалась по домам. Зачастую для продолжения войны гетманам приходилось выплачивать жалованье из своих средств.

Военные действия регламентировались сложившимися традициями и закрепились уставом гетмана Станислава Жолкевского: «Артикулом, надлежащим к движению войска против неприятеля и ведения битвы». Начинала битву легковооружённая конница-«гарцовники», которая стремясь разведкой боем определить силы и возможности противника и по возможности спровоцировать его на атаку, выманив его под удар тяжёлой конницы. Часто для этих целей использовалось ложное отступление. В полевом сражении часто всё решала одна атака гусар. В противном случае сопротивление противника ломалось последовательными ударами кавалерии, так в битве при Клушино гусары атаковали семь раз. Как правило, гетманы лично участвовали в сражении, зачастую находясь на острие атаки.

После того, как неприятель был опрокинут, лёгкая кавалерия вела длительное преследование отступающих войск противника. Однако в этом случае устав требовал осмотрительности и слаженных действий, запрещая разрозненных и самостоятельных действий, особенно в сражениях с татарской конницей, которая также

практиковала ложные отступления. Тех, кто в ходе боя начинал грабёж, устав предписывал казнить на месте, такая же участь постигала бегущих с поля боя [11, с. 29]. Ведь для шляхтича в бою были обязательны мужество, рыцарство, отвага, правило ненападения на безоружного противника. Бегство с поля боя влекло за собой последствия в виде бесчестия-«инфамии» и конфискации имущества [12, с. 164]. Разумеется, всё это было в идеале, а жизнь вносила свои существенные поправки в поведение шляхты.

Пехота в войске Речи Посполитой была малочисленной и наименее боеспособной частью войска. Вооруженная пиками и мушкетами, она закрывалась в бою деревянными продолговатыми щитами. Пехоты было недостаточно для полноценной осады крепостей и редутов, ибо шляхта считала недостойной службу в пехоте. Для службы в пехоте из королевских деревень набирали рекрутов, по одному с двадцати ланов [5, с. 549]. Рекрут, освобожденный от всяких повинностей, был обязан через каждые три месяца являться к ротмистру на ученье с мушкетом, саблей и топориком, в одеянии голубого цвета. «Выбранецкая» пехота была необходима для боя в рядах, для насыпи шанцев и разных осадных работ. Кроме «выбранецкой», была обмундированная пехота, вооруженная и организованная на западный манер, называвшаяся венгерской и немецкой. Ее формировали не из товарищеских свит, а при помощи вербовки [2, с. 248].

Наемная армия негативно воспринималась основной массой шляхты и аристократии. Они видели в ней, и не без оснований, средство усиления королевской власти и насаждения абсолютизма. К тому же услуги наемной иностранной пехоты обходились казне чрезвычайно дорого, а без оплаты наемники всегда воевали неохотно. Но обойтись без набора иностранных наемников было нельзя хотя бы потому, что без пехоты вести полномасштабную войну было невозможно, а собственная польско-литовская пехота уступала по своим боевым качествам наемной немецкой [13].

К концу XVI века, в армии Речи Посполитой, вооруженная огнестрельным оружием пехота, и артиллерия уже стала играть большую, нежели ранее, роль. И если ранее пехота, занимала позиции в обозе или вагенбурге и редко выходила в поле, то теперь она выстраивалась в первой линии, в промежутках между конными хоругвями. Залогом успехов войск Речи Посполитой служила отработанная эффективная тактика взаимодействия пехоты, артиллерии, тяжелой и легкой кавалерии. Пехота и артиллерия своим огнем подготавливала атаку гусар, устоять против таранного удара которой не могли ни татарские, ни московские всадники, ни

шведские или имперские рейтары и пехотинцы. Сломленный строй неприятеля добивался легкими казацкими, татарскими и пятигорскими хоругвями [13]. В XVII веке численность гусарии стала снижаться. Эта тенденция являлась одной из причин последующего ослабления войска Речи Посполитой.

Список использованных источников и литературы

1. Сагановіч Г. М. Нарыс гісторыі Беларусі ад старажытнасці да канца XVIII ст. Минск : Энцыклапедыкс, 2001. 412 с.
2. Грабенский В. История польского народа. Минск : МФЦП, 2006. 800 с.
3. Янушкевіч А. Вялікае Княства Літоўскае і Інфлянцкая вайна 1558–1570 гг. Мінск, 2007. С. 156–157.
4. Бохан Ю. М. Узбраенне войска ВКЛ другой паловы XIV – канца XVI ст. Мінск. : Экаперспектыва, 2002. – 336 с.
5. Соловьев С. М. История России с древнейших времён. Кн. 4. М. : Социально-экономическая литература, 2003. 780 с.
6. Ерусалимский К.Ю. Идеология истории Ивана Грозного : Взгляд из Речи Посполитой Диалоги со временем : память о прошлом в контексте истории // Отв. ред. Л. П. Репина М. : Кругъ, 2008. [Электронный ресурс] URL:[http : //rodnaya-istoriya.ru/index.php/istoriya](http://rodnaya-istoriya.ru/index.php/istoriya) (дата обращения : 7.04.2014).
7. Жолкевский С. Записки гетмана Жолкевскаго о Московской войне СПб. : Типография Эд. Праца, 1871. 307 с.
8. Герберштейн С. Записки о Московии/ пер. снем. А. И. Малеина и А.В.Назаренко. –М. : Изд. - во МГУ, 1988. 430 с.
9. Тымовский М. История Польши. М. : Высшая школа, 2004. 544 с.
10. Norman Davies *Boze igrzysko. Historia Polski. Tom 1 Od poszatkow do roku 1795.* Krakow. : ZNAK, 1992. 815 s.
11. Солдатенко А. Польская гусария 1500–1776 гг.. // Орёл. 1993. № 3. С. 2– 7.
12. Тазбир Я. Привилегированные сословия феодальной // Вопросы истории. 1977. № 12. С. 159–166.
13. Грабарчик Т. Организация наемных войск Королевства Польского в XV веке // *ParaBellum.* 2002.– № 14. [Электронный ресурс] URL : [http : //parabellum.vzmaKh.ru](http://parabellum.vzmaKh.ru) (дата обращения : 9.03.2014).

А. А. КАПЛИЕВ

(УО «Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины»)

ИЗМЕНЕНИЯ В ПОЛЬСКОЙ ОБОРОНИТЕЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ В КОНЦЕ 1930-Х ГОДОВ

В статье проанализированы изменения в оборонительной стратегии Польши в конце 1930-х гг. В поисках надежных союзников Польша начинает метаться от альянса с Францией и Англией к идее присоединения к фашистскому блоку. Одновременно начинается модернизация армии и, соответственно, всей оборонительной стратегии Второй Речи Посполитой. Однако слишком медленные темпы переориентации оборонительных линий на запад, недостатки оперативного планирования, проводимого в крайней спешке, привели к неизбежному поражению в сентябре 1939 г.

Вторая половина 1930-х гг. была очень сложным временем для польского Генерального штаба. Более 15 лет все усилия оборонного ведомства были направлены на отражение потенциального советского вторжения, теперь же вполне реальной стала угроза оказаться в тисках двух соседних государств без поддержки союзников. В это время наблюдается охлаждение отношений с западными союзниками, прежде всего, с Францией, которая переживала в этот период серьезный внутривнутриполитический кризис. Правительство сталкивалось с серьезным противодействием со стороны профашистских сил (союз «Огненные кресты», под руководством Казимира де ля Рока и др.).

С другой стороны, и в самом польском правительстве наметились тенденции к сближению с фашистской Германией. Авторитарный по своей сути режим Пилсудского имел немало общего с диктатурой Гитлера, а пафосные речи и кавалерийские атаки стали отходить в прошлое, по мере того, как стал очевиден курс Красной Армии на перевооружение и модернизацию. Если ранее польская армия отставала от армий соседей только по количественному составу, то теперь стала очевидна и техническая отсталость Войска Польского.

Ключевая роль кавалерии в советско-польской войне сыграла злую шутку с польской армией образца 1930-х гг. Она была практически на том же уровне развития, что и в 1920-м году. Внедрение новой техники шло крайне медленно, несмотря на то, что в процентном отношении Польша тратила из бюджета на свои вооруженные силы больше всех в

Европе, по факту, из-за скудности средств государства, оказывалось, что она оснащена хуже всех. Польская армия отставала по всем параметрам, за исключением количества сабель, по всем же остальным статьям она была слабо оснащена даже по стандартам 1914 г.

Следует отметить, что все вышеперечисленные недостатки были приняты в расчет польским генштабом. Исходя из слабых стратегических возможностей армии офицеры генштаба делали ставку на тактическое маневрирование. Основу мобилизационного и стратегического планирования составляли оборонительные действия в приграничной полосе с опорой на долговременные оборонительные линии. В начале 1920-х, в условиях унижения Германии по итогам Первой Мировой войны, а также Рурского кризиса, Польша планировала оборонительную войну и против России и против Германии, причем рассматривался вариант одновременной войны против обеих соседей сразу.

В 1930-х ситуация изменилась таким образом, что на месте двух держав, разгромленных в мировой войне, внезапно появились агрессивные и жаждущие реванша непримиримые враги Польского государства. Понимая бесперспективность войны на два фронта, Польша попыталась заручиться поддержкой Германии.

В этот период Польша продолжала считать основным соперником СССР, в некоторых кругах Польши обсуждался вопрос о союзе с нацистами против него. 26 января 1934 года был заключён польско-германский пакт о ненападении сроком на 10 лет. Польский посол в Берлине Юзеф Липский заявил по этому поводу : «Отныне Польша не нуждается во Франции», а Ю. Пилсудский в разговоре с французским министром Л. Барту отметил : «Мы восхищены нашими первыми соглашениями с Гитлером» [2, с. 213]. Фактически, это стало началом политики сотрудничества с немцами, вершиной которого стало участие в разделе Чехословакии в сентябре 1938 г. Польские и немецкие чиновники дипломатического ведомства регулярно курсировали между Варшавой и Берлином, также проводились и неофициальные встречи. Г. Геринг часто ездил охотиться в Беловежскую пушу.

«Поляки не уважали, не любили чехов» – сказал Пилсудский Герингу в 1935 г. Ю. Бек в марте 1936 г. указывал А. Идену на то, что Малая Антанта под руководством Чехословакии желает гегемонии в восточноевропейском регионе и оправдывает рост влияния большевиков в этом регионе [3, р.167].

Даже в январе 1939 г., когда возможность агрессии со стороны Германии была очевидна, польский посланник в Иране Я. Каршо-Седлевский отмечал возможность преодоления польско-германских противоречий и совместного выступления Польши и Германии против

СССР, интегрирующим фактором при этом выступают совместные претензии Польши и Германии на Украину [4, с. 381].

После смерти Пилсудского тот же Геринг в феврале 1937 г. в разговоре с маршалом Рыдз-Смиглым отмечал намерения Германии сотрудничать с Польшей и о выгоде Польши в сотрудничестве с Германией, на что Рыдз-Смиглы подчеркнул исключительно оборонительный характер союза Франции и Польши, а также намерение Польши не поддерживать СССР в случае военного конфликта. Заверяя об исключительно оборонительном характере франко-польского союза, Варшава, тем не менее, стремилась к более тесному сотрудничеству с Францией и уже в декабре 1937 г. состоялась встреча Ю. Бека с французским посланником Делбо, на которых обсуждалась союзная конвенция с целью поддержания системы коллективной безопасности в Европе.

Но меркантильный интерес присоединения Тешинской Силезии взял верх над союзническими обязательствами перед Францией. Готовность СССР прийти на помощь Чехословакии была воспринята как угроза Польше, после чего были проведены военные маневры на Волыни, призванные удержать СССР от помощи чехам. 19 сентября 1938 г. Бек приказал Липскому информировать Гитлера, что Польша парализует любые действия СССР по вмешательству в Чехословацкую проблему и что военные маневры на Волыни были предупреждением Москве [3, р 169].

После совместного раздела Чехословакии Польша внезапно осознала, что станет следующей жертвой западного соседа. После этого всякая мысль не только о союзе с Германией против СССР путем уступок на западной границе, но и вообще просто мирное сосуществование стало невозможным. Поляки стали искать возможности стабилизировать отношения в Прибалтике. Весной 1938 г. польское правительство послало ультиматум литовскому правительству с требованием о восстановлении дипломатических отношений. 19 сентября 1938 г. литовцы его приняли и восстановили отношения с Польшей. Для польско-литовских отношений это был своеобразный прорыв [1, с. 305]. Однако это уже не могло спасти Польшу.

К концу 1938 г. Франция констатировала, что Польша положила свою гирию на весы «Нового порядка». Отношения Франции и Польши вошли в критическую стадию [55, р.180]. Однако, перед лицом очевидной угрозы, давние союзники возобновили контакты и попытались консолидироваться перед лицом немецкой угрозы. В это же время активизируется идея о совместном выступлении Франции, СССР и Польши против Германии [7, s.156; 6, s.85].

В этой связи в 1935 г. началась разработка нового мобилизационного плана, получившего название «W», по инициалам шефа I отдела генерального штаба Йозефа Альбина Вятра (Wiatr). План предполагал использование полесских укреплений как основы обороны против превосходящих сил противника. Земли Беларуси занимали армии «Вильно», «Лида», «Барановичи» и «Полесье» [4, s. 167]. План предполагал ведение активной обороны на территории Беларуси, в ходе которой советские части должны будут застрять в непроходимых болотах Полесья, после чего будут уязвимы для мобильных групп польской армии, которые концентрировались в районе Бреста.

Особенностями нового стратегического плана являлись :

1. Оборонительный характер – в предстоящей войне Войско Польское должно было обороняться;
2. Согласованность – план должен был быть приспособлен как к варианту «Восток», так и варианту «Запад»;
3. Скорость – мобилизация должна была пройти в кратчайшие сроки;
4. Секретность – отмобилизовать максимальное количество войск перед объявлением всеобщей мобилизации.

Изменилась ситуация и в фортификации. Если в период с 1926 по 1935 гг. укреплялась, в основном, беспокойная восточная граница с СССР, то с 1935 г., в связи с усилением напряженности международных отношений, Польша начала равномерно отстраивать оборонительные рубежи на западе, севере и юге. Огромное количество средств, которое требовало такое строительство, предопределило его незавершенность к началу войны 1939 г. Относительно хорошо укрепленными были участки «Барановичи» (около 300 бетонных укреплений), и «Сарны» (к 1939 г. было закончено 209 бетонных укреплений) [5, s. 125]. В целом, стремление укрепить свою границу по примеру Франции неприступными оборонительными рубежами, способными сдержать многократно превосходящие силы противника провалилась, столкнувшись с низкими производственными возможностями Польши.

В стратегическом аспекте изменилось и оборонное планирование. Однако, времени на разработку мобилизационного плана и соответствующего ему плана стратегического уже не было. Потому план «W» был приспособлен под новые условия, притом, что не были особенности западного театра военных действий. Разделение на несколько армий осталось, изменилось лишь их название, однако такое распыление сил, на востоке оправданное сильной линией укреплений, на западе фактически оказывалось фатальным. Однако ничего другого, кроме как выйти в открытое поле против вермахта полякам не оставалось. Расчет был на то, что в

ходе отступления силы разрозненных армий соединяться, что произошло, однако, уже после их полного разгрома.

Таким образом, изменения в польской оборонительной стратегии были вызваны исключительно политической необходимостью, в условиях крушения прежних союзов и своеобразного внутривнутриполитического вакуума, наступившего после смерти Ю. Пилсудского. Инициативы по заключению союза с Германией были лишь политической игрой, никак не повлиявшей на стратегическую ситуацию в регионе. Спешная переработка направленной на восток оборонительной стратегии лишь предопределив разгром Польши в 1939 г.

Список использованных источников и литературы

1. Парнета О. Міжнародне становище польщі та їїзовнішняполітика в міжвоєннийперіод (1919–1939 рр.) // Україна–Європа–Світ : міжнародний збірник наукових праць / гол. ред. Л. М. Алексієвець. Тернопіль, 2008. Вип. 1. С. 302–307.
2. Табуи Ж. 20 лет дипломатической борьбы. М., 1960. 467с.
3. Karski J. The Great Powers and Poland : From Versailles to Yalta.- Rowman&Littlefield, 2014.304р.
4. Военная разведка информирует. Январь 1939–июнь 1941. М. : Международный фонд «Демократия».2008 г.832с.
5. Kośmider T. Planowanie wojenne w Polsce.Toruń : Wydawnictwo Adam Marszałek, 2001. 276s.
6. Pasztor M. Polska w oczach francuskich kół rządowych w latach 1924-1939. Warszawa, 1999.354s.
7. Wołos M. Francja–ZSRR. Stosunki polityczne w latach 1924–1932. Toruń : Wyd. Adam Marszalek, 2004. 674 s.

ПРАБЛЕМЫ ГІСТОРЫІ БЕЛАРУСІ

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф.СКОРИНЫ

М. Н. САМОНОВА

(УО «Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины»)

**ДРЕВНЕСКАНДИНАВСКАЯ ТРАДИЦИЯ И ЛЕТОПИСНАЯ
ЛЕГЕНДА О РОГВОЛОДЕ, РОГНЕДЕ И ВЛАДИМИРЕ :
К ПРОБЛЕМЕ ГЕНЕАЛОГИЧЕСКО-ДИНАСТИЧЕСКОЙ
ДЕФИНИЦИИ ПОЛОЦКИХ КНЯЗЕЙ**

В статье рассматриваются скандинавские параллели летописной легенды о Рогволоде, Рогнеде и Владимире на основе анализа нарративных текстов и правовых норм. Автор сделал вывод о влиянии скандинавских правовых обычаев на возвращение Рогнеде и её сыну Изяславу наследственных прав на Полоцкое княжество, что стало одним из оснований для утверждения в Полоцке самостоятельной княжеской династии Рогволодовичей-Изяславичей.

Одним из ярких проявлений взаимодействия между восточнославянской и скандинавской культурами в IX–XIII вв. стало формирование общего фонда литературных сюжетов, образов и преданий, представленных как в древнерусской, так и древнескандинавской культурных традициях. С историей Полоцка, первого государственного центра на белорусских землях, тесно связаны сохранившиеся в древнескандинавской литературе (саги, эпос) сюжеты, имеющие уникальное сходство с легендами о Рогволоде, Рогнеде и Владимире, Всеславе Брючиславиче. В данной работе мы рассмотрим скандинавские параллели летописной легенды о Рогволоде, Рогнеде и Владимире, известной из сообщений ПВЛ под 980 г. и Лаврентьевской летописи под 1128 г.

В зарубежной историографии (А. Стендер-Петерсен, О. Прицак, В. Дучко) существует мнение о том, что на Руси было две скандинавские династии – Рюриковичи и Рогволодовичи [1, р. 130–131; 2, р. 137; 3, р. 126–127]. Датский учёный А. Стендер-Петерсен считал, что на Руси образовалось два скандинаво-славянских государства – Новгородско-Киевское и Полоцкое. О. Прицак отмечал, что полоцкая династия была единственной из древних скандинавских династий, которая сумела уцелеть в борьбе с Рюриковичами [2, р. 137]. По мнению Дж. Шепарда, Владимир Святославич стремился связать себя узами со скандинавским родом Рогволода для

того, чтобы упрочить свой династический и политический статус в борьбе со своим братом Ярополком [4, с. 225–226].

Рогволод был представителем новой волны скандинавов, прибывших на Русь непосредственно со Скандинавии. Об этом прямо говорит летопись – «пришель и-заморья», а также свидетельствует скандинавское имя его дочери Рогнеды. В это же время в династии Рюриковичей уже далеко зашли процессы её славянизации, внешним проявлением чего стало преобладание славянских имён в антропонимиконе киевских князей – Святослав, Ярополк, Владимир и др.

В Лаврентьевской летописи под 1128 г. содержится рассказ о попытке мести Рогнеды Владимиру за смерть отца и пренебрежение к ней. В семейный конфликт оказался втянутым и Изяслав, старший сын Рогнеды и Владимира, который заступился за мать. Исход этой драмы оказался довольно неожиданным – по совету своих бояр Владимир отправил Рогнеду и Изяслава в её отчину: «и созва болгары . и повѣда им . вни же рекоша оуже не оубии еѧ дѣтати дѣла сего . но въздвѣгни втчину еѧ . и даи еи с сыномъ своимъ . Володимеръ же оустрой городъ . и да има . и наречѣ има городу тому Изаславль . и ѿтолѣ мечь взимають Роговоложи внуци . противу Ѧрославлимъ внукомъ» [5, стб. 300–301].

В сагах очень часто именно женщина является инициатором мести. В этой связи следует указать на присутствие мотива мести женщины за гибель близких родственников в «Саге об Инглингах» и «Саге об Олаве Трюггвасоне» из «Круга Земного» Снорри Стурлусона. Этот мотив имеется в трёх повествованиях: о Скъяльв, убившую Агни за смерть отца; об Асе отомстившей Гудрёду за смерть отца; о Гудрун, пытавшейся отомстить конунгу Олаву за убийство отца [6]. Напомним, что в древнерусской традиции известны два случая мести женщин: месть княгини Ольги за мужа, Игоря, убитого древлянами; попытка Рогнеды отомстить Владимиру за отца и братьев.

В сагах также проявляется взгляд на сына как на члена рода матери, который может стать её заступником и мстителем за её родичей даже против собственного отца. В данном контексте выступление Изяслава на стороне матери следует также рассматривать как проявление силы кровнородственной связи по материнской линии, характерной для родового общества и сохранявшейся ещё долгое время [7, с. 214]. Мотив выступления сыновей на стороне матери против отца встречается в «Саге об Инглингах» в повествовании о Висбуре [6, с. 18]. Он бросает жену, и она уезжает с их сыновьями к своему отцу. Сыновья требуют от отца вернуть матери по праву принадлежащее ей вено. Висбур этого не делает, и сыновья сжигают

отца в его доме [8, с. 169]. Как видим, здесь также присутствует мотив отъезда матери с сыновьями к себе на родину.

Ещё одной уникальной параллелью предания о Рогволоде, Рогнеде и Владимире является один из сюжетов в «Саге об Олаве Трюггвасоне» из «Круга Земного» [6, с. 142]. Олав убивает одного из норвежских вождей. В знак примирения с родичами убитого он женится на его дочери, Гудрун. В первую брачную ночь Гудрун пытается зарезать спящего Олава, но он вовремя просыпается и забирает у неё нож. После конунг отправляется к своим мужам и рассказывает, что случилось. В итоге Гудрун забирает всё своё добро и уходит от Олава вместе со своими людьми. Таким образом, в данном повествовании есть три мотива, аналогичных летописной легенде: попытка мести жены мужу за убийство отца, совещание конунга со своими приближёнными, отъезд жены.

Сравнительный анализ древнескандинавских и древнерусских источников свидетельствует о том, Рогнеда была восстановлена в правах на отцовское наследство и вместе с Изяславом вступила в права владения своей родовой собственностью – Полоцким княжеством. Такое неожиданное решение киевского князя можно интерпретировать в контексте скандинавских правовых обычаев, которые были актуальны при дворе Владимира, поскольку в его окружении находилось много варягов, и сама Рогнеда была скандинавкой. В Скандинавии женщины, ближайшие родственницы по отцовской линии – дочь или сестра, в случае отсутствия прямых наследников мужского пола получали законное право наследовать одаль (др.-исл. óðal) – родовое земельное владение [9, с. 53–54]. При этом право конунга (др.-исл. konungr – «конунг, король, князь») на власть над страной рассматривалось как наследственное право одаля [10, с. 71–73].

Необходимо также учитывать, что для скандинавской и восточнославянской действительности X в. были характерны сильные родовые традиции. Они проявлялись в распространении кровной мести, которая была священной обязанностью члена рода. В древненорвежских законах существуют нормы, в соответствии с которыми: жена сама начинает тяжбу об убийстве мужа при отсутствии поблизости родственников мужского пола; женщина может в исключительной ситуации быть главной получательницей выкупа за убитого родича. В этой связи А.Я. Гуревич отмечал, что девушка получала и, соответственно, платила часть выкупа, если она являлась единственным ребенком своего отца и не была замужем, а у отца не имелось прямых наследников мужского пола [11]. Что касается древнерусских правовых норм, то следует заметить, что в так называемой Древнейшей Правде, первом письменном памятнике

права периода становления Древнерусского государства, в первой статье оговаривается возможность участия в кровной мести племянника убитого по женской линии [11]. Изяслав одновременно приходился внуком Рогволоду и сыном его убийцы, Владимира.

Таким образом, имеющиеся древнескандинавские и древнерусские нормы указывают на наличие правовой возможности участия Рогнеды и её сына в кровной мести за Рогволода. В соответствии с родовыми традициями, которых придерживалось скандинавское окружение Владимира, попытка мести Рогнеды за убийство отца была полностью оправдана. Справедливым возмещением за смерть Рогволода стало возвращение Рогнеде и её сыну прав обладания одалем (в древнерусской терминологии «отчиной») – Полоцком. Заметим, что особое отношение древнерусских князей к скандинавским жёнам прослеживается не только на примере Владимира и Рогнеды, но и в случае с их сыном Ярославом Мудрым и его супругой Ингигерд, дочь шведского конунга Олава Эйрикссона (995–1022 гг.). В качестве свадебного дара от Ярослава Ингигерд получила Ладогу и прилегающую к ней область [12, с. 196].

Вступление Изяслава в права владения наследством Рогволода означало, что сын Рогнеды и Владимира перешёл в род матери и тем самым он стал продолжателем рода Рогволода, благодаря чему в Полоцке уже в конце X в., раньше чем в других древнерусских политических центрах, оформилась своя княжеская династия Рогволодовичей-Изяславичей. Ещё при жизни Владимира власть в Полоцком княжестве передавалась только сыновьям Изяслава – сначала Всеславу, а затем Брячиславу. Имя родоначальника династии Рогволода прочно входит в антропонимикон полоцких князей (известны полоцкие князья Рогволод-Борис Всеславич, Рогволод-Василий Борисович). Таким образом, полоцкий княжеский род Рогволодовичей-Изяславичей обособился в отдельную ветвь и приобрёл особый статус в общерусской династии Рюриковичей.

В историографии (Е. А. Рыдзевская) уже давно были отмечены близкие параллели между легендой о Рогволоде, Рогнеде и Владимире и сюжетами, представленными в древнескандинавской литературной традиции [7, с. 209–210]. Российский исследователь С. М. Михеев недавно расширил данный список сюжетов. Пять параллелей можно найти в «Круге Земном» Снорри Стурлусона: четыре – в «Саге об Инглингах», одну – в «Саге об Олаве Трюггвасоне». Особое внимание С. М. Михеев уделил сюжетам о Хейдреке и Хлёве из «Саги о Хервёре» и «Песни о Хлёде» из Старшей Эдды, которые, по мнению автора, имеют наибольшее сходство с древнерусской легендой. Только в этих двух

произведениях сообщается о борьбе между братьями, упоминается воспитатель конунга, конунг называется «сыном рабыни» [8].

На наш взгляд, наиболее близкой параллелью всё же является повествование о Гудрёде и его жене Асе, которое содержится в «Саге об Инглингах» и в начале следующей саги «Круга Земного», «Саге о Хальвдане Чёрном» [6, с. 36–38]. Сюжет данного повествования следующий. Гудрёд, один из норвежских областных конунгов, сватается к Асе, дочери другого норвежского конунга. Получив отказ, Гудрёд идёт на него войной. В результате погибает отец Асы и её брат. Гудрёд берёт в жёны Асу и вскоре у них рождается сын. Два года спустя Аса подсылает убийцу и Гудрёд погибает. Аса уезжает с сыном на родину и правит во владениях своего отца.

Таким образом, в рассказе о Гудрёде и его жене Асе имеется восемь мотивов, встречающихся в легенде о Рогволоде, Рогнеде и Владимире : неудачное сватовство, победа, взятие города, гибель отца невесты, захват невесты, наличие детей, месть жены, отъезд жены и сына. Уникальным мотивом, которого нет в других источниках, является мотив неудачного сватовства.

Важнейшие указания на генеалогическую связь Рогволодовичей-Изяславичей со знатными норвежскими родами были выявлены нами в «Саге о Харальде Прекрасноволосом» из «Круга Земного», а также в «Саге о Хрольве Пешеходе». Обратим внимание на сообщение саг о Хрольве Пешеходе. Исследователи идентифицируют Хрольва с реальным историческим деятелем, предводителем викингов Ролло, который в 911 г. захватил земли в устье Сены и основал герцогство Нормандия [13, с. 276]. Для нас важно свидетельство «Саги о Харальде Прекрасноволосом» о том, что Хрольв совершал походы в «Восточные страны», под которыми, как известно, скандинавы подразумевали земли Восточной Европы. В «Саге о Хрольве Пешеходе» содержится подробная информация о военной деятельности Хрольва. Сага сообщает, что Хрольв совершил грабительский поход по реке Дюне (Западная Двина), а затем прибыл в Гардарики (Русь), где победил конунга Эйрека, женился на Ингигерд и стал там конунгом. Кроме того, в саге говорится, что Ингигерд была дочерью Хреггвида, конунга в Гардарики, подчинившего себе земли вдоль Дюны [13, с. 276–286]. Явно, что историческая основа саги размыта и её сюжет изобилует фольклорными и сказочными мотивами. Тем не менее, указание «Саги о Хрольве Пешеходе» на грабительские походы викингов по Западно-Двинскому пути вполне может быть достоверным. В саге также присутствует мотив противостояния двух конунгов, в результате которого конунг-агрессор (Эйрек) убивает местного

конунга (Хреггвид) захватывает его владение (Гарадарики) и дочь (Ингигерд). Очевидно, что подобный мотив лежит в основе летописной легенды о Рогволоде, Рогнеде и Владимире.

Проанализированные сведения саг являются уникальными и дают нам одно из оснований для выдвижения новой гипотезы о норвежском происхождении Рогволода и Туры – первых известных из исторических источников князьях на белорусских землях. В соответствии с «Сагой о Харальде Прекрасноволосом» из «Круга Земного» Хрольв Пешеход был сыном Рёгнвальда Эйстейнссона, ярла Мёра (Мёр – это историческая область в северной части Западной Норвегии, на побережье Атлантики). Рёгнвальд Эйстейнссон являлся ближайшим соратником Харальда Прекрасноволосого – первого норвежского конунга, объединившего под своей властью всю страну и правившего приблизительно с 863 г. по 930 г. В 892 г. Рёгнвальд Эйстейнссон был убит и Харальд Прекрасноволосый назначил ярлом Мёра его сына Турира Молчаливого. Саги свидетельствуют, что сыновья Рёгнвальда Эйстейнссона были хорошо знакомы с Подвиньем и использовали Западно-Двинский путь для осуществления грабительских походов в земли Прибалтики и Руси. Более того, нами выявлено, что только в роду ярлов Мёра встречается уникальное сочетание трёх имён, а именно *Рёгнвальд*, *Турир*, *Рагнхильд*, которые в их славянской интерпретации упоминаются в ПВЛ под 980 г. как *Рогволод*, *Туры*, *Рогнеда*. Имя *Рогволод* соответствует имени Рёгнвальда Эйстейнссона. Имя *Рогнеда* соответствует имени Рагнхильд, жены Рёгнвальда Эйстейнссона. Имя *Туры* соответствует имени Турира, сына Рёгнвальда Эйстейнссона. Таким образом, наиболее вероятной версией происхождения Рогволода и Туры является род норвежских ярлов из Мёра. Они могли являться внуками или правнуками Рёгнвальда Эйстейнссона. Более полное обоснование данной гипотезы представлено в нашей публикации [14].

Итак, схожие образы, мотивы и сюжеты в древнерусских и древнескандинавских текстах возникли в результате участия скандинавов в социокультурных и государствообразующих процессах в восточнославянском регионе. Близкие древнескандинавские параллели летописной легенды о Рогволоде, Рогнеде и Владимире указывают на особое положение Полоцкой княжеской династии Рогволодовичей-Изяславичей в скандинаво-славянских связях в IX–XIII вв.

Список использованных источников и литературы

1. Stender-Petersen A. Varangica. Aarhus : [s. n.], 1953. 262 p.
2. Pritsak O. The origin of Rus'. Cambridge : Harvard Univ. Press, 1981. Vol. 1 : Old scandinavian sources other than the sagas. 926 p.
3. Duczko W. Viking Rus : studies on the presence of Scandinavians in Eastern Europe. Leiden ; Boston : Brill, 2004. 289, [72] p.
4. Франклин С. Начало Руси, 750–1200 : перевод / С. Франклин, Д. Шепард ; под ред. Д.М. Буланина. СПб. : Д. Буланин, 2000. 669 с.
5. Полное собрание русских летописей / Акад. наук СССР, Ин-т истории. М. : Изд-во вост. лит., 1962. Т. 1 : Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по академическому списку / под ред. Е.Ф. Карского. Воспр. текста изд. 1926–1928 гг. VIII, 577 с.
6. Снорри Стурлусон. Круг Земной : перевод / Снорри Стурлусон ; изд. подгот. : А. Я. Гуревич [и др.] ; Акад. наук СССР. М. : Наука, 1980. 685 с.
7. Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. (материалы и исследования) / Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1978 г. М., 1978. 240 с.
8. Михеев С. М. Легенда о Владимире и Рогнеде и скандинавская традиция (к параллели с легендой о сыновьях Хейдрека) // Именослов : история языка, история культуры : сб. ст. / Рос. акад. наук, Отд-ние ист.-филол. наук ; отв. ред. Ф.Б. Успенский. СПб., 2010. С. 169–179.
9. Гуревич А. Я. Норвежское общество в раннее средневековье : проблемы социального строя и культуры. М. : Наука, 1977. – 337 с.
10. Гуревич А. Я. Избранные труды. Крестьянство средневековой Норвегии. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006. 367 с.
11. Никольский С. Л. О характере участия женщин в кровной мести (Скандинавия и Древняя Русь) // Ульфдалир [Электронный ресурс] : сканд. информ. центр. URL : <http://norse.ulver.com/articles/nikolsky/women.html>. (дата обращения : 09.05. 2014).
12. Кирпичников А. Н., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Русь и варяги (русско-скандинавские отношения домонгольского времени) // Славяне и скандинавы : сб. ст. : пер. с нем. / общ. ред. Е.А. Мельниковой. М., 1986. С. 189–297.
13. Древняя Русь в свете зарубежных источников : хрестоматия : в 5 т. / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории ; под ред. Т.Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой, А.В. Подосинова. М. : Рус. фонд содействия образованию и науке, 2009. Т. 5 : Древнескандинавские источники / сост. : Г. В. Глазырин, Т. Н. Джаксон, Е. А. Мельникова. 378 с.
14. Самонова М. Н. Рогьволодъ–Ragnvaldr : к вопросу о возможности идентификации // Полацк у гісторыі і культуры Еўропы : матэрыялы Міжнар. навук. канф., Полацк, 22–23 мая 2012 г. / НАН Беларусі, Ін-т гісторыі, Полац. дзярж. ун-т ; рэдкал. : А. А. Каваленя [і інш.] ; навук. рэд., уклад. В. М. Ляўко. Мінск, 2012. С. 72–78.

О. А. МАКУШНИКОВ

(УО «Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины»)

К ИСТОКАМ ГОМЕЛЯ

В статье обсуждаются основные спорные вопросы возникновения и ранней истории Гомеля, показаны основные особенности развития средневекового города и этапы его историко-археологического изучения. Искать истоки Гомеля как города возможно в третьей четверти I тыс. н. э. Вхождение Посожья в состав Руси дало толчок для поступательного развития Гомеля. XII – середина XIII вв. – время расцвета средневекового города.

Гомель (под названием Гомий) впервые упоминается в летописи под 1142 г. [1, стб. 312]. Отсюда – заявления : «Гомель основан в 1142 году», «С днем рождения, любимый город!». В них переплетаются неразумение и казенная традиция. А в летописи говорится, что во время усобиц смоленский князь Ростислав Мстиславич в пределах черниговских князей взял возле Гомия «волость их всю». Горели села, а крестьян гнали на Смоленщину... Вот такой «день рождения». Гомель не одинок в склонности к праздникам под сомнительными транспорантами. Недавно Лоев отметил свое «500-летие» со ссылкой на то, что он тогда был сожжен (!) перекопским ханом. Вернемся к летописной записи о Гомии. Нельзя поверить, что город вместе с аграрным районом-волостью был основан в одночасье в злополучном 1142-м. Обращение к письменной традиции призывает нас быть корректными в словах и фразах.

Скудость письменных сообщений (в XII в. Гомий упоминается всего 3 раза) не позволила составить должное представление о рождении города. На помощь истории пришла археология. Она позволила написать «земляную» летопись города. И напрасно иные ее не читают. Археологические исследования проводятся в Гомеле четверть века. В период «средневекового расцвета» (XII–XIII вв.) здесь было большое поселение с развитой экономической и культурной жизнью. Археология решительно «удревняет» дату рождения Гомеля, хотя и не называет ее с точностью до года и десятилетия. Каждый заинтересованный в поисках исторической истины понимает, что время появления первого поселения и время возникновения города – это разные явления. Если мы их смешаем, то

окажется, что Гомель не только намного древнее Москвы, но и египетских пирамид. Большинство старинных городов никем и никогда не основывалось. Даже летописец лукавил о том, что Москва была основана Долгоруким в 1147 г. : его крепость была заложена на месте поселения славян-вятичей. Почти всегда города вырастали из «негородских» поселений естественно–историческим путем. Исключения из правила есть там, где на «догородском» уровне не было сколь-нибудь интенсивной жизни (пример : основание городов США, где индейцы до европейцев не знали государственности). Что же касается определения возраста поселения как собственно городского, то археология предлагает несколько взглядов на проблему. Первый обращает внимание на то, что историю города нужно отсчитывать с того момента, когда данное поселение развивается на одном месте без заметных перерывов, по ряду признаков начинает выделяться из среды прочих, рядовых поселений (например, размерами, укреплениями, набором предметов материальной культуры и пр.). Если эту точку зрения признать верной, то Гомель может отмечать свое 1500-летие. Такую дату рождения, основанную, главным образом, на археологических, а не летописных материалах, успешно отпраздновал под эгидой ЮНЕСКО в 1980-х гг. Киев. Второй подход говорит о том, что «настоящий» город должен обладать набором определенных функций (в т. ч. указывающими на властвование этого поселения над округой), которые выполнялись городскими образованиями в период становления и развития государственности (административно-политическими, военно-оборонительными и пр.). Если ориентироваться на второй подход, то нашему городу археология должна отвести около тысячи лет. Археологи не могут предложить строго высчитанной даты очередного юбилея. Они предлагают задуматься над тем, с каким трепетом следует относиться к бесценным памятникам прошлого, которые помогут ближе подойти к пониманию перипетий нашей истории. Есть старинная традиция отмечать именины, которые обычно не совпадают с днем рождения. Если мы будем рассматривать первое появление «имени» нашего города в летописи как гомельские именины, то будем более корректны по отношению к нашей истории, современности и будущности. После масштабных строительных мероприятий Румянцевых многие гомельские древности безвозвратно исчезли. С одной стороны, в глубинке Северо-Западного края создавался образ культурно выдержанного европейского городка с великолепными каменными сооружениями, регулярной планировкой улиц, парком... Но вся новая красота, этот «прорыв» из «дремучего» средневековья в

«цивилизированную» Европу зиждился на сокрушении свидетельств наших истоков, «спавших» в толщах культурных слоев и ожидавших своих исследователей. И Румянцевых, и Паскевичей винить можно и нельзя. Это была сама логика Истории, которая зачастую предлагает строить новую культуру на сокрушенном прахе прежней.

Древности Гомеля мало интересовали исследователей прошлых столетий. «Первопроходец» гомельского краеведения Л. А. Виноградов на страницах заметного сочинения «Гомель. 1142 – 1900», изданного в 1900 г., сетовал на скудость исторических сообщений о первоначальном городе [2, с. 5-6]. Глазами археолога на Гомель впервые посмотрел Е. Р. Романов. Он показал место расположения старейшей части города [3, с. 14]. А лопата археолога впервые вонзилась в напластования старого города в середине 1920-х гг. И. Х. Ющенко проводит обследование у башни дворца Паскевичей и находит слой с черепками глиняной посуды [4]. Ученые не обратили большого внимания на эти изыскания, поскольку археологические открытия в разных уголках Беларуси (куда более громкие) следовали одно за другим. На многие годы интерес к ранней истории Гомеля угас. В 1975 г. несколько недель здесь работала археологическая экспедиция М. А. Ткачева. Он определил место расположения Гомия и указал, что город возник раньше своего первого летописного упоминания [5, с. 427].

С 1986 г. раскопки в Гомеле ведутся под руководством автора. Их организаторами выступали Гомельский областной краеведческий музей, Общество охраны памятников и Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины. Основными помощниками археологов были гомельские студенты-историки. Ученые стремятся выполнить исследования там, где культурные слои могут погибнуть под ковшом экскаватора. Одним из самых неожиданных было открытие, сделанное в 2001 г. – кость шерстистого носорога, вымершего примерно 15 тысяч лет назад. Кость обработана рукой человека. находка говорит: в центре Гомеля скрываются остатки одной из древнейших на землях Беларуси стоянки людей. В «Большом Гомеле» ученые зафиксировали места десятков поселений периодов каменного, бронзового и железного веков. В пределах Гомеля было несколько городищ железного века. Судьба этих памятников оказалась печальной. Безвозвратно погибли Волотовское и Прудковское городища. В плачевном состоянии пребывает широко известное ученым Любенское городище в ур. Шведская Гора. Как только ни «насиловали» этот памятник: в годы войны германцы прокопали здесь сотни метров окопов, а после войны, наши педагоги с учениками, выкопали полдесятка «огневых точек» для игры

«Зарница». Затем соседняя лодочная станция захватила половину площадки памятника и застроила ее. Окончательный печальный «приговор» памятнику подписывает планируемое ныне строительство многоэтажек. А ведь материалы исследований этого городища имеют международное значение.

В V в. н. э. полчища варваров сокрушают Западную Римскую империю и создают на ее обломках свои королевства. Европа вступает в эпоху средневековья. На исторической сцене появляются славяне. Восточноримской империи чудом удается избежать печальной участи Рима. Эхо перемен всколыхнуло весь европейский мир. Даже в тех землях, которые обойдены вниманием ранних авторов (Беларусь здесь не исключение), происходили смены культур, обычаев, наречий. Раскопки в Гомеле показали, что в V–VII вв. н. э. на месте, где сейчас возвышается дворец Румянцевых и Паскевичей существовало крупное поселение славян, состоявшее из городища, селищ и могильника. Раскопками открыты остатки жилищ, мастерских, погребение, собраны обломки керамической посуды, пряслица, ножи, тигли для плавки металла. Редкой находкой является славянское украшение раннего средневековья – пальчатая фибула. Гомельское поселение третьей четверти 1 тыс. н. э. заметно выделялось на фоне десятков небольших селищ. Можно предположить, что здесь был и экономический, и военный центр, и центр властвования [6, с. 13]. И здесь можно искать истоки Гомеля как города, хотя решение этой серьезной задачи требует новых открытий и многолетнего кропотливого труда ученых. На рубеже 1 и 2 тыс. н. э. в Посожье обитали славяне-радимичи [7, с. 11, 14]. Свое имя радимичи получили от предводителя Радима. Кем он был? Скорее всего, вождем такого уровня, которого западные хронисты титуловали по-латински «гех», то есть «король». А мы иногда воспринимаем нашего полумифического, но все-таки великого предка в образе «лодочника» с рысью. Замечу: двигаться с запада в лодке к Гомию он не мог никак, ибо Сож и Днепр текут с севера на юг, а рыси в лодках и вовсе не плавают, они – дикие кошки, сидящие на деревьях. И вновь мы (не тот талантливый художник, содавший образ «лодочника») почему-то приумалюем величие собственной истории. В 880-х гг. русско-варяжский князь Олег Вещий проводит политику объединения народов Восточной Европы вокруг Киева. Радимичи попадают в данническую зависимость от Руси. В 907 г. разноплеменное войско Олега осадило столицу Византии Константинополь. Ряды его армии составляли варяги, кривичи, словене новгородские и многие иные. Среди них были и радимичи – выходцы из окрестностей Гомиа. Получив огромный выкуп, «русь»

возвратилась в свои пределы. После смерти Олега (911/912 гг.) радимичи выходят из-под власти Киева. Но уже в 984 г. великий князь Владимир Святославич отправляет на радимичей свое войско под водительством воеводы Волчьего Хвоста. Битва произошла на речушке Песчане [7, с. 59]. Место знаменательного события вслед за российскими географами XVIII – начала XIX вв. обычно ищут в окрестностях современного Славгорода на Могилевщине. По мнению автора этих строк, битва состоялась на южных подступах к Гомию, на берегу речушки Песошеньки. Главным оплотом радимичского «сепаратизма» был Гомий. В радимичской земле завязывались феодальные отношения, местная знать жаждала власти. Но Киевская Русь была сильнее и не терпела «автономий». История распорядилась так, что вхождение Посожья в состав Руси дало толчок для его поступательного развития. В земле радимичей государство получило в распоряжение города Пропошеск (совр. Славгород), Чичерск, Гомий и многие села. В это время Гомий был высокоорганизованным поселением городского типа. XI столетие прошло для него под знаком стремительного роста территории и народонаселения. Под стенами городища разрастаются обширные посады. Город охватывает почти всю территорию современного парка и выходит за ее пределы. Почти везде, где лопата археолога тревожит земляные напластования исторического центра Гомеля, обнаруживаются остатки культуры «долетописного» периода. В XI в. политическое единство Руси начало трещать по швам. В это время земли Нижнего Посожья вместе с Гомием оказались надолго связанными с Черниговом. Второе известное нам летописное упоминание о Гомие датировано 1158/1159 г. Великий князь Изяслав Давидович ведет борьбу с Ярославом Галицким. Потерпев поражение, Изяслав (бывший князь черниговский) бежит в Гомий, где собирает дружину и продолжает борьбу за киевский стол. В 1164 г. после смерти князя Святослава Ольговича черниговский стол занял Святослав Всеволодович. Опережая конкурентов, он «посла сын свои в Гомии, а посадники посла по городом» [1, стб. 523]. Сообщение показывает, что Гомель был важным для Чернигова центром (если туда «садится» не чиновник, а княжеский отпрыск). Во второй половине XII в. Гомий не только пребывал в составе Черниговского княжества, но и, вероятно, стал столицей удельного княжества.

«Земляная летопись» дополнила письменные документы. На усадьбе Петропавловского собора была найдена свинцовая печать, которая ранее подвешивалась к государственному документу. Скреплять документы такой буллой могли князья и высшие церковные иерархи. Большинство известных печатей связаны с актами по

передаче (наделению, дарению и пр.) земельной собственности. Изучение печати показало, что она принадлежит черниговскому и великому киевскому князю Святославу Всеволодовичу. Вторая печать обнаружена в грунте, поднятом со дна Сожа земснарядом. На ней изображен воин-святой и оттиснута сокращенная греческая надпись. Эта печать принадлежит сыну знаменитого Мономаха – Мстиславу Владимировичу. Она датируется концом XI-го или рубежом XI–XII вв. Мстислав – последний правитель Руси, который пытался сохранить ее единство [6, с. 137–141].

XII – середина XIII вв. – время расцвета средневекового города. Его границы расширяются. В центре возвышается мощная крепость. В ней находится соборная церковь и дворец властвующих. К крепости примыкает сам город, населенный преимущественно ремесленниками и промысловиками. Его тоже окружают крепостные стены. А рядом разбросаны посады, населенные пришлым людом. Эту картину открыли раскопки. Почти весь город был деревянным, распланирован на улицы и дворы. На рядовых подворьях стоял одноэтажный срубный дом, хозяйственные помещения, часто – мастерская. Горожане не порывали с сельским хозяйством, держали скот и возделывали поля. Но ремесленные и торговые занятия были главными. При раскопках найден кирпич XII–XIII вв., который применялся в строительстве храмов. Вероятно, в Гомии было несколько каменных церквей. По поздним документам известны: соборный храм Святого Николая, церкви Рождества Пресвятой Богородицы, Троицкая и Спасская. В коллекции попали и обломки колоколов, и предметы личного христианского благочестия. Сопоставление косвенных письменных и прямых археологических свидетельств говорит: первые века вхождения Посожья в состав Руси прошли под знаком противостояния новой и старой вер. Но это противостояние привело к впитыванию православием тех древних поверий, которые не противоречили христианским. На местах древних капищ ставились храмы, возле почитаемых криниц возводились часовни и воздвигались кресты. В мастерских XII–XIII вв. археологи обнаружили свидетельства верований в Перуна-громовержца – каменные топоры и тесла. Но о культурной жизни города говорят и иные находки. При раскопках жилища, погибшего в пожаре XIII в., найдены остатки деревянного сосуда, где когда-то была вырезана благопожелательная надпись «Господи, помоги рабу своему Федору». Наши предки были грамотными. Они писали на навощенных церах, следуя античному обычаю, и на бересте. Ученые обнаружили при раскопках Гомеля серию металлических предметов для письма – стилей (писал).

Надписей практически нет (пергамен, дерево и кора не сохраняются), а инструменты – есть. Все – в руках Истории.

Напластования Гомеля насыщены предметами вооружения. Здесь есть наконечники стрел от лука, части защитного вооружения. Но даже самый прозорливый не мог предсказать открытия уникальной мастерской по сборке и ремонту вооружения. Она сгорела в первой половине XIII в., а тысячи предметов вооружения и воинского снаряжения многое рассказали ученым. Эта мастерская и по сей день остается неповторимым памятником европейского средневековья. В момент открытия (1987 г.) собрание найденных в ней деталей защитного вооружения превышало тысячу, а это было больше количества известных по всей Руси. Здесь работал опытный мастер, который собирал мечи, сабли, панцири, кольчуги, снаряжал защитные элементы рук и ног – поножи и наручи. Местные воины были вооружены по первому слову тогдашней техники, могли противостоять и степнякам, и западным рыцарям. Гомий подвергся разгрому в первой половине XIII ст. В жилищах и мастерских остались вещи, за которыми уже никто и никогда не пришел. В откосе оборонительного рва детинца найдены материальные свидетели кровавых событий, которые указывают на тех, кто разрушил цветущий город. Археологи подняли типичные для монголов наконечники стрел. Они, буквально торчащие из земли, указывают : город сражался и пал после ожесточенного штурма. Летописная история с печалью описывает события конца 1230-х – начала 1240-х гг., когда под ударами монголов пали Северо-Восточная и Южная Русь. В 1239 г. после осады и ожесточенного штурма монголы взяли Чернигов и превратили его в пепелище. До Гомия им оставалось не более ста километров... После погрома Гомий возрождался долго и мучительно.

Список использованных источников и литературы

1. Полное собрание русских летописей. М. : Изд-во вост. лит-ры, 1962. Т. II. 938 стб.
2. Виноградов Л. Гомель. Его прошлое и настоящее. 1142–1900. М. : Тип. Н. Н. Шарапова, 1900. 48 с.
3. Романов Е.Р. Археологический очерк Гомельского уезда // Записки Северо-западного отдела Русского Императорского Географического общества. Вильна, 1910. Кн. 1 33 с. (отд. оттиск).
4. Ющенко И.Х. Археологические раскопки в парке им. Луначарского // Полесская правда. 1926. 7 сентября.
5. Ткачев М.А. Работы в Белорусском Посожье // Археологические открытия 1975 года. М. : Наука, 1976. С. 427–428.

6. Макушников О.А. Гомельское Поднепровье в V – середине XIII вв. Социально-экономическое и этнокультурное развитие Гомель : УО ГГУ им. Ф.Скорины, 2009. 217 с.
7. Повесть временных лет // Под ред. В.П.Андриановой-Перетц. М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1950. Ч. I. 406 с.
УДК 930.85(476-21)«18/19»:903.2:069.51

О. Г. ЯЩЕНКО

(УО «Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины»)

МУЗЕЙНЫЕ ПРЕДМЕТЫ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

В статье представлена характеристика повседневной культуры горожан Беларуси в конце XIX – начале XX века. Автор описывает наиболее значимые группы музейных предметов, которые городские жители использовали в своих повседневных практиках, и анализирует их потенциал для реконструкции городского образа жизни.

История культуры горожан Беларуси на рубеже XIX – начала XX вв. обеспечена довольно широкой группой разнообразных источников, значимое место в их числе занимают вещественные памятники, находящиеся на хранении в музеях республики и отражающие ряд аспектов городского быта в прошлом.

Актуальность обращения к данному сюжету обусловлена недостаточной степенью систематизации и изученности предметной среды, характеризующей традиции повседневной жизни городских жителей различной этноконфессиональной и сословно-профессиональной принадлежности, также и некоторыми иными факторами. Увлеченность историков культуры письменными свидетельствами жизни городских жителей привела к необоснованному перемещению на второй план других материалов. До недавнего времени концепции музейных экспозиций за редким исключением не предусматривали воссоздания в целостном виде интерьеров городских домов досоветского периода, соответственно не выдвигался как самостоятельная задача сбор артефактов культуры, раскрывающих бытовую культуру мещан, купечества, дворянства. Хотя разрозненные группы вещей, связанных с повседневной и праздничной культурой горожан Беларуси, изредка

служили основой для организации отдельных выставок в рамках данной тематики или фрагментарно включались в экспозиции в качестве иллюстрации религиозной, образовательной или иной деятельности в городах, как отдельное направление в работе музейных учреждений городской быт не фигурировал. В конце XX века в музеях на постсоветском пространстве расширилась тематика и стали более разнообразными формы представления материалов, происходящих из городской бытовой среды рубежа прошлых столетий. Принципиальные изменения произошли в связи с открытием музеев города, а также созданием самостоятельных разделов в экспозициях, дающих посетителям представление о бытовой культуре горожан, в том числе столетие назад.

Целью данного исследования являлось выявление потенциала музейных предметов как источника для описания городского быта на Беларуси в конце XIX – начале XX вв. В данном случае были изучены фотодокументы, почтовые открытки и некоторые группы предметов материальной культуры. Наиболее яркие и показательные предметы воспроизведены на фотографиях, опубликованных во 2-м томе издания «Нарысы гісторыі культуры Беларусі» [1–3].

Материалом для анализа выступили различные коллекции из фондов ГИКУ «Гомельский дворцово-парковый ансамбль», Музея истории города Гомеля, Музея истории города Минска, Национального исторического музея Республики Беларусь и др. Наиболее многочисленные документы – это фото, сохранившиеся от истоков фотографии и показывающие панорамы городов, виды городских улиц и площадей, представляющие отдельные объекты – учреждения образования, банки, жилые и торговые здания, редко – бытовые сценки (горожане на отдыхе и пр.). Основную массу формируют индивидуальные и групповые фотопортреты самих городских жителей, выполненные в павильонах. Информативные возможности этих источников достаточно широкие. Они имеют известную легенду, непосредственно сопровождаются информационными надписями, позволяющими уточнить конкретные данные о портретируемых – члены одного из городских обществ, конкретная семья и имена запечатленных. Подписи на обороте также в ряде случаев повествуют о бытовых эпизодах и семейных отношениях. Большинство фотографий имеет хорошее качество, поскольку были сделаны в условиях специально оборудованных павильонов, вместе с тем отдельные из них нуждаются в реставрации. Однако очевидны недостатки, так, по ряду экземпляров не может быть точно установлено время съемки, город, если отсутствуют реквизиты фотоателье и подписи, сдатчики не всегда могут точно

назвать имена и род занятий членов семей, возраст и пр., воспроизвести относящуюся к фотопортретам часть семейной истории. Но, несмотря на эти обстоятельства, даже при наличии усеченных сведений, фотопортреты позволяют судить об антропологических типах, городском костюме (парадном гарнитуре, детской, женской, форменной одежде, аксессуарах), сословных и профессиональных группах (железнодорожники, священнослужители, учащиеся и пр.), в целом содействовать воспроизведению обобщенного портрета городских обитателей.

Фотографии, изображающие виды городов, полезны как источник данных о городском пространстве и атмосфере городской жизни. В некоторых случаях в объектив фотографа попадали случайные прохожие, транспортные средства, как фон – здания торгово-промышленных заведений, объекты бытового обслуживания, фрагменты зеленых зон. Имеют значение надписи на сфотографированных вывесках и собственно реклама той эпохи. Такие фото иллюстрируют темпы и направленность развития городского образа жизни, ценны для описания тех кварталов и городских местностей, которые не были описаны на страницах историко-краеведческой литературы, а на сегодняшний день утрачены в связи с историческими перипетиями или современной застройкой городов. Особенно значимы немногочисленные фото городских окраин и локальные виды, которые реже становились объектом фотографирования.

Весьма любопытны и значимы для раскрытия городского быта почтовые открытки, которые широко фигурируют среди музейных предметов. Не только их титульная сторона дает представление о праздничной культуре и иногда воспроизводит виды городов разных регионов, но и подписи адресатам служат отдельным объектом для анализа. Поздравления, лаконичные описания частной жизни, личных отношений, эмоции по поводу разных событий расширяют знания о культуре городского социума и помогают зафиксировать такие показатели как география контактов, мобильность горожан, их отношение к тем или иным явлениям в быту и обществе, что гораздо реже запечатлевалось в других видах источников.

Коллекции книг и журналов также находятся на хранении в музейных собраниях. Некоторые из них экспонируются постоянно. Количество подобных изданий варьируется в разных музейных учреждениях, но практически в большинстве из них имеются разрозненные номера периодических изданий для научно-познавательного и детского чтения, журналы мод. Часто встречаются кулинарные книги и художественная литература, нотные сборники,

отдельные тома энциклопедий, особая группа книг – опубликованные религиозные тексты, причем относящиеся к разным вероисповеданиям. Для понимания городской культуры важны как духовно-нравственные ориентиры жителей, учитывая поликонфессиональность городских поселений белорусских губерний, так уровень и направленность образовательных процессов, книга и чтение как составляющие досуга. В то же время по ряду сохранившихся книжных материалов и ремарках читателей на полях в таких изданиях можно делать обоснованные выводы о практическом применении разнообразных публиковавшихся рецептов и советов по ведению домашнего хозяйства в повседневной жизни. Состояние книг и журналов в ряде случаев говорит также о степени востребованности этих изданий горожанами, некоторые из них или их главы «зачитаны», в других страницы, вероятно, перелистывались редко. Сохранность книг и журналов, пометки в них позволяет судить о запросах горожан, престижности тех или иных явлений в городском быту.

О благоустройстве и эстетике городского жилья в музейных собраниях свидетельствуют фрагменты деревянной резьбы–ставни, карнизы, а также изделия из металла – дверные ручки, накладки и пр. Сохранились отдельные предметы, связанные с оборудованием информации о доме – номера и старые названия улц. Большой интерес для оценки городского комфорта имеют предметы (или их фрагменты, декоративные детали) освещения, отопления, связи. Хотя и в малом количестве дошли до современника телефонные аппараты, тумбы для афиш, фонари и пр. Единичны примеры сохранившихся транспортных средств, например, в Музее истории города Минска, они, как правило, прошли реставрацию.

Дополнительную информацию о занятиях горожан, кроме имеющейся в письменных источниках, несут инструменты и оборудование, которые применялись как профессионально, так и в домашнем быту. Здесь уместно назвать гири для взвешивания, различные инструменты для измерения, набор портного и др., при этом использование швейных машин фирм «Zinger», «Naumann» очень распространено в воспроизведении бытового уклада в музейных экспозициях. Примером может служить подборка швейных машин и ее специальный показ в экспозиции Музея истории города Гомеля.

Интерьеры домов горожан включали предметы мебели, которые в том или ином количестве вошли во все современные музейные собрания. Горки, стулья и столы столовые, письменные, карточные, декоративные и пр., комоды, платяные и книжные шкафы, этажерки, кровати, диваны и другие изделия фигурируют как в комплектах, так и в виде разрозненных предметов. Оптимальная форма демонстрации

этих вещей в музеях – в воссозданных интерьерах столовых, кабинетов, спален, гостиных, в сопровождении ряда других вещественных, письменных, изобразительных памятников прошлого. Такие примеры сочетания удачны в Музее истории города Минска и Музее истории города Гомеля, которые уместно размещаются в городских особняках соответствующих исторических периодов. Показ мебели, выполненной в определенных стилях, представленной в гарнитурах, позволяет полно и объективно выявить характер источника и максимально реалистично отразить особенности образа жизни тех или иных имущественных и социальных групп горожан.

Содержательны как источник по истории городской культуры разнообразные аксессуары, включавшиеся в интерьеры домов мещан и других городских сословий не только в связи с необходимостью их использования в быту, но и для украшения. В музейных собраниях присутствуют многочисленные вазы и вазоны, декоративные статуэтки, великолепно оформленные канцелярские принадлежности, декоративные зеркала и рамки для картин и фотографий, выставлять и развешивать которые вошло в моду. Значим потенциал коллекций часов, живописных и скульптурных изображений, подсвечников с золочением и серебрением, дорогих сервизов. Эти группы предметов часто имели богатое оформление, создавались в соответствии с господствовавшими стилистическими направлениями (например, модерн) и указывали на высокие эстетические запросы хозяев городских домов.

Домашняя утварь горожан – посуда для приготовления пищи и столовая, для ежедневного использования, утюги и дешевые подсвечники, простые наборы столовых принадлежностей, вешалки для одежды, подставки, подносы и другие относятся к разным музейным коллекциям (по материалу, технике и т.д.), но в совокупности тематически позволяют воссоздать домашний уклад горожан. К ним же можно отнести встречающиеся банки и коробки, упаковки продуктов (например, по причине своей красочности чаще сохранились емкости и обертки конфет), стеклянная посуда для напитков (бутылки разной формы), обертки и упаковку папирос и т.п. Хотя посуда многочисленна, эти предметы (стаканы, тарелки, подстаканники, чашки, блюда) в подавляющем большинстве имеют сколы, значительные потертости, трещины и прочие дефекты, однако одновременно именно они часто снабжены клеймами и другими знаками, которые позволяют их достаточно правильно идентифицировать. Сохранились и полезны в информационном плане аптечки и аптечная посуда.

Коллекции тканей в силу плохой сохранности, как правило, малочисленны, среди них преобладают салфетки, скатерти, покрывала, реже – предметы одежды, головных уборов и обуви. Последние, находясь в постоянной носке, сильно деформировались, портились и, в конце концов, утилизировались горожанами, поэтому такие коллекции включают единичные вещи, часто со следами ремонта, переделки, при низком качестве сохранности. Костюмы горожан в музеях чаще представлены реконструкциями, поэтому их использование для исследования колорита конкретной исторической эпохи ограничены либо невозможны. Более подходящими для этой цели следует признать разные украшения и аксессуары – пуговицы, фрагменты кружева, медальоны, флаконы духов, цепочки и карманные часы, ювелирные изделия, монокли, дамские сумочки, зонтики, трости (например, разнообразная подборка имеется в ГИКУ «Гомельский дворцово-парковый ансамбль»). Они также относятся к разным коллекциям, но будучи связаны общей тематикой, могут и уже широко задействованы в показе городского быта в разных музейных экспозициях.

Особую группу музейных предметов, происходящих из городской среды кануна Первой мировой войны, составляют музыкальные инструменты и технические приспособления для воспроизведения музыкальных произведений. Они, как правило, всегда показываются в экспозициях, и в качестве единичных экспонатов и будучи сформированные в тематические группы. Пианино, рояли, скрипки, флейты и гитары, а также пианолы, граммофоны и другие подобные вещи типичны для экспозиций городского быта, в том или ином наборе демонстрируются повсеместно и заметно оживляют изображение картины городской культуры. Эффектно выставлены напоказ группы музыкальных инструментов в экспозиции городского быта в Национальном историческом музее Республики Беларусь. Они имеют достаточно точные сведения о фирмах изготовителях, хорошую сохранность, видовое разнообразие.

Религиозная жизнь горожан широко отражена в предметах религиозного культа, которые хотя бы в малом числе (иконы, кресты и пр.), но имеются в большинстве музеев. Некоторые предметы, использовавшиеся для осуществления обрядов представителями православия, католицизма, иудаизма и др. конфессий, имеют известную историю, происходят из конкретных городских семей и обладают достаточно развернутой информационной базой.

Степень достоверности вещей, связанных с городским бытом в белорусских губерниях Российской империи в конце XIX – начале

XX вв. и представленных в музейных собраниях, определяется в достаточной мере не только благодаря реальным датировкам на самих предметах, клеймам, указаниям владельцев и их потомков, но также благодаря возможности их сравнения с фотографиями или рисуночными изображениями той эпохи, описаниями в письменных источниках.

Процессы унификации, затронувшие городскую культуру, привели к подобию или абсолютно точному воспроизведению, штамповке в массовом порядке различных видов вещей, применению одинаковых технологий, что позволяет верно определять время, место, материал, технику выполнения предмета, его функциональное назначение, название и пр. Многие вещи, созданные накануне Первой мировой войны, были дешевы и просты в изготовлении, удобны в эксплуатации и использовались еще длительное время в домах горожан, оказавшись востребованными впоследствии в советскую эпоху. Некоторые исследованные предметы принадлежат к уникальным, например, коллекции дорогих часов и фарфора и др., в большей степени они характеризуют быт социальной элиты, который в целом более полно и разнопланово воспроизводится по фотоматериалам, артефактам материальной культуры.

Вместе с тем следует отметить, что степень сохранности отдельных вещественных памятников, раскрывающих страницы городского быта, низкая и требует реставрации. Это относится к бытовой утвари, посуде, одежде и пр. вещам повседневного использования. Они подлежали постоянной эксплуатации, неоднократно ремонтировались, переделывались и, как следствие, утратили свою целостность, некоторые их компоненты были созданы позднее первоначальных элементов (например, хронологически могут различаться корпус часов и их механизм, детали платья и его отделка и пр.), что требует осторожного и внимательного подхода к научной интерпретации таких предметов.

Таким образом, коллекции музейных предметов, отражающие культурно-бытовые процессы в городской среде белорусских губерний Российской империи конца XIX – начала XX в., имеют большое значение для решения важной научной задачи – реконструкции городского образа жизни и его особенностей в определенных половозрастных, этноконфессиональных и сословно-профессиональных срезах. Они позволяют сделать экспозиции и выставки, показывающие данную эпоху, более близкими исторической действительности, а значит, приблизить историю к современному человеку, а также сделать показы разных сторон городской культуры более аттрактивными для посетителя. В научном смысле предметы

городского быта – актуальные источники, содержательные возможности которых очень велики, а разнообразие и многочисленность важны для подтверждения ряда научных выводов. Сегодня в практике музейной работы потенциал музейных предметов как источников по истории городского быта Беларуси рубежа XIX–XX вв. усиливается благодаря возможности создания на их основе соответствующих муляжей и копий, которые также будут содействовать популяризации культурного наследия Беларуси.

Список использованных источников и литературы

1. Яшчанка А. Р. Побыт гараджан Беларусі ў канцы XIX – пачатку XX ст. // Нарысы гісторыі культуры Беларусі. Т. 2. Культура гарадоў X – пачатку XX ст. / НАН Беларусі, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя К. Крапівы; А.І. Лакотка, В.Г. Дранкевіч В.Г., В.М. Бялявіна [і інш.]; А.І. Лакотка (гал. рэд.). Мінск : Бел. навука, 2014. С. 152–205.
2. Яшчанка А. Р. Добраўпарадкаванне і сфера паслуг ў канцы XIX – пачатку XX ст. // Нарысы гісторыі культуры Беларусі. Т. 2. Культура гарадоў X–пачатку XX ст. / НАН Беларусі, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя К. Крапівы; А.І. Лакотка, В.Г. Дранкевіч В.Г., В.М. Бялявіна [і інш.]; А.І. Лакотка (гал. рэд.). Мінск : Бел. навука, 2014. С. 206–235.
3. Яшчанка А. Р. Адукацыя ў гарадах Беларусі ў XIX – пачатку XX ст. / А.Р. Яшчанка // Нарысы гісторыі культуры Беларусі. Т. 2. Культура гарадоў X – пачатку XX ст. / НАН Беларусі, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя К. Крапівы; А.І. Лакотка, В. Г. Дранкевіч В. Г., В.М. Бялявіна [і інш.]; А.І. Лакотка (гал. рэд.). Мінск : Бел. навука, 2014. С. 292–319.

УДК 94 (476.25) «18/19»

С. А. ЮРИС, И. А. ГРИЩЕНКО

(УО «Гомельский государственный
технический университет им. П. О. Сухого»)

ГОМЕЛЬСКОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ БРАТСТВО : СОЗДАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ

В статье изложена история учреждения, организационные принципы, основные направления деятельности Гомельского православного братства на рубеже XIX–XX вв. Проанализированы

причины возрождения братского движения в Российской империи, проблемы, с которыми столкнулись братства в своей деятельности.

В связи с отменой в России крепостного права, проведением правительством либеральных реформ, всплеском социальной активности населения, возобновилась деятельность православных братств. В конце XIX в. быстро ломались сословные границы, духовенство перестало быть «запуганным сословием» и выступило с инициативой ряда духовно-социальных проектов. В обществе выдвигаются идеи земства (местного самоуправления), привлечения к активной социальной работе представителей разных сословий, что было созвучно основам братского движения. И все же инициатором возрождения братств стало российское правительство. В 1864 г. вышло Высочайшее постановление о возрождении деятельности православных братств. В «Минских губернских ведомостях» от 24 июля 1864 г. был опубликован указ Правительствующего Сената «О правилах для учреждения Православных церковных братств», в котором оговаривались цели и порядок учреждения братств: «Православными церковными братствами именуются общества, составляющиеся из православных лиц разного звания и составляющиеся для служения нуждам и пользам Православной церкви, для противодействия посягательствам на ее права со стороны иноверцев и раскольников, для созидания и украшения православных храмов, для дел христианской благотворительности и для распространения и утверждения духовного просвещения». Братства учреждались при церквях и монастырях с благословения и утверждения епархиального архиерея [1, л. 59 об, 63]. Синодом для изучения исторического опыта деятельности братств было предложено распространить по епархиям записку, составленную по книгам священника Иоанна Флерова «О православных церковных братствах, противоборствовавших унии в Юго-Западной России в XVI, XVII и XVIII столетиях» (1857 г.) и М. Кояловича «Чтения о церковных Западно-русских братствах» (1862 г.) [1, л. 180–187]. Кроме этого, предписывалось ознакомиться с брошюрой «Виленское Свято-Троицкое, впоследствии Свято-Духовское братство» (1876 г.) для ознакомления существующих братств Минской епархии с историей старейшего братства Северо-западного края [2, л. 3].

6 января 1883 г. в Могилеве было восстановлено православное Богоявленское братство. Братчики Могилева подчеркивали преемственность традиций нового братства, с существовавшим с начала XVIII в. до 1828 г. братством, имевшим такое же название. «Подобно древнейшим братствам Львовскому, Виленскому и

Киевскому, древнее Богоявленское братство было оплотом православия и русской народности против всяких приращений иноверия и иноплеменности. Цель восстановленного братства заключается в распространении грамотности и духовного просвещения и в необходимости вспомоществования крайне нуждающимся» [3, л. 82]. Устав братства был напечатан в 4-м номере Могилевских епархиальных ведомостей за 1886 г.

Практическая работа по созданию отделения Могилевского Богоявленского братства в г. Гомеле началась в конце 1896 г. Решение о его открытии было принято Советом Могилевского Богоявленского братства 24 ноября 1896 г. [4, с. 379]. Его Преосвященство Мисаил епископ Могилевский обратился к пожизненному члену Могилевского церковного братства князю Ф. И. Паскевичу с предложением возглавить будущее отделение. Князь Паскевич предложение отклонил, указав, что в Гомеле уже существуют на средства населения два общества вспомоществования бедным. По мнению князя, местное население не богато, а католики и евреи, основные категории более богатых граждан, не могут быть членами по уставу и исключаются из предполагаемого братства. Своими же силами, по мнению князя, православные не в состоянии обеспечить деятельность братства [5, л. 10, 10 об.]. Действительно, в Гомеле существовали «Христианское общество пособия бедным» и «Общество вспомоществования учащимся». Первое из них было создано в 1897 г., в том же, на который планировалось и открытие отделения братства. Бюджет общества составлял 5 тысяч рублей в год, общество содержало приют (около 30 детей) и школу. Содержание приюта обходилось до 4 тысяч рублей в год. На основании того, что в 1911 г. княгиня И. И. Паскевич подарила приюту каменный двухэтажный дом на Госпитальной улице можно сделать вывод, что семья Паскевичей была основным покровителем общества. «Общество вспомоществования учащимся» было создано еще ранее, 3 октября 1878 г. Средства общества также состояли в основном из пожертвований княгини И. И. Паскевич [6, с. 58, 59]. Поэтому председательствование и создание отделения братства представлялось князю Ф. И. Паскевичу излишним.

Тем не менее, епископ Мисаил и Совет Могилевского Богоявленского братства не отказались от подготовки к созданию отделения. В январе 1897 г. по просьбе гомельского городского благочинного протоиерея Григория Петрашени в Гомель было выслано 100 экземпляров устава Могилевского братства, которые были розданы почетнейшим прихожанам г. Гомеля, клиру городских церквей для ознакомления с идеями братского движения и выработки устава отделения [5, л. 9].

14 февраля 1897 г. в зале городской управы Гомеля собралось первое организационное собрание по подготовке к созданию отделения братства. В ходе обсуждения многие из братчиков выразили желание, чтобы в Гомеле было открыто не отделение Могилевского Богоявленского братства, а самостоятельное Петропавловское братство в ознаменование коронации императора Николая II и императрицы Александры Федоровны [5, л. 12 об.]. Проект устава Гомельского отделения Могилевского церковно-православного братства был разработан к июню 1897 г. Тогда же на общем собрании братчиков определен состав управления братства, в который вошли княгиня И. И. Паскевич, директор Гомельской мужской гимназии и управляющий женской гимназии В. В. Роменский, протоиерей Григорий Петрашняя, священник Александр Грицкевич, предводитель дворянства, городской голова А. Б. Станевич, начальник железнодорожных мастерских ст. Гомель П. Е. Егоров, генерал-майор А. А. Никитин. Было избрано 7 кандидатов в члены управления: священник Алексей Елеонский, Т. С. Тернавский, А. М. Мельников, священник Иоанн Мамонтов, С. С. Уклонский, священник Феодор Страдомский, М. А. Климов.

Первое заседание избранного управления состоялось 14 июня 1897 г. и на нем были распределены обязанности между членами управления. Председателем управления стал протоиерей Григорий Петрашняя, его помощником П. Е. Егоров, казначеем – А. Б. Станевич, делопроизводителем – священник Александр Грицкевич [5, л. 23–24 об.].

Торжественное открытие Гомельского отделения Могилевского Богоявленского братства состоялось 19 октября 1897 г. в ознаменование коронации императора Николая II и императрицы Александры Федоровны в зале городской управы. Молебен был совершен председателем управления братства протоиереем Григорием Петрашнем. Программную речь об истории братского движения, основах деятельности и задачах братства произнес священник Александр Грицкевич [5, л. 33 об.].

Устав Гомельского отделения Могилевского Богоявленского братства был утвержден 27 сентября 1897 г. епископом Могилевским и Мстиславским Мисаилом. Исходя из духовно-просветительской и благотворительной цели были установлены и задачи отделения: а) учреждение и благоустройство библиотек в г. Гомеле и уезде с бесплатной читальней для народа; б) устройство и организация приюта – церковно-приходской школы с ремесленным отделением для детей, по преимуществу раскольников и других сектантов; в) устройство хоров при церквях уезда; г) открытие в Гомеле складов книг, брошюр

и листов, икон, крестиков и других предметов религиозно-исторического характера, для продажи их по возможно дешевым ценам и для безвозмездной раздачи неимущим. Братство считало одним из важнейших направлений своей деятельности миссионерство и помощь сиротам, обращающимся из раскола и иных вер к православной церкви [7, с. 248].

Средства Гомельского отделения состояли из следующих статей дохода: процентов с неприкосновенного капитала; пожертвований вносимых членами братства и собираемых по подписным листам; доходов от продажи книг, брошюр, икон, картин и листов. Поступающие средства образовывали капитал братства, который делился на два вида. Текущий – на расходы и неприкосновенный, жертвуемый с целью неприкосновенности, но уставом разрешалось расходовать проценты с неприкосновенного капитала. Капитал вносился для хранения и приращения процентами в государственный банк или казначейство.

Параграфы 6–10 устава братства определяли состав отделения. Указывалось, что братство состоит из лиц обоего пола, принадлежащих к православному вероисповеданию. Все члены братства образовывали несколько разрядов. Для того, чтобы быть действительным членом нужно было ежегодно вносить в кассу братства пожертвование не менее 1 рубля (единовременно или частями), либо внести такую сумму, проценты дохода от которой составляли бы не менее рубля в год. Денежные пожертвования могли быть заменены книгами, школьными принадлежностями и другими полезными вещами, но при этом вещевое пожертвование также должно было быть значительного размера. Лица, вносившие пожертвования деньгами или вещами на сумму менее рубля в год, составляли разряд членов-соревнователей. Внесшие единовременно сумму не менее 50 рублей становились пожизненными членами братства. Лица, оказавшие особые услуги братскому отделению своими трудами, нравственным влиянием или другим способом, решением общего собрания удостоивались звания почетных членов отделения братства. § 6 имел примечания о том, что отделение братства может принимать пожертвования и от лиц инославного вероисповедания, в таком случае последние могут стать членами-соревнователями отделения.

Заседания управления должны были проходить один раз в три месяца или в случае необходимости чаще. Они правомочны, если присутствует председатель или его помощник, делопроизводитель и три члена управления. Решение управления принимается большинством голосов, причем голос председателя, или в его

отсутствие, помощника, при равенстве голосов, имеет перевес. Также в работе управления могут присутствовать почетные члены отделения, и они имеют право голоса при решении дел. Постановления управления заносятся в книгу протоколов. Управление отделения определяет порядок делопроизводства, ведет приходно-расходные книги, расходует средства согласно целям братства и заботится о пополнении средств.

Общие собрания членов отделения бывают годовые и экстренные. Обычное общее собрание проводится один раз в год, по воскресеньям, не позже февраля. Повестка собрания должна заранее сообщаться членам братства. Председательствует на собрании председатель управления. Общее собрание признается состоявшимся, если в нем участвовало не менее 15 членов имеющих право голоса и проживающих в Гомеле. Если необходимый кворум не был собран, последующее собрание решает вопросы голосами собравшихся. Право решающего голоса на общих собраниях имели почетные, пожизненные и действительные члены, члены-соревнователи обладали совещательным голосом. Собрание принимало решение большинством голосов. При равенстве голосов принималось то решение, которое поддерживал председатель управления. К компетенции общего собрания относилось : рассмотрение годового отчета и деятельности членов отделения, избрание почетных членов, членов управления, кандидатов в члены управления, членов ревизионной комиссии, утверждение сметы расходов. Экстренное собрание объявлялось состоявшимся, когда в нем принимало участие не менее 15 членов братства, помимо членов управления. Если не собралось указанное количества, то следующее экстренное собрание также принимает решение голосами присутствовавших членов.

Общие собрания утверждали также представителей Гомельского отделения братства для участия в работе съездов братств Северо-Западного края. Так, в работе съезда 1909 г., состоявшегося в Вильне, приняли участие гомельчане священник Ф. Жудро, А. В. Билев и А. Н. Вобортихин [8 л. 2–2 об., 3].

Изменения и дополнения устава могли вноситься с одобрения Совета Могилевского Богоявленского братства и утверждения епархиального архиерея. Далеко не все ходатайства принимались. Так в мае 1898 г. не было внесено изменение § 6 устава отделения братства о допуске старообрядцев в члены братства с правом решающего голоса [9, л. 36 об., 37].

Решения о важнейших мероприятиях братства, которые приводили к расширению направлений его деятельности, также рассматривались общим собранием братства. Примером может

служить собрание от 17 мая 1898 г., об открытии одноклассной церковно-приходской школы, в которой вместе с православными могли бы учиться и дети старообрядцев [9, л. 36 об.]. Постановлением общего собрания 11 февраля 1903 г. было принято решение об открытии в Гомельском уезде иконной торговли [10, с. 85].

Общее собрание утверждало временные комиссии, образуемые для воплощения какого-либо конкретного проекта. Комиссии создавались для изучения финансовой обеспеченности проекта, для взаимодействия с государственными ведомствами, как это было сделано решением общего собрания 30 января 1900 г. для осмотра казенных земель в г. Гомеле и подыскания площадки под строительство школы-приюта [11, с. 110–117].

По сути можно выделить четыре основных направления в деятельности Гомельского православного братства: благотворительность, миссионерство, светское и духовное образование, церковно-устроительная деятельность (то есть строительство своего храма и забота о уже существующих культовых зданиях, о наполнении приходской жизни). Каждое из этих направлений занимало разное место в деятельности братства в зависимости от времени, внешних условий, задач, которые на данном этапе братчики выдвигали перед собой. 1897–1905 гг. – время становления братской организации, наработки традиций, форм и методов работы с населением. В это время активно создавались библиотеки-читальни, библиотеки-витрины, книжный склад, формировались библиотечные фонды, бесплатно распространялись книги, брошюры, листки духовно-нравственного содержания. Для выполнения миссионерской деятельности проводились внебогослужебные чтения. С 1898 г. открываются бесплатные библиотеки-читальни в Гомеле, Белице, Глыбоцком, Бобовичах, Поколюбичах [12, с. 129]. В 1900 г. начала работу библиотека-читальня при гомельской тюремной Александро-Невской церкви [13, с. 80–87]. Помимо церковно-религиозной литературы, в библиотеках имелись книги исторического содержания, брошюры по земледелию, гигиене. В населенных пунктах, в которых были приверженцы старообрядчества либо протестантских деноминаций (Уть, Иваки, Ветка) библиотеки усилили компонент миссионерской литературы. Библиотеки отделения братства активно посещались населением. К примеру, в чайной с. Глыбоцкого в течение года с августа 1898 г. было взято 350 книг для чтения на дому. В местечке Хальч библиотека для бесплатного чтения, открытая 6 ноября 1899 г., населением была принята с большим сочувствием. Из библиотечной записи о выдаче книг установлено, что было выдано 220 книг.

Массовое чтение книг в библиотеке-читальне отделения наблюдалось также во второй чайной Гомеля, где количество читающих, по заявлению заведующего библиотекой г-на Курошко, было так велико, что вести их учет было трудно. Из донесений заведующих библиотеками-читальнями отделения также видно, что население интересовалось книгами не только религиозного содержания (Хальч, Глыбоцкое, Уть, Гомель), а в иных преимущественно были востребованы книги религиозно-нравственной тематики (Бобовичи) [11, с. 111]. Всего с начала своей деятельности до 1901 г. Гомельское братское отделение открыло 14 библиотек-читален (включая 2 уличные), общий книжный фонд их составлял 3 690 книг различного содержания [13, с. 81]. Помимо создания библиотек-читален Гомельское отделение братства занималось бесплатным распространением литературы. Книги использовались и как способ вознаграждения за исполнение поручений братства, за активное участие в жизни приходов. Отделение братства в 1899 г. выдало 158 экземпляров Нового Завета в награду лучшим чтецам во всех приходах уезда, согласно представлениям приходских священников. За безвозмездную работу и усердное отношение к делу заведывания библиотеками-читальнями отделения награждены книгой Нового Завета сиделец в чайной (второй) г. Гомеля г-н Курошко и сиделец Белицкой чайной г-жа Владычанская. Заведующий книжной торговлей отделения в часовне Петро-Павловского собора В. А. Шевелев, несущий обязанности приёма, выдачи, сортировки и продажи книг, награждён Библией [11, с. 113].

Забываясь о религиозно-нравственном воспитании народа отделение братства с разрешения Преосвященного Мисаила открыло в 1900 г. внебогослужебные чтения по воскресным и праздничным дням в Петро-Павловском соборе и Троицкой церкви Гомеля поочередно. Всех чтений в 1900 г. было 17. Перед чтениями обычно совершались торжественные вечерни при пении хоров означенных церквей. Велись чтения местным духовенством и живущими в Гомеле лицами, получившими богословское образование, по программе, утвержденной епископом. На чтения собиралось от 300 до 500 человек [13, с. 80-87].

С 1901 г. численность братчиков резко идет на спад. Если в 1900 г. братство объединяло в своих рядах 472 человека, то в 1901 г. уже 253, в 1902 – 228, в 1903 – 212, в 1904 – 143, а в 1913 – только 36 человек [14, л. 10; 11, с. 110–117; 13, с. 110; 15, с. 106; 16, с. 41; 17, с. 61; 8, с. 67; 19, с. 2]. Спад в деятельности отделения, особенно в 1905–1909 гг. был вызван, прежде всего, внешними факторами. События первой русской революции, принятие закона о веротерпимости привели к необходимости поиска новых форм и нового содержания работы всех

братств. Социалистические идеи приобрели популярность и в среде духовенства. Братства, в том числе и Гомельское отделение, стали организовывать публичные чтения, рассчитанные на широкий круг слушателей, особенно на интеллигенцию и учащуюся молодежь. На более высокий уровень вышла благодаря богословским публичным чтениям миссионерская работа. Первые чтения в Гомеле состоялись 20 января 1914 г. Инициативу проявил командир 160-го пехотного Абхазского полка полковник Н. Д. Ливенцев, который от имени общества офицеров пригласил Преосвященного Варлаама повторить для гомельской публики, прочитанную владыкой в Могилеве, лекцию о христианском воспитании детей. О значимости этого события говорит тот факт, что все билеты были проданы, а зал заседания не вместил всех желающих. Средства, вырученные с продажи билетов, пошли в фонд братства на благотворительность. Чистый сбор с вечера превысил 300 руб. Представители Гомельского духовенства высказали мысль о желательности продолжения подобных богословских чтений и об устройстве для этого епархиального дома [20, с. 237-239].

В своей деятельности братство учитывало специфику Гомельского уезда, – национальный и социальный состав жителей деревень и местечек, большой массив компактно проживающего иноверческого населения. Для заинтересованного участия крестьян, помимо духовно-нравственных аспектов не менее важной была экономическая деятельность братства. Создавались ссудно-сберегательные кассы и общества мелкого кредита для укрепления экономического положения православного населения, прежде всего крестьян и ремесленников. На заседании Совета братства 7 января 1911 г. был рассмотрен вопрос о законодательных правилах кредитования [21, с. 66]. Учитывая конфессиональный состав членов-соревнователей (25 % иноверцев), важна была работа по привлечению их в ряды братства и дальнейшему удержанию в его составе. Так, общее собрание членов отделения братства 17 мая 1898 г. обсудило возможность устройства в Гомеле, в Спасовой слободе, где жили старообрядцы, одноклассной церковно-приходской школы, в которой вместе с православными могли бы учиться и дети старообрядцев. Но старообрядцы по-прежнему допускались к участию в делах братства только в качестве членов-соревнователей [9, л. 36–37].

Период 1909–1914 гг. ознаменовался появлением самостоятельного Гомельского православного братства. Братство не ограничивалось общеобразовательными задачами, оно пыталось дать нуждающимся профессиональные навыки. Проводились курсы по овладению какой-либо профессией, что обеспечивало дальнейшую возможность самостоятельно зарабатывать на жизнь. Так, братство

организовало в 1912 г. обучение 20 девушек на курсах кройки и шитья [22, л. 58, 59]. Способы расширения деятельности братства были рассмотрены на собрании управления Гомельского братства 6 января 1909 г., проведенного в здании духовного училища под председательством гомельского епископа Митрофана (Краснопольского). На собрании владыкой было предложено учредить Братский праздник в день Покрова Пресвятой Богородицы, приурочив к этому дню крестный ход с чудотворной Братской иконой Богоматери. Было возбуждено ходатайство о построении новой церкви в г. Гомеле за линией железной дороги, в противовес появляющемуся здесь «штундизму» [23, с. 114–115].

Вопрос о братском Свято-Димитровском храме вновь был поставлен на обсуждение в 1913 г., т. к. после заложения храма с дальнейшей постройкой его пришлось приостановиться, т.к. смета не соответствовала финансовым возможностям братства. Гомельский епископ Варлаам пообещал свою помощь. По вопросу о помещении для братства, собрание высказалось за покупку продающегося на Аптечной улице и подходящего по цене и местоположению земельного участка и устройства на нем Братского дома. Преосвященный Варлаам указал на губернский комитет попечительства о народной трезвости как на источник средств и пообещал свое ходатайство [24, с. 305].

В 1913 г. с благословения Преосвященного Константина, епископа Могилевского и Мстиславского, при братстве было открыто общество трезвости, председателем которого был избран Преосвященный Варлаам, епископ Гомельский. Общество имело свой устав, совет и кассу. Могилевские епархиальные ведомости опубликовали подробный отчет о проведении праздника трезвости в Гомеле 4 мая 1914 г. [24, с. 347].

Начавшаяся первая мировая война переориентировала деятельность братства, которая заключалась, в основном, в сборе средств, уходе за ранеными, помощи семьям погибших, обслуживании лазаретов и больниц.

Список использованных источников и литературы

1. Записка о православных церковных братствах в Западной России // Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Ф. 136. Оп. 1. Д. 30544.
2. Переписка консистории Могилевской епархии // НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 35139.

3. Совет Могилевского Богоявленского братства губернатору от 30 сентября 1896 г. // НИАБ. Ф. 2318. Оп.1. Д.31.
4. Несколько слов к предстоящему открытию Гомельского отделения Могилевского Богоявленского братства // Могилевские епархиальные ведомости. 1897.– № 28–29 (часть неофициальная). С. 377–379.
5. Журнал Совета Могилевского Православного Богоявленского Братства от 05.03.1897. // НИАБ. Ф. 2318. Оп. 1. Д. 35.
6. Жудро Ф. А., Сербов И. А., Довгялло Д. И. Город Гомель (Могилевской губ.) с 68 автотипиями. Вильно : Сев.–Зап. отд. Импер. Русского географического о–ва, 1911. 61 с.
7. Устав Гомельского отделения Могилевского церковного Богоявленского братства // Могилевские епархиальные ведомости. 1897. № 28–29 (часть официальная). С. 247–253.
8. О ежегодном перенесении 29 сентября Могилево–Братской иконы Божией Матери из Могилева в город Гомель // НИАБ. Ф. 2301. Оп. 1. Д. 161.
9. Журнал Совета Могилевского Православного Богоявленского Братства от 29.09.1898. // НИАБ. Ф. 2318. Оп. 1. Д. 37.
10. Краткий очерк деятельности двух Братских отделений Гомельского и Мстиславского за 1903 г. // Могилевские епархиальные ведомости 1904. № 13 (часть официальная). С. 85–87.
11. Протокол Общего собрания членов Гомельского Отделения Могилевского Церковно–православного Богоявленского Братства 30 января 1900 г. // Могилевские епархиальные ведомости. 1900. № 9 (часть официальная). С. 110–117.
12. Отчет о деятельности Гомельского Отделения Могилевского Богоявленского Братства с 19 октября 1897г по 1–е мая 1898 г. // Могилевские епархиальные ведомости 1898. № 17 (часть официальная). С. 129.
13. Отчет о состоянии и деятельности Гомельского Отделения Могилевского Церковно–Православного Богоявленского Братства за 1900 г. // Могилевские епархиальные ведомости 1901. № 9 (часть официальная). С. 80–87.
14. Дело о сборе сведений для отчета о состоянии епархии за 1914 г. и предоставлении в Синод. Отчет о деятельности Гомельского православного Братства. // НИАБ. Ф. 2301. Оп. 1. Д. 676.
15. Гомельское отделение Могилевского церковно–православного Богоявленского братства, открытое в ознаменование св. коронования их Императорских Величеств; его состояние и деятельность с 19 октября 1897 г. по 1 января 1899 г. // Могилевские епархиальные ведомости 1899. № 11–12 (часть официальная). С. 106–109.
16. Отчет о состоянии и деятельности Могилевского Церковно–Православного Богоявленского Братства за 1901 г. // Могилевские епархиальные ведомости 1902. № 9–10 (часть официальная). С. 40–45.

17. Отчет о состоянии и деятельности Могилевского Церковно–Православного Богоявленского Братства за 1902 г. // Могилевские епархиальные ведомости 1903. № 9–10 (часть официальная). С. 59–74.
18. Отчет о состоянии и деятельности Могилевского Церковно–Православного Богоявленского Братства за 1903 г. // Могилевские епархиальные ведомости 1904. № 12 (часть официальная). С. 66–76.
19. Отчет о состоянии и деятельности Могилевского Церковно–Православного Богоявленского Братства за 1904 г. // Могилевские епархиальные ведомости 1905– № 11 (часть официальная). С. 1–15.
20. Могилевские епархиальные ведомости 1914. №7–8 (часть неофициальная). С. 237–239.
21. Гомель. Из жизни Гомельского братства. // Вестник Виленского православного Свято–Духовского братства. 1911. № 3. С. 66.
22. Отчет о состоянии Могилевской епархии за 1912 г. Святейшему правительствующему Синоду // НИАБ. Ф. 2301. Оп. 1. Д. 523.
23. Заседание управления Гомельского Отделения Богоявленского Братства. // Могилевские епархиальные ведомости 1909. № 3 (часть неофициальная). С. 114–115.
24. Могилевские епархиальные ведомости 1910. №13 (часть неофициальная). С. 293–305.

УДК 94(470):323:94 (476) «18-19»

В. А. МІХЕДЗЬКА

(УА «Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Ф. Скарыны»)

ЭТНАКАНФЕСІЙНЫЯ І САСЛОЎНЫЯ АСПЕКТЫ РАСІЙСКОЙ ДЗЯРЖАЎНАЙ ПАЛІТЫКІ Ў БЕЛАРУСІ Ў ДРУГОЙ ПАЛОВЕ ХІХ – ПАЧАТКУ ХХ СТАГОДДЗЯ

У артыкуле асветлены рысы этноконфессиональных і саслоўных аспектаў палітыкі Расійскай імперыі на тэрыторыі «Паўночна-заходняга краю». Асноўнай асаблівасцю гэтай палітыкі стала супярэчнасць паміж яго саслоўным і этноконфессиональным зместам. Пры адсутнасці дастатковых культурных і эканамічных магчымасцей гэтая акалічнасць перадвызначыла і нізкую эфектыўнасць у справе ўніфікацыі края з расійскімі тэрыторыямі.

У другой палове ХІХ – пачатку ХХ ст. шматнацыянальная Расійская імперыя перажывала працэсы грамадскай і гаспадарчай мадэрнізацыі. Тэмпы і формы мадэрнізацыйных працэсаў у межах

розных супольнасцяў адрозніваліся, як, адпаведна, і формы іх рэагавання, розныя спосабы ўзаемадзеяння з уладамі вызначаліся і ўрадавай палітыкай і сацыяльна-культурнай традыцыяй. Як і ў іншых еўрапейскіх рэгіёнах Расійскай імперыі, у Беларусі таксама адбываўся працэс разбурэння традыцыйнай аграрнай супольнасці. Значна павялічвалася колькасць людзей, якія звязвалі сваё жыццё з горадам. Аднак старыя, вызначаныя перад усім сацыяльнымі ладам культурнай і рэлігійнай традыцыяй, стэрэатыпы былі вельмі ўстойлівыя і аказвалі моцны ўплыў на спосабы і механізмы дзеяння ўсіх груп насельніцтва. Тут захоўвалася традыцыйнае расслаенне на польскую эліту, у значнай ступені яўрэйскае па складзе гарадское насельніцтва, шырокія масы беларускага сялянства. Ва ўмовах незавершанай этнічнай і нацыянальнай ідэнтыфікацыі беларускага насельніцтва грамадства падзялялася на супольнасці, якія аб'ядноўвалі людзей рознага этнічнага паходжання, але адзінай канфесіі, што у шэрагу выпадкаў і вызначала нацыянальную ідэнтыфікацыю яе адэптаў. Магчыма казаць аб існаванні ў Беларусі на пачатку ХХ ст. сістэмы сацыяльнай, саслоўнай і этнаканфесійнай сэгрэгацыі, у якой якраз этнаканфесійная прыналежнасць адыгрывала шмат у чым вызначальную ролю. Разам з нявырашанымі сацыяльнымі праблемамі гэта расслаенне таксама стварала прыдатную глебу для канфліктаў [1, с.214].

Палітычная сістэма Расійскай імперыі, нягледзячы нават на відавочныя перамены, што адбыліся ў 1905–1907 гг., засталася па сваёй сутнасці нязменнай. Спадчынная самадзяржаўная ўлада расійскага цара і традыцыйны саслоўны парадак стваралі межы грамадскага ўладкавання не толькі для вышэйшай бюракратыі і спадчыннага дваранства; рэлігія захоўвала сваё значэнне для культуры і этнічнай ідэнтычнасці [1, с.236]. Руская армія, руская адміністрацыя і руская мова адпаведна вызначалі межы дзяржаўна-палітычнага адзінства.

У той жа час, на «заходніх ускраінах» імкліва кансалідаваліся мадэрныя нацыі з уласнымі мовамі і новымі элітамі. У адказ у палітычных мерапрыемствах урада ў другой палове ХІХ ст., асабліва ў часы Аляксандра ІІІ, выразна прасочвалася памкненне да культурна-цывілізацыйнай уніфікацыі імперыі ў рэчышчы расійска-праваслаўнай культуры.

На працягу другой паловы ХІХ – пачатку ХХ ст. Расійская імперыя ажыццяўляла палітыку заканадаўчага абмежавання актыўнасці «нярускага» насельніцтва «Паўночна-Заходняга края» у эканамічнай, сацыяльнай, рэлігійнай і іншых сферах. Як рэакцыя на нацыянальна-дзяржаўныя прэтэнзіі «заходніх іншародцаў»

(афіцыйная тэрміналогія пачатка XX ст. – В. М.) – палякаў, остзейскіх немцаў – фармаваўся і рускі нацыяналістычны дыскурс. Палітычны накірунак, які ажыццяўляўся ў Расійскай імперыі ў канцы XIX – пачатку XX ст. у дачыненні да «нерускіх» народаў, вызначаўся знакамітай дактрынай, якая аформілася падчас царавання Аляксандра III – «Расія для рускіх». У выніку, процілеглыя тэндэнцыі да ўніфікацыі, да ўмацавання адзінства і дыверсіфікацыя, ўзмацненне адрозненняў павялічвалі палітычную і сацыяльную напругу ў шматнацыянальнай імперыі ў апошнія дзесяцігоддзі яе існавання.

Улады і рускія нацыяналісты былі заклапочаны суперніцтвам з этнічнымі групамі, якія валодалі магутным асімілятарскім патэнцыялам і здольнымі ажыццявіць уласныя экспансіянісцкія праекты нацыянальнага будаўніцтва. Найбольшую небяспеку «Паўночна-Заходнім краі» стварала польская культурная і эканамічная перавага.

Паўстанне 1863–1864 гг. выклікала развіццё абмежавальнага заканадаўства. У першую чаргу пад яго ўздзеянне трапілі «асобы польскага паходжання», якія пазбаўляліся права набываць зямельную маёмасць, акрамя пераходу яе па спадчыне. Абмежаванні мусілі даць перавагу землеўладанню «рускаму». Пры гэтым урадавыя адміністратары ў «Паўночна-Заходнім краі» (перад усім, М. Мураўёў) пераступалі праз саслоўна-дваранскія прывілеі, як грамадзянскія, гэтак і маёмасныя. Нездарма мураўёўскіх чыноўнікаў мясцовыя дваране называлі «чырвонымі» [2, с. 110]. Магчыма, гэта было выклікана аналогіямі з дзеяннямі найбольш радыкальнай антыдваранскай плыню паўстанцаў. Была праведзена «чыстка» мясцовага дваранства. У выніку чарговага «разбору шляхты» блізка да паловы з тых, хто здолеў адпаведным чынам падаць дакументы – 9 492 – не былі прызнаныя шляхцічамі [3, с. 38–39].

Урад ставіў сваёй мэтай давесці памеры рускага землеўладання да 2/3 прыватнага пазямельнага ўладання, а колькасць рускіх памешчыкаў – да паловы землеўладальнікаў. Правам набыцця зямлі ў заходніх губернях карысталіся і асобы пратэстанцкага веравызнання з Прыбалтыкі (остзейскія немцы) [4]. Але ўжо на пачатку XX ст. «ліберальны прагматык» віленскі генерал-губернатар П. Дз. Святаполк-Мірскі, як адзначаў у сваёй справаздачы «...прызнаў неабходным не выдаваць ніякіх дазволаў асобам не рускай (напрыклад, нямецкай і да т.п.) народнасці, кіруючыся пры гэтым думкай, што Паўночна-Заходні край, у выкананне ўрадавых у ім задач, мае патрэбу менавіта ў рускіх землеўладальніках, і што задачы гэтыя зусім не будуць дасягнуты, калі польскі памешчык будзе замяняцца іншым памешчыкам-іншародцам» [5, арк. 7].

Акрамя таго, вышэйшыя службовыя пасады, а таксама пасады, якія прадугледжвалі непасрэдны кантакт з народамі тут павінны былі займаць толькі «рускія па паходжанні» чыноўнікі. Абмежаванні ў прафесійнай сферы для палякаў і беларусаў-католікаў захоўваліся і ў пачатку XX ст., што выклікала з-за недахопу кваліфікаваных кадраў істотныя цяжкасці для мясцовай адміністрацыі [5, арк. 68]. У выніку, гэтыя мерапрыемствы прынеслі ўладам нечаканы плён: «...шляхта, пазбаўленая пасля 1863 г. магчымасцяў удзелу ў грамадскім і дзяржаўным жыцці, мусіла звярнуцца да раллі альбо шукаць хлеба ў справах... і аказала ў гэтым шмат жыццёвых сіл. Паволі... пачалі маёнткі пазбаўляцца запазычаннасцяў, а зямляне ўзбівацца на дабрабыт» [6, с. 38].

Штопраўда, расійскія ўлады так і не здолелі ажыццявіць у поўнай ступені абмежавальнае зямельнае заканадаўства [7, с. 89]. І хаця колькасць рускіх памешчыкаў на пачатку XX ст. прыблізна ўраўналася з польскімі, уплыў польскіх землеўладальнікаў на эканамічнае жыццё края, а таксама на беларускіх сялян заставаўся вельмі істотным. Нягледзячы на ўсе прэферэнцыі ў адносінах да рускіх пакупнікоў зямлі і абмежаванні да польскіх памешчыкаў, рускае буйное землеўладанне так і не стала ў краі велічынёй, што ішла ў сколькі-небудзь сур'ёзнае параўнанне з польскім. Да таго ж рускія памешчыкі ў масе сваёй не гаспадарылі самі ў набытых маёнтках, аддаючы перавагу службе ў Пецярбургу і ў іншых гарадах. Яны аддавалі маёнткі ў кіраванне мясцовым уладжэнцам ці арэнду. Шмат хто з рускіх пакупнікоў набывалі зямлю ў спекулятыўных мэтах [6, с. 25].

Як заўважаў П. Дз. Святаполк-Мірскі, «памешчык рускага паходжання частакроць з'яўляецца драпежнікам зямлі, які ігнаруе ўсе патрэбы ўрада» [5, арк. 10 адв.]. Улады праяўлялі дастатковую саслоўную гнуткасць. Абмежаванні на зямельную уласнасць абмінулі сялян-католікаў. Але з 1901 г. расійскі ўрад, узяўшы на ўвагу, што колькасць сялян каталіцкага веравызнання з ліку беларускага і літоўскага насельніцтва «небяспечна» павялічылася, абмежаваў іх ў магчымасцях набыцця зямельнай маёмасці памерамі ў 60 дзесяцін [5, арк. 9; 8, с. 112]. У той жа час, уціск польскай культуры і дзейнасці каталіцкага касцёлу тут набыў беспрэцэдэнтныя памеры [7, с. 69–85, 97–07].

На гісторыю і перспектывы расійска-польскага суперніцтва на тэрыторыях Заходняга краю ў асяроддзі расійскай бюракратыі існавалі даволі скептычныя погляды. «Нельга падпарадкаваць сабе народнасці з вышэйшай культурай, – пісаў былы мінскі губернатар П. Курлоў, – пры ўмове, што дзяржава, якая жадае гэтага падначалення, знаходзіцца ніжэй. Гэтым ... тлумачыцца марнасць

усіх спроб Расіі асіміляваць Фінляндыю і Польшчу» [9, с. 111–112]. Блізка да гэтага выказваўся таварыш міністра ўнутраных справаў і дзяржаўны сакратар Расійскай імперыі С. Я. Крыжаноўскі: «Карэнная Расія не валодала запасам сіл культурных і маральных, якія маглі б службыць падобнай асіміляцыі, тым больш, што шматлікія ўскраіны, з прычыны асаблівасцяў іх гісторыі і геаграфічнага становішча, у культурным стаўленні стаялі значна вышэй карэннай Расіі». У выніку, «высілкі, што былі накіраваныя на абрусенне ... абмяжоўваліся пераважна захадамі гвалтоўнага ўздзеяння...і толькі раздражнялі мясцовае насельніцтва» [10, с. 128]. Але гэтыя прызнанні былі зроблены ўжо рэтраспектыўна. У пачатку ХХ ст. сталічная і мясцовая бюракратыя захоўвалі большы аптымізм, які, напрыклад, дэманстраваў у 1904 г. віленскі генерал-губернатар П. Дз. Святаполк-Мірскі: «...Расія выступае цяпер у дачыненні да сваіх больш цывілізаваных іншародцаў узброенай магутнымі сіламі ... наш урад ... ужо не сустракае сярод заходніх іншародцаў таго супраціву з боку іх духоўных пачаткаў, які б у мінулы час мог уяўляцца небяспечным» [5, арк. 73 адв.–74].

Падзеі 1905–1907 гг. прывялі да скасавання шэрагу найбольш адыёзных абмежаванняў у дачыненні да каталіцкага і польскага насельніцтва. Нягледзячы на ўпартае супрацьдзеянне мясцовай адміністрацыі, расійскі ўплыў у эканамічнай сферы пачаў імкліва змяншацца. У дакладной запісцы мінскага губернатара А. Ф. Гірса, складзенай у пачатку 1914 г., адзначалася, што скасаванне абмежавальнага заканадаўства супраць палякаў было справай памылковай, бо «рускі элемент у краі яшчэ недастаткова ўмацаваўся, каб уласнымі сіламі адстаяць край для Расіі і для рускай культуры» [11, арк. 1]. Польскія ўплывы, адпаведна, значна ўзмацніліся, у тым ліку і ва ўстановах гарадскога самакіравання. Губернатар прапаноўваў ўвесці нацыянальныя курсы для выбараў з заканадаўчым замацаваннем перавагаў для рускіх, аднавіць шэраг абмежаванняў у сферы зямельнай уласнасці і дзейнасці каталіцкага касцёла. Адначасова, А. Ф. Гірс звяртаў увагу ўраду на патрэбы развіцця «рускага землеўладання». На думку мінскага губернатара, мясцовае сялянства не магло стаць асноўным суб'ектам рускай зямельнай уласнасці з-за сваёй «некультурнасці». Адначасова, як заўважаў губернатар, «разлічваць, што сілы можа даць рускае дваранства нельга нават у цэнтры Расіі дваранскае землеўладанне пачынае ісці да заняпаду». Таму патрэбна «звярнуцца ...да мясцовых рускіх культурных сіл недваранскага паходжання, да праваслаўнага духавенства, якое дала значныя кадры мясцовай рускай інтэлігенцыі..., да рускага чынавенства, сярод якога частка элемента

прышлага з цэнтра Расіі, частка ж вылучаная мясцовым насельніцтвам, а таксама да той мясцовай рускай інтэлігенцыі, якая вылучана мясцовым беларускім насельніцтвам, дзякуючы паўвекавой дзейнасці тут рускай школы. Гэта інтэлігенцыя, у асяроддзі якой пераважнай па колькасці групай з'яўляюцца настаўнікі народных і царкоўна-прыхадскіх школ, найбольш прыдатная для стварэння з яе кадра рускіх культурных землеўладальнікаў, з прычыны таго, што яна знаёмая з мясцовымі ўмовамі жыцця і сельскай гаспадаркі і безумоўна варожая да паланізатарскіх тэндэнцыяў палякаў» [11, арк.7 адв.]. Разлік на «заходнерускую» партыю, аднак, не быў жыццяўлены з-за пачатку Першай сусветнай вайны. Рост уплыву мясцовай польскай грамады ва ўмовах дзейнасці Дзяржаўнай Думы і скасавання асноўных абмежаванняў быў відавочны. Гэта спараджала ў мясцовых «заходнерускіх» прыхільнікаў улады сапраўдны адчай [2, с. 304]. Дэпутат III Дзяржаўнай Думы рэктар Мінскай духоўнай семінарыі А. Д. Юрашкевич з думскай трыбуны распачліва заклікаў: «прашу ... ад імя беларускага народа: дапамажыце вы сваім братам выстаць супраць палякаў і застацца рускімі» [12, слп. 1322].

Патрэбы ўмацавання расійскага ўплыву ў краі вызначылі і ўнутраную супярэчлівасць увядзення земстваў. Варта адзначыць, што тут ураду на чале з П. Стальпіным ізноў прыйшлося ахвяраваць карпаратыўна-саслоўнымі інтарэсамі дваранства. Вядома, што крытыка стальпінскага «заходняга» земства адбывалася з боку кансерватыўнай большасці Дзяржаўнага Савета па дзвюх прычынах. Па-першае, нязгоду выклікала якраз зніжэнне маёмаснага цэнзу, што забяспечвала доступ да выбараў дробных землеўласнікаў, у тым ліку і заможнага сялянства. З другога боку, аб'ектам крытыкі было ўвядзенне курыяльнай сістэмы, што мусіла забяспечыць перавагу рускім выбаршчыкам. Але разам з тым прадугледжвалася і стварэнне польскай курыі, што для найбольш зацятых барацьбітоў з «пальшчызнай» выглядала як чарговае «прызнанне» ўрадам асаблівых правоў палякаў у «Заходнім краі». Варта адзначыць, што нечаканым наступствам зніжэння маёмаснага цэнзу сталася даступнасць земстваў не толькі для заможнага праваслаўнага сялянства, але і для дробнамаёмаснай шляхты.

Якраз у часы дзейнасці Дзяржаўнай Думы і ўтварэння земстваў актывізавалася дзейнасць урадавай адміністрацыі па пошуку і ўмацаванню сваёй сацыяльнай апоры ў краі.

Разумеючы абмежаванасць адміністрацыйнай русіфікацыі, улады прыглядаліся да мясцовага «рускага» насельніцтва. На пачатку XX ст. мясцовыя ўлады вылучалі у ім некалькі асяродкаў, у тым ліку такія адрозныя па сацыяльным, культурным і прававым статусе

супольнасці рускіх старавераў і беларускага сялянства. Пры гэтым нават беларускія сяляне-католікі ўсё часцей адасабляліся ад польскага каталіцкага асяроддзя і разглядаліся не толькі як аб'ект, але ў пэўнай перспектыве, як суб'ект русіфікацыйных намаганняў. Даследаванні беларускага краю, які вяліся у другой палове XIX ст. – пачатку XX ст. і збольшага былі інспіраваныя расійска-польскім супрацьстаяннем, прынеслі досыць нечаканыя вынікі. Назапашаны матэрыял грунтаваў наяўнасць асобнага беларускага этнасу і падштурхоўваў да фармулёўкі самастойнай беларускай ідэі. Аднак беларушчына расійскімі ўладамі і яе апанентамі з польскага боку разглядалася хутчэй як поле змагання і, адначасова, як рэсурс гэтага змагання.

Віленскі генерал-губернатар П. Дз. Святаполк-Мірскі, які сам аказваў фінансавую і арганізацыйную падтрымку навуковаму вывучэнню края, у тым ліку беларусазнаўчым даследаванням Я. Карскага, звяртаў увагу ўрада на тое, што «беларускае насельніцтва», перад усім, сялянскае, нягледзячы на канфесійны падзел на праваслаўных і католікаў, аб'яднанае агульнасцю мовы. Будучыню беларусаў генерал-губернатар бачыў у далучэнні альбо да польскага, альбо да рускага народаў [5, арк. 26]. Перспектыва наступнага зліцця праваслаўнай часткі беларусаў з рускімі не выклікала ў Святаполка-Мірскага сумненняў. Гістарычныя лёсы беларусаў-католікаў мусілі залежаць ад урадавай палітыкі, перад усім у дачыненні да каталіцкай царквы: «...у патрэбах дасягнення ўрадавых у краі задач, больш правільна падысці да беларускага племені з боку агульнасці яго паходжання з астатнім рускім народам, а не з боку рэлігіі ... калі ж беларускае племя засвоіць ўсведамленне, што яно ёсць племя рускае, яно само звернецца да праваслаўнай царквы ... я надаю найбольш важкую ў справе кіравання ... краем значнасць пытанню аб развіцці сярод беларускага насельніцтва нацыянальнай самасвядомасці і ўвядзення ў беларускія каталіцкія прыходы дадатковага набажэнства на іх роднай мове замест цяперашняй польскай». Віленскі генерал-губернатар у падтрымку сваёй думкі звяртаў увагу ўрада – «сярод католікаў беларусаў ўжо пачынае праяўляцца плынь на карысць адасаблення ад палякаў, плынь, якая, відавочна, патрабуе падтрымкі з боку урада» [5, арк. 30].

Аднак, нягледзячы на шматлікія рытарычныя і прагматычныя намаганні мясцовай адміністрацыі звярнуць увагу манарха на сваю заклапочанасць лёсамі «рускага насельніцтва» краю, гэта не знаходзіла ў ім асаблівага водгуку. Мікалай II, як засведчыў у дзённікавых запісах 1903 г. генерал Курапаткін, «з нейкай гідлівасцю ставіўся да беларусаў» («Несколько брезгливо относится к белоруссам и вполне презрительно к евреям»- В. М.) [13]. Як бачна,

імператар у асяроддзі сваіх набліжаных быў далёкі ад таго, каб лічыць беларусаў «таксама рускімі» і ставіў іх бліжэй да нялюбых яму яўрэяў. Як бы там ні было, трэба пагадзіцца з заўвагай Т. Уікса: «абрусенне краю» мелася праводзіцца вакол беларусаў, але не пры актыўным удзеле іх саміх [14].

Як заўважыў расійскі даследчык Л. Гарызонтаў, будуючы супрацьвагу польскай гегемоніі, імперскія ўлады, часам свядома, часцей мімаволі, адкрывалі прастору для нацыянальна-культурнага развіцця трэціх сіл», інакш кажучы, стваралі своеасаблівую «нішу» для апазіцыйных нацыяналізмаў (у першую чаргу тут маецца на ўвазе нацыяналізм беларускі і ўкраінскі) [15, с. 139, 148].

Відавочна, гэтае сцвярджэнне занадта перабольшвае здольнасці мясцовай адміністрацыі. Насамрэч, як ужо ў свой час было адзначана А. Цвікевічам, гаворка можа ісці тут толькі аб «заходнерусах», і тое збольшага кансерватыўнага накірунку. Беларускі нацыянальны рух фармаваўся адразу ў непрымальнай для ўраду сацыялістычнай накіраванасці.

Побач з антыпольскім вектарам расійскай дзяржаўнай палітыкі захоўвалася і сістэма дыскрымінацыі яўрэйскага насельніцтва, якая набыла ў другой палове XIX – пачатку XX ст. найбольш жорсткія формы. Перапляценне этнаканфесійных і сацыяльна-эканамічных супярэчнасцей, якое кансервалася ўрадавым абмежавальным заканадаўствам, стварыла прыдатную глебу для інспірацыі ў Беларусі ў 1903–1906 г. антыяўрэйскіх пагромаў. У гэты час яны з’яўляліся не толькі істотным фактарам развіцця ўсяго грамадска-палітычнага жыцця краю. Ёсць падставы меркаваць, што якраз масавы гвалт спрыяў тэндэнцыям да кансалідацыі грамадства на аснове супрацьдзеяння ўрадаваму прыціску і паліцэйска-чарнасоцённаму тэрору. Але выбарчыя кампаніі ў Дзяржаўную Думу і, асабліва, увядзенне выбараў па «нацыянальных» курых у пэўнай ступені на масавым узроўні аднавіла рысы этнаканфесійнай сегрэгацыі, якія, відавочна, захоўваліся і ў наступны перыяд і шмат у чым вызначылі наступнае палітычнае развіццё Беларусі і сам працэс станаўлення яе дзяржаўнасці.

Спіс выкарыстаных крыніц і літаратуры

1. Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М. : «Традиция»– «Прогресс-Традиция». 2000 г. 344 с.
2. Цвікевіч А. "Западно-руссизм": Нарысы з гісторыі грамадскай мыслі на Беларусі ў XIX і пачатку XX вв. Мінск: Навука і тэхніка, 1993. – 352 с.
3. Самбук С.М. Политика царизма в Белоруссии во второй половине XIX в.

Минск, 1980.

4. Панюціч В. Нацыянальны аспект пазямельнай палітыкі царызму на Беларусі эпохі капіталізму (1861-1917 гг.). Ч.1 // Беларускі Гістарычны Зборнік = Białoruskie Zeszyty Historyczne. 1999. № 10. s.41–55.
5. Отчет виленского генерал-губернатора П.Д.Святополка-Мирского // Расійскі дзяржаўны гістарычны архіў. Ф. 1284. Воп.194. Спр.136.
6. Woyniłłowicz E. Wspomnienia. 1847–1928. Część pierwsza Wilno, 1931. 365 s.
7. Смалянчук А. Паміж краёвасцю і нацыянальнай ідэяй. Польскі рух на беларускіх і літоўскіх землях. 1864 - люты 1917 г. Спб.: Неўскі прасцяг, 2004. 406 с.
8. Панюціч В. Нацыянальны аспект пазямельнай палітыкі царызму на Беларусі эпохі капіталізму (1861-1917 гг.). Ч.2 // Беларускі Гістарычны Зборнік = Białoruskie Zeszyty Historyczne. 1999. № 11. s.107–125.
9. Курлов П.Г. Гибель императорской России. М.: Современник, 1992. 255 с.
10. Крыжановский С.Е. Заметки русского консерватора // Вопросы истории. 1997. №4.
11. Докладная записка «О мерах, могущих укрепить национальное самосознание белоруссов и противодействовать их полонизации» // Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. Фонд 60. Воп.3. Спр.114.
12. Государственная Дума. III созыв. Сессия IV.Ч.1. Стенографический отчет. Спб.: Государственная типография, 1910. 2578с.
13. Дневник А.Н. Куропаткина // Красный архив. 1922. Т.2. С.73.
14. Виск Т.Р. «Мы» или «они»? Белорусы и официальная Россия, 1863–1914 // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. М., 2005. с. 589–609.
15. Горизонтов Л. Е. «Большая русская нация» в имперской и региональной стратегии самодержавия // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности. Москва, 2001.

УДК 94(476.2) «1921–1929»

С. А. ЕЛИЗАРОВ

(УО «Гомельский государственный
технический университет им. П. О. Сухого»)

«ЧИСТКИ» ГОСУДАРСТВЕННОГО АППАРАТА В 1920-Е ГОДЫ В БССР КАК МЕТОД СОВЕТСКОЙ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ

В статье раскрываются сущность, цели и задачи чисток советского аппарата в БССР в 1920-е гг., выделены основные этапы и механизм их проведения. Чистки представлены как универсальный

метод советской кадровой политики, с помощью которого власть стремилась решить задачи повышения эффективности работы государственных органов, обновления кадрового состава и устранения от властных ресурсов лиц, по разным своим качествам (политическим, деловым, моральным) не устраивавших партийно-советское руководство.

В узком смысле «чистки» советского аппарата – организованные центральной властью широкомасштабные кампании по увольнению из органов государственной власти и управления лиц, которые по разным своим качествам (политическим, деловым, моральным) не устраивали партийно-советское руководство. В широком смысле – это универсальное средство, с помощью которого власть стремилась решить задачи повышения эффективности работы государственных органов, обновления их кадрового состава за счет привлечения рабочих и крестьян, устранения от рычагов власти и управления политических противников и оппонентов, а также лиц, дискредитировавших советскую власть и не соответствовавших по своим деловым качествам занимаемым должностям.

«Чистки» советского аппарата от «классово чуждых и разложившихся элементов» в 1920-е гг. носила «кампанейский» характер, т. е. проводилась в рамках тех или иных организованных центральной властью политических кампаний. С конца 1922 г. эта чистка была связана с кампанией борьбы со взяточничеством. Советский государственный аппарат унаследовал многие, хотя далеко не лучшие черты стиля и отношения к работе, характерные для царской бюрократии. Одной из проблем старой системы управления, перешедшей в советский аппарат, стало широкое распространение среди госслужащих взяточничества. Еще Декрет СНК РСФСР от 8 мая 1918 г. «О взяточничестве» содержал достаточно жесткие меры борьбы с этим явлением. 6 сентября 1921 г. СНК РСФСР принял новый декрет «О борьбе со взяточничеством».

Постановлением СНК БССР от 10 ноября 1922 г. в республике при Экономическом совещании (ЭКОСО – орган управления народным хозяйством при белорусском правительстве) была сформирована Центральная комиссия по борьбе со взяточничеством, в которую вошли представители от секретариата ЭКОСО, ГПУ, Наркомюста, РКИ, Республиканского совета профсоюзов. Возглавил комиссию председатель ГПУ БССР Я. К. Ольский (после его откомандирования в распоряжение ЦК РКП(б) 27 января 1923 г. во главе комиссии стал новый председатель ГПУ БССР С. Ф. Пинталь). 16 января 1923 г. комиссией был издан приказ №1, который требовал

от всех следственных, контрольных и карательных органов вести «решительную борьбу со взяточничеством и разложением советского аппарата». Для практического проведения работы при экономическом отделе ГПУ БССР организовали специальный следственно-розыскной аппарат, создавались уездные комиссии в составе трех человек (представитель уисполкома, ГПУ, помощник прокурора), а также 24 комиссии при наркоматах и центральных учреждениях республики [1, л. 20].

16 января в газете «Звезда» была опубликована инструкция ЦИК БССР всем ведомственным комиссиям по борьбе со взяточничеством о порядке проведения чистки советского аппарата, подготовленная на основе соответствующей инструкции СТО РСФСР от 24 ноября 1922 г. Белорусская инструкция придавала борьбе со взяточничеством характер более широкой политической кампании: чистка должна была проводиться в БССР не только с точки зрения «благонадежности в отношении взяточничества, хищничества и бесхозяйственности» (как ее задача формулировалась в российском варианте), но и «политической благонадежности и знания Советской конституции». Для приема заявлений от населения о фактах взяточничества было выделено три члена Центральной комиссии по борьбе со взяточничеством. Эти заявления отправлялись в экономический отдел ГПУ для расследования. Анонимные заявления не принимались, а для сохранения конфиденциальности гарантировалось «держат в секрете фамилию подавших заявление» [1, л. 20].

Условия чистки для коммунистов и беспартийных были различные. По указанию Центральной комиссии БССР чистке не подвергались члены и кандидаты в члены коммунистической партии и комсомола – их судьбой должны были заниматься не государственные карательные органы, а парторганизации.

Все «вычищенные» делились на 3 категории: первая – уволенные с занесением в «особый секретный список» (что это за «секретный список», каковы последствия такого занесения – из документов выяснить не удалось), вторая – уволенные без занесения в такой список, третья – уволенные с преданием суду и в административном порядке [1, л. 20 об].

Механизм проведения чистки был следующим: все сотрудники учреждения заполняли анкеты и вызывались на комиссию по очереди, устно рассказывали членам комиссии свою биографию и отвечали на вопросы «по политграмоте и Конституции». В большей степени эта кампания коснулась наркоматов и центральных учреждений БССР.

Уездные комиссии приступили к работе лишь в марте 1923 г. и по оценке Центральной комиссии, «работа их протекала вяло» [1, л. 21].

К сентябрю 1923 г. кампания по борьбе с взяточничеством закончилась и Центральная комиссия по борьбе со взяточничеством решением Президиума ЦИК БССР от 18 сентября 1923 г. была распущена. По республике проверку прошли 5 880 человек, из них по уездам – 1 538 человек (уволено 163 человек), по Мингорисполкому – 554 (уволено 38), наркоматам и центральным республиканским учреждениям – 3 788 (уволен 251) [1, л. 17, 22].

Из 462 уволенных к первой группе было отнесено 127 человек, ко второй – 218, к третьей 123 (из них 117 привлекли к административной ответственности, 6 – к судебной). По сути решающим основанием увольнения служащих служило их социальное происхождение: из 462 уволенных рабочих и крестьян было лишь 63, остальные – «бывшие люди» (бывшие торговцы, предприниматели, помещики, адвокаты, дворяне и служащие досюветских органов власти и управления) [1, л. 20об, 22].

Острый дефицит квалифицированных управленцев приводил к тому, что руководители учреждений и организаций всячески пытались сохранить «бывших людей» в своих структурах. Центральная комиссия БССР сообщала, что «ходатайства об оставлении уволенных сыпались без конца. Во многих учреждениях остались на службе лица, враждебно настроенные по отношению к Советской власти и совершенно не подходящие для службы в совучреждениях по своему социальному положению», однако их администрация «ни за то не соглашалась как незаменимых» [1, л. 20].

Следующий этап чистки был связан с кампанией по сокращению административных расходов и рационализации аппарата управления 1927–1928 гг. За эти два года по неполным данным было снято с работы по всем округам более 1 350 человек. Основная масса была уволена за пьянство, растраты и преступления (622 человека). Как «враги советской власти» (бывшие полицейские, торговцы, духовенство) работы лишилось 267 человек, еще 151 – за бюрократизм и искажение классово-линейной линии. Из всех уволенных «вычищенные» из административно-советского аппарата составили 35% [2, с. 34].

По оценке самих руководящих органов БССР эта чистка аппарата проводилась «в большинстве случаев закрытыми методами, без широкого оповещения и привлечения масс и, главным образом, была направлена по линии аппарата земельно-лесных, судебно-следственных и торгово-заготовительных органов» [2, с. 34]. В мае 1929 г. Наркомат РКК СССР признал, что большинство ошибок при проведении чистки было связано с частой практикой увольнения с работы по признакам

«классового происхождения» («бывшие люди», кулаки), а не оценки качества работы и профессионализма служащих [3, л. 227].

Подготовка к проведению новой, более масштабной чистки советского аппарата началась после состоявшейся в апреле 1929 г. XVI конференция ВКП(б), специально рассмотревшей опрос «Об итогах и ближайших задачах борьбы с бюрократизмом». Причины бюрократизма в советских органах власти и управления в то время виделись весьма упрощенно и главным образом в плоскости «обострения классовой борьбы» – бюрократизм рассматривался как проявление «напора на рабочий класс кулачества, городской буржуазии и буржуазной интеллигенции». Среди главных средств борьбы с «бюрократическими извращениями государственного аппарата» большие надежды возлагались на проведение чистки советского аппарата. Постановление конференции определяла контингент госслужащих, подлежащих «вычищению» из советского аппарата: «разложившиеся, извращающие советские законы, срачивающиеся с кулаком и нэпманом, мешающие бороться с волокитой и ее прикрывающими, высокомерно, по-чиновничьи, по-бюрократически относящиеся к насущным нуждам трудящихся, растратчики, взяточники, саботажники, вредители, лентяи». Учитывая негативный опыт проведения предыдущих чисток, когда главным основанием для увольнения служило «классовое происхождение» служащего, конференция особо выделила необходимость проводить чистку «прежде всего и главным образом на основании оценки качества работы, а не только по признакам классовой принадлежности» [4, с. 470–485].

21 мая 1929 г. в белорусской прессе было опубликовано обращение ЦК КП(б)Б «О чистке советского аппарата». Исходя из имевшегося опыта проведения подобных чисток ЦК КП(б)Б предупреждал против упрощенного подхода к оценке работников советского аппарата только на основе его классовой принадлежности (хотя сам такой подход, естественно, не отвергался). Указывалось, что в советском аппарате «есть немало работников, которые хотя и не вышли из пролетарской среды, тем не менее на протяжении ряда лет добросовестно выполняют свои обязанности перед пролетарским государством...», которые «нужны для советского аппарата и должны быть оставлены на работе» [5, л. 26].

1 июня 1929 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление «О чистке аппарата государственных органов, кооперативных и общественных организаций». Органы Наркомата РКИ наделялись правом выносить обязательные для всех государственных учреждений и организаций и предприятий, кооперативных и

общественных организаций постановления по вопросам, связанным с проведением чистки. Во-первых, это касалось запрета «навсегда или на время» служить во всех звеньях советского и кооперативного аппарата, в общественных организациях лицам, работа которых признавалась «безусловно вредной интересам рабочего класса». Лица, «вычищенные» с такой оценкой, лишались права на получение выходного пособия, пособия по безработице и всех видов пенсионного обеспечения. Во-вторых, запрета «навсегда или на время занимать должности в определенной местности или в определенном ведомстве, учреждении, предприятии или организации». В-третьих, запрета «навсегда или на время занимать ту или иную категорию должностей» [3, л. 240–241]. Вскоре по предложениям НК РКИ были внесены соответствующие изменения в трудовое законодательство СССР и союзных республик: в БССР такие изменения в Кодекс Законов о труде утвердил СНК уже 5 июня 1929 г., после чего это сделал Президиум ЦИК БССР [3, л. 236–236 об].

Механизм проведения чистки содержался в специальной инструкции СНК СССР [3, л. 223–228]. В ней подчеркивалась необходимость проводить чистку «прежде всего и главным образом на основе оценки качества труда, а не только по признакам классового происхождения». Строго запрещалось увольнение с работы «только из-за того, что он является сыном кулака или дочерью «бывших людей». Предусматривалось, что в случае отсутствия в формулировках причин увольнения, кроме формулировок «чуждый элемент», «дворянка», «разложившийся» и т.п., вышестоящие комиссии были обязаны такие решения отменять. Однако это вовсе не означало отказ от классового подхода к чистке: в той же инструкции обращалось внимание на то, чтобы «служители религиозных культов, бывшие помещики, фабриканты, полицейские и жандармы ни в коем случае не оставались в какой-либо должности в низовом советском аппарате».

Руководить чисткой в масштабах СССР поручалось специальной комиссии при Наркомате РКИ СССР под председательством Я. Х. Петерса. При Наркоматах РКИ союзных и автономных республик, областных, окружных и краевых отделах РКИ создавались комиссии под председательством ответственных работников РКИ. Непосредственно в учреждениях и организациях чистку должны были проводить комиссии, назначаемые окружными комиссиями. Для того, чтобы чистки не превратились в сведение личных счетов, «взаимное подсиживание» или простую формальность председателями таких низовых комиссий должны были быть «не местные работники, а командированные из окружных РКИ».

Все «вычищенные» подразделялись на три категории по основаниям и последствиям увольнения. К первой категории относились лица, оценка деятельности которых «показывает абсолютную невозможность их исправления и безусловность вреда, наносимого их работой в советском аппарате интересам рабочего класса». К ним применялись наиболее жесткие меры: они увольнялись без права работы в советском аппарате, лишались права на выходное пособие, на пенсию по социальному страхованию и пособие по безработице, снимались с военного учета. Вторую категорию составляли лица, которых было «вредно оставить на работе в данном учреждении или в данной местности», но они «могли еще исправиться». Их рекомендовалось использовать в учреждениях иного типа или такого же типа, но в другой местности. Третья категория лиц перемещалась с ответственных на технические должности в тех же учреждениях и предприятиях, где они работали до чистки.

В исполнение решений союзных органов в БССР 11 июля 1929 г. СНК БССР принял постановление, определявшее порядок и сроки проведения чистки. В первую очередь чистке подвергались работники биржи труда (срок – июнь 1929 г.), банковских учреждений, государственных органов страхования, суда и прокуратуры, органов финансовых и земельных. Непосредственно чистку районных и сельских учреждений планировалось проводить с 20 июня 1929 г., но только в рамках одного района в каждом округе по выбору окрисполкома. Сроки проведения массовых чисток в районах не устанавливались [3, л. 237].

На местах по-прежнему чистку рассматривали как средство очищения советского аппарата от «классово чуждых элементов» прежде всего и главным образом на основе социального происхождения работников. В принятой 17 июня 1929 г. резолюции минской общегородской рабочей конференции прямо указывалось, что чистку необходимо проводить «под углом зрения революционной целесообразности» и ставилась задача в обязательном порядке «вычистить те элементы, которые по своему классовому положению или прошлой деятельности являются врагами рабочего класса» [5, л. 24].

Реальная чистка советского аппарата началась только с осени 1929 г. после выделения решением СНК БССР от 30 сентября 1929 г. 15 тыс. руб. на ее проведение [3, л. 250]. Основная работа по чистке советского аппарата была проведена уже в 1930–1931 гг. По официальным данным, в подготовительной работе к чистке приняли участие до 500 тыс. работников. К лету 1931 г. «в основном» чистка была проведена на районном и окружном уровнях, частично – на

уровне центральных республиканских наркоматов и учреждений. В результате проверили 18 422 человека, из них по первой категории было уволено 759 человек, по второй категории – 1 064, по третьей – 778, а 2 724 получили разного рода наказания [6, с. 20].

С точки зрения политической чистки решали поставленные задачи – из советского аппарата управления увольняли в массовом порядке работников, которые составляли если не реальную, то потенциальную опасность для советской власти («классово–чуждые элементы»). Они заменялись выходцами из рабочих и крестьян – людьми, в профессиональном отношении мало подготовленными для выполнения управленческих функций, но вызывавшие больше доверия у партийно-советских властей по своему социальному происхождению.

С точки зрения технической – улучшения работы аппарата управления, повышения его профессионализма, преодоления бюрократизма – чистки не давали желаемого результата. В условиях, когда система подготовки кадров советских управленцев еще только формировалась, на смену старым специалистам приходили «выдвиженцы» из числа «рабочих от станка» и «крестьян от сохи», профессиональная управленческая подготовка у которых отсутствовала, в связи с чем они были не в состоянии решать самостоятельно вопросы даже в рамках своих полномочий. А это, в свою очередь, создавало объективную необходимость усиления централизованной системы управления, в которой задача нижестоящих органов управления ограничивалась выполнением директив вышестоящих органов. В такой системе именно исполнительность, а не самостоятельность, являлись главным показателем эффективности работы государственного служащего. Это приводило вместо сокращения документооборота к его увеличению, вместо борьбы с бюрократизмом – к его росту, вместо преодоления пороков дореволюционной системы управления – к их реанимации.

Список использованных источников и литературы

1. Доклады Главного управления коммунального хозяйства БССР, ЦК по борьбе со взяточничеством, ЦК по улучшению жизни детей..., 1924–1925 гг // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Фонд 7. Оп. 1. Д. 86..
2. Ад з'езду да з'езду (красавік 1927 г. май 1929 г.). Матэрыялы да спрваздачы Ураду на IX Усебеларускім з'езду Саветаў.

- Менск : Сакратарыят ЦВК і Кіраўніцтва спраў СНК і Эканамічнае Нарады БССР, 1929. 374, [1] с.
3. Постановления ЦИК и СНК БССР о реорганизации и упрощении советского аппарата и расширении прав местных органов власти, 1929 г. // НАРБ. Фонд 7. Оп. 1. Д. 660.
 4. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. В 2 ч. М. : Гос. изд-во полит. литературы, 1953. Ч. 2. 1925–1953 гг. 1204 с.
 5. Постановления и протоколы заседаний бюро окружкомов, райкомов КП(б)Б о подготовке к чистке советского аппарата, 1929 г. // НАРБ. Фонд 4п. Оп. 1. Д. 4374.
 6. Матэрыялы да спрваздачы Ураду X з'езду Саветаў БССР. Менск : Выд. Кіраўніцтва спраў СНК і Эканамічнае Нарады БССР, 1931. 249, [1] с.

УДК 94 (476):316. 334. 55 «192/193»

М. И. СТАРОВОЙТОВ

(УО «Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины»)

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ БССР (1920–1930-Е ГОДЫ)

В статье дается краткая характеристика социального состава городского населения БССР межвоенного периода. Впервые в отечественной историографии выявлены основные тенденции и представлен адекватный социальный облик городского населения с учетом гендерного признака, установлено его распределение по основным национальностям в отраслевом разрезе в конце 1930-х годов.

Анализ исторической литературы и статей позволяет отнести указанную проблему к наименее изученной в отечественной историографии. Историографическая традиция слабая, так как в таком проблемном поле данный вопрос не ставился. Нам не удалось найти работ, в которых бы рассматривалась социальная структура всего городского населения БССР в 1920–1930-е гг., основанных на данных трех всесоюзных переписей межвоенного периода. Это связано с тем, что данная проблема не была исследована в силу засекреченности до конца 1980-х гг. основного массива документов и материалов. Выявленные архивные материалы, которые еще недавно

имели гриф «совершенно секретно», позволяют по-новому увидеть социальный облик городского населения БССР, изменившийся после переписи 1926 года. Данные всесоюзных переписей 1937 и 1939 годов опубликованы не полностью и представлены в основном сведениями в целом по СССР [5, 6]. В связи с этим, информацию об изменениях в составе городского населения БССР считаем целесообразным представить с максимальным количеством новых данных, учитывая объём возможной публикации (таблицы составлены и проценты рассчитаны автором).

Первые два десятилетия Советской власти ознаменовались трансформацией всех сторон жизни общества, вызванной мобилизационной модернизацией, особенно в 1930-е гг. В Беларуси эти процессы проходили еще и в условиях белорусизации, которая способствовала прогрессивному изменению социокультурного облика титульного этноса.

В 1920-е гг. НЭП коренных изменений в структуру экономики БССР не внесла. Слабое развитие промышленности в БССР, преобладание сельского хозяйства и населения (около 84%) свидетельствовали об ее хозяйственной отсталости. В 1926 г. из 3 142 тыс. самодеятельного населения БССР 382,3 тыс. или 12,2% приходилось на городское население. Из них 68,6 тыс. городского населения было занято сельским хозяйством. Не связанных с сельскохозяйственной деятельностью среди горожан было 313,7 тыс. или 10%. Среди них рабочие составляли 66,2 тыс., служащие – 75,8 тыс., лица свободных профессий – 1,9 тыс., хозяева с наемными рабочими – 3,6 тыс., хозяева, работающие только с членами семьи, и члены артели – 9,0 тыс., одиночки – 36,6 тыс., члены семьи, помогающие в занятии – 7,0 тыс., лица не имеющие или не указавшие занятия – 40,1 тыс., безработные – 21,9 тыс. и военнослужащие – 51,6 тыс. человек. Рабочих и служащих, как основной категории по советской социальной стратификации, занятых своей деятельностью непосредственно в городах и городских поселениях, было 142 тыс. или 45,3%. Доля женщин в составе занятого городского населения составила, без учета занятых в сельском хозяйстве, среди рабочих 23,7% (белорусок – 18,6%), а среди служащих соответственно – 38,0 и 24,8% [4, с. 2–3].

Данные таблицы 1 [7, л. 143-147] свидетельствуют о том, что в конце рассматриваемого периода индустриальная республика не была. Выделенный переписью набор и перечень рабочих специальностей, специальностей служащих тому свидетельство. Все они были сгруппированы в 39 групп. В каждую из групп были включены определенные профессии. Из-за ограниченного объема

публикации в некоторых группах нами оставлен перечень, который может вызвать, на наш взгляд, интерес у читателя.

Индустриализация и модернизация основывались на применении сложной техники и новых технологий, что требовало подготовки значительного количества соответствующих рабочих и инженерно-технических кадров (см. таблицу 2). Необходимым количеством таких кадров республика не располагала и в конце 1930-х годов, хотя сдвиги и достижения были очевидными. Данные Всесоюзной переписи населения 1937 г. дают основание считать, что все перечисленные категории населения нельзя назвать рабочим классом. Такая профессиональная разбивка дана и по рабочим городов СССР [6]. Определенная часть городского населения (в основном это население бывших местечек, переведенные в статус городских поселений) была по-прежнему связана с сельским и лесным хозяйством.

Таблица 1 – Рабочие городов БССР в 1937 г.

Занятия	Мужчины	Женщины	Оба пола	% женщин
ВСЕГО	193826	122996	316822	38,82
I. Сельскохозяйственные занятия	5679	3320	8999	37,00
II. Занятия в лесном хозяйстве и сплаве	1151	37	1188	3,11
III. Занятия в рыболовстве и охоте	212	32	244	13,11
IV. Горнорабочие	785	192	977	19,65
V. Металлисты	36066	1905	37971	5,02
VI. Деревообделочники	17792	6226	24018	25,92
VII. Писчебумажники	737	757	1494	50,67
IX. Текстильщики	2406	13908	16314	85,25
X. Швейники	5554	16141	21695	74,40
XI. Кожевники	2276	2374	4650	51,05
XII. Обувщики	8364	1845	10209	18,07
XIII. Пищевики	4903	5496	10399	52,85
XIV. Химики	1125	1766	2891	61,09
XV. Минеральщики	3793	2446	6239	39,21
XVI. Строители	26160	1956	28116	6,96
XVII. Железнодорожники	8188	1141	9329	12,23
XVIII. Водники	945	31	976	3,18
XIX. Прочие транспортники	18224	788	19012	4,14
XX. Рабочие силовых установок	4686	460	5146	8,94
XXI. Работники питания	1125	3906	5031	77,64
XXIII. Прочие занятия рабочих, колхозников, кустарей	27271	18237	45508	40,07
XXIV. Младший медицинский персонал	632	5051	5683	88,88
Заведующие детяслями		42	42	100
Санитары, сиделки, няни	216	4810	5026	95,70
Прочий младший медицинский	416	199	615	32,36

персонал				
XXV. Младший персонал связи	505	321	826	38,86
Письмоносцы	505	321	826	38,86
XXVI. Прочий младший обслуживающий персонал	13837	30674	44511	68,91
Дворники	1046	735	1781	41,27
Сторожа	10732	737	11469	6,43
Швейцары, служители	447	540	987	54,71
Курьеры, рассыльные	162	661	823	80,32
Уборщицы	623	15950	16573	96,25
Истопники	530	212	742	28,57
Официанты, подавальщицы	49	3483	3532	98,61
Баншики(цы)	65	37	102	36,27
Прочий младший обслуживающий персонал	183	400	583	68,61
Домработницы		7919	7919	100

Самые высокие показатели занятых в этих отраслях были у белорусов и поляков, что подтверждается данными таблицы 3. Зафиксированные переписью сведения о наличии в БССР горнорабочих следует считать как имеющих данную профессию, т. к. угольной отрасли в рассматриваемый период в республике не существовало. Это шахтеры (или бывшие или находящиеся в отпуске) Донбасса или других регионов страны. В 1939 г. перепись зафиксировала в городах уже 969 горняков [1, л. 31]. На наш взгляд, искусственно причислены к рабочим лица имеющие занятия, указанные в пунктах XXIII – XXVI таблицы 1.

По данным переписи 1939 г. в городах БССР зафиксировано 325 788 рабочих, из которых женщины составляли 39,2% [2, л. 5]. Из числа рабочих исключены официанты и подавальщицы. Лица, перечисленные в п. XXIV переписи 1937 г. по переписи 1939 г. отнесены к медработникам. Выделена отдельная группа (расширена по перечню занятий) – «Прочие занятия рабочих». Она выросла за счет дворников, сторожей, уборщиц, домработниц и других категорий, которые по переписи 1937 г. составляли младший обслуживающий персонал. Есть все основания считать, что численность рабочих была увеличена по идеологическим и политическим соображениям.

Приведенные в таблице 2 [7, л. 147–149] данные свидетельствуют, что в городах среди служащих преобладали младший обслуживающий персонал, торгово-хозяйственные кадры, планово-контрольный, учетный и делопроизводственный персонал, управленцы. Инженерно-технические кадры по нашим подсчетам составили около 8 тыс. человек или немногим более 5 % от всех служащих.

Таблица 2 – Служащие городов БССР в 1937 г.

Занятия	Мужчины	Женщины	Оба пола	% женщин
Всего служащих	94 845	60 743	155 588	39,0
XXVII. Руководящий персонал	13389	2499	15888	15,73
Председатели колхоза	399	20	419	4,77
Руководители предприятий, учреждений и их отделов	12990	2479	15469	16,03
XXVIII. Юридический персонал	679	113	792	14,27
XXIX. Технический персонал	13338	3914	17252	22,69
А. Высший персонал	2993	597	3590	16,63
Агрономы	593	237	830	28,55
Инженеры, архитекторы	1965	254	2219	11,45
Лесничество, таксаторы	233	21	254	8,27
Прочий высший технический персонал	202	85	287	29,62
Б. Средний персонал	8438	3123	11561	27,01
Землемеры, землеустроители, топографы	498	31	529	5,86
Мастера	1006	156	1162	13,43
Агротехники, зоотехники	391	133	524	25,38
Техники	3599	990	4589	21,57
Производители работ	783	18	801	2,25
Начальники станций и их помощники	520	89	609	14,61
Капитаны судовые и их помощники	139	2	141	1,42
Лоцманы	3		3	0
Прочий средний технический персона	1499	1704	3203	53,20
В. Низший персонал	1889	31	1920	1,61
Десятники	1535	27	1562	1,73
Дорожные мастера	298	1	299	0,33
Прочий низший технический персонал	56	3	59	5,08
Г. Чертежники	108	163	271	60,15
Чертежники	108	163	271	60,15
XXX. Торговый и хозяйственный персонал	20739	10935	31674	34,52
XXXI. Планово-контрольный персонал	6703	2411	9114	26,45
XXXII. Учетный персонал	13337	14377	27714	51,88
XXXIII. Делопроизводственный персонал	1893	5154	7047	73,14
XXXIV. Медико-санитарный персонал	2254	7137	9391	76,00
XXXV. Научный и культурно- просветительный персонал	6980	10408	17388	59,86
XXXVI. Работники искусства	1808	622	2430	25,60
XXXVII. Работники связи	477	2268	2745	82,62
XXXVI. Работники охраны безопасности	9426	52	9478	0,55
XXXIX. Прочие служащие	3822	803	4625	17,36
Парикмахеры	1474	471	1945	24,22
Служащие прочих специальностей	6	8	14	57,14
Служащие без обозначения специальности	2342	324	2666	12,15

Из таблицы 3 [3, л. 1–3, 6, 10, 12–14, 17, 21] видно, что мужчины (около 80% белорусов, 73,6% поляков и 62,3% евреев) были заняты в отраслях материального производства. В этих отраслях трудилось 58% белорусок. Затем шли украинские женщины, польки и русские. Более 55% евреек было занято в нематериальном производстве. Каждая пятая из них работала в торговле и общественном питании.

Численное преобладание (в большей степени среди сельского населения и частично в городах) мужчин среди русских, украинцев, на наш взгляд, следует увязывать со службой в частях Белорусского военного округа, а также в связи с притоком рабочих и специалистов (в основном русских и украинцев) на строящиеся и действующие заводы и фабрики. Поэтому, как видно из таблицы 3, у русских и украинских мужчин оказался самый высокий показатель среди нераспределенных по отраслям народного хозяйства.

Таблица 3. – Распределение основных национальностей городского населения по отраслям народного хозяйства в 1939 г. (в % к итогу)

Национальности	Пол	Лесное хозяйство	Сельское хозяйство	Промышленность	Строительство	Транспорт и связь	Торговля и общепит	Жилкомхоз	Госучреждения	Здравоохранение	Просвещение, наука, искусство, печать	Не распределено по отраслям народного хоз.
Белорусы	м	1,8	10,6	35,8	11,1	13,2	7,4	2,0	9,4	1,7	4,8	2,3
	ж	0,3	10,5	39,6	2,2	5,8	9,6	3,3	4,6	9,4	9,0	5,7
Русские	м	0,6	2,2	15,8	8,1	6,6	2,8	1,0	5,7	0,8	3,0	53,3
	ж	0,3	4,6	39,3	2,8	6,8	10,3	3,6	6,3	10,2	9,6	6,2
Украинцы	м	0,9	3,3	18,9	10,4	10,1	3,9	1,2	5,6	1,0	2,6	42,3
	ж	0,2	5,5	39,2	3,8	6,7	10,8	3,3	3,7	11,0	8,6	7,3
Евреи	м	1,1	2,1	46,6	7,8	4,7	17,7	3,4	6,8	2,5	5,9	1,4
	ж	0,5	1,7	38,9	1,2	2,4	20,9	2,4	9,1	9,7	12,3	1,0
Поляки	м	1,8	8,2	45,7	9,1	8,8	7,4	2,4	6,7	2,3	6,6	1,0
	ж	0,3	5,3	42,8	1,2	4,8	10,1	4,5	3,7	10,7	10,8	5,8

Есть основание считать, что численный перевес и в городах, и в сельской местности женщин над мужчинами у белорусов и поляков связан со службой в армии (больше характерно для белорусов), учебой и работой за пределами БССР, а также с репрессивной политикой, которой в большей степени было подвергнуто мужское население.

К концу 1930-х годов в основном была решена одна из главнейших задач государственной национальной политики –

сформированы инженерно-технические, сельскохозяйственные, педагогические и медицинские национальные кадры. С показателем 82,6 на 1 000 человек всего населения по числу лиц, получивших среднее и высшее образование, БССР была на пятом месте после Грузии, Украины, Армении и РСФСР. Институтами социального контроля ломались культурные традиции и гендерный статус в системе подготовки кадров высокой квалификации.

По национальному составу белорусский город был более полиэтничным, чем деревня. Расчеты показали, что у белорусов и в конце 1930-х годов была самая низкая степень урбанизации (19,9%), тогда как у евреев она составляла 87,8%, у русских – 50,0, украинцев – 42,7, поляков – 30,8, немцев – 39,1, латышей – 35,4, татар – 50,2, литовцев – 40,9, цыган – 22,8, прочих – 37,1% [1, л. 12].

Очевидно, опыт, в том числе и отрицательный, переписи 1937 г. был учтен. В общих данных переписи 1939 г. о горожанах, имеющих занятия, социальный облик их представлен более адекватно. Из 626 866 человек, имеющих занятие, рабочие составили 325 788 (52,0%), служащие составляли 209 285 (33,4%), колхозников было 45 387 (7,2%), кооперированных кустарей – 35 195 (5,6%), некооперированных кустарей – 7 054 (1,1%) и крестьян-единоличников – 4 157 9 (0,7%) [2, л. 5]

Абсолютное большинство населения БССР было занято в сельском хозяйстве еще и потому, что республика входила в западную пограничную полосу СССР. Это обуславливало специфику экономического, политического, социального и культурного развития, являлось сдерживающим фактором роста промышленности, особенно ее машиностроительной отрасли, имевшей оборонное значение.

В условиях белорусизации титульный этнос становился мобильным. Однако более низкий образовательный уровень белорусов, о чем автор писал в специальных статьях, по сравнению с представителями других национальностей, проживавших в республике в конце 1930-х гг., еще сдерживал их производственно-профессиональную активность, что влияло на социокультурные процессы в БССР. В целом проблема профессионального и этносоциального облика городского населения, занятого в различных отраслях экономики требует специального исследования, чтобы выявить его настоящую, а не завышенную численность и показать его подлинную, а не идеологизированную роль в обществе, насколько социокультурный облик рабочих, инженерно-технических работников, служащих, интеллигенции соответствовал индустриальному развитию и республик в конце 1930-х годов.

Такой подход к изучению обозначенной проблемы дает возможность, на наш взгляд, адекватно оценить закономерности социальной динамики населения, выявить процессы формирования советского народа как общности и белорусов как нации.

Даже такой краткий анализ социального состава городского населения по оригинальным материалам переписей позволяет сделать вывод о том, что структура городского населения БССР в конце 1930-х годов была намного богаче и разнообразнее, чем простое и, скорее, условное деление его на рабочих и служащих. Социальный состав горожан дает основание считать, что советская модернизация начала внедрять ценности индустриального развития в массовое сознание крестьянской страны, совмещать принципы индустриализма с существовавшей традиционностью.

Список использованных источников и литературы

1. БССР // Всесоюзная перепись населения 1939 года / Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 336. Д. 257.
2. БССР / РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 429.
3. БССР / РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 912.
4. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XXVII. М. : ЦСУ СССР, 1928. 156с.
5. Всесоюзная перепись населения 1939 года : Основные итоги / Под ред. Ю.А. Полякова. М. : Наука, 1992. 256с.
6. Всесоюзная перепись населения 1937 года : Общие итоги. Сб. док. и материалов. М. : РОССПЭН, 2007. 320с.
7. Занятия рабочих и служащих городов БССР / РГАЭ.Ф. 1562. Оп. 329. Д. 144.

УДК 614.2+613 (476.2)

М. Е. АБРАМЕНКО

(УО «Гомельский государственный
медицинский университет»)

ПРИНЦИП ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В ЗДРАВООХРАНЕНИИ БЕЛАРУСИ : ИСТОКИ И ТРАНСФОРМАЦИИ

В статье дается анализ становления советского здравоохранения в СССР. Отражено формирование основных составляющих принципа государственности новой системы здравоохранения. Рассмотрены причины огосударствления советской

медицины, в т.ч. в Беларуси. Обозначены проблемы реформирования здравоохранения на современном этапе.

Проблемы заболеваемости и здравоохранения неизбежно порождают определенные отношения между врачом и пациентом, государством и гражданином. Ныне, когда в существующей системе политических идеологий популярны либеральные идеи, большой интерес представляют дискуссии о роли государства в регулировании соотношения экономической свободы и социальной справедливости.

Не углубляясь во времена христианизации Руси и раннефеодальной эпохи отметим, что вплоть до XVI в. медицинское дело не входило в юрисдикцию центральной государственной власти. Деятельность медиков регламентировалась на локальном или региональном уровне светскими и церковными феодалами.

По мере совершенствования государственного устройства России медицинское дело стало претерпевать реорганизацию. Была создана государственная администрация: медицинская канцелярия во главе с главным врачом – архиатром, создана служба военных госпиталей и госпитальных школ для подготовки врачей. С 1836г. все управление медициной было сосредоточено в руках медицинского департамента Министерства внутренних дел.

В XIX в. рост промышленного производства в Европе обусловил увеличение числа городов и городского населения, что вызвало огромные социальные последствия. В ряде стран выдающиеся деятели общественной медицины пришли к пониманию необходимости более активного вмешательства государства в дело санитарно-промышленного надзора.

Первая реформа, касающаяся всего государства и всех его медицинских учреждений было осуществлено во Франции в 1822 г. Эта реформа и предложенная ею структура стала прообразом для других стран Европы, хотя они конечно, не относились ко всему населению и не обеспечивали бесплатной или даже льготной медицинской помощи. На уровне правительств создавались главные ведомства, санитарные советы, санитарные кодексы. Это послужило основой для первых шагов социального страхования. В Германии в конце 80–90 гг. XIX ст. были приняты законы Бисмарка по социальному страхованию, включающие и обеспечения медицинской помощью за счет средств предпринимателей, взносов самих трудящихся и средств государственного бюджета.

В западноевропейских странах, в которых медицина развивалась в условиях относительно зрелых капиталистических отношений, где уже было развито предпринимательство, велись взаимные расчеты пациента с врачом или медицинской организацией.

В русской земской медицине, возникшей позднее, расчет за медицинскую помощь велся не путем прямой выплаты пациентами, а путем налогового обложения. Эту практику поддерживала часть земских врачей, другая, говоря об обеспечении медицины, оценивая возможности населения в оплате лечения, выступала за бесплатную медицинскую помощь. В Беларуси врачи придерживались подобных взглядов.

Выступая на первом съезде врачей Минской губернии С. Д. Каминский (будущий Нарком здравоохранения БССР) отмечал «быть или не быть медицинской помощи платной или бесплатной, является вопросом двух миров, а за кем из них останется победа, нетрудно предвидеть... народу должна быть представлена бесплатная медицинская помощь» [1].

Несколько позже опять определенная часть врачей Беларуси реагируя на введение закона об организации медицинской помощи фабрично-заводскому населению от 23 июня 1912 г. утверждала, что «фабричная медицинская помощь должна строиться на принципах бесплатности» [2]. Эта позиция отражала левые, социалистические воззрения медицинской интеллигенции.

В ходе затяжного общероссийского кризиса начала XX в. проблемы охраны здоровья и улучшения социально-экономического положения стали отражаться в программных документах создаваемых политических партий. С наиболее радикальными предложениями по охране труда и улучшению санитарно-гигиенического состояния выступили партии социалистической направленности: эсеры и социал-демократы. Организацию бесплатной медицинской помощи населению предлагалось возложить на предпринимателей. Национально ориентированная Белорусская социалистическая громада также включила в свою программу требование «даровой» врачебной помощи [3].

Общественное демократическое движение способствовало организации больничных, страховых касс и принятию специального правительственного постановления по социальному страхованию 1912 г., включающему медицинское страхование. Однако, единая общегосударственная система здравоохранения в России до 1917 г. не сложилась.

Первые декреты советской власти создали предпосылки для решения задач по сохранению жизни и здоровья населения, провозглашенных правительством в числе первоочередных. Борьба с эпидемиями и болезнями в масштабе страны после многолетней войны требовала организационного единства здравоохранения, ликвидации ведомственной раздробленности, создание

государственной сети больниц и аптек. Это возможно было решить только при наличии государственной системы здравоохранения.

Наряду с созданием самостоятельного и полноправного комиссариата здравоохранения – Наркомздрава, формированием местных органов здравоохранения, проведением национализации лечебных и профилактических учреждений правительством Советской России были сделаны и другие важные шаги, которые придали принимаемым мерам комплексность и последовательность. Однако не все представители медицинской общественности их одобрили. Не безынтересна реакция «пироговцев», не приветствующих начинания новой власти в организации лечебно-санитарного дела. «Разница между позицией земских медицинских работников и позицией советских медицинских лидеров, – отмечали они, – только та, что, земские врачи с совершенно открытыми глазами смотрели на то, что в условиях русской действительности из этих принципов можно реализовать и чего нельзя; у советских же деятелей этих открытых глаз, этой меры того, что возможно и невозможно, очевидно, нет» [4].

Идеи государственной медицины были подтверждены VIII съездом РКП(б) и изложены в специальном разделе новой программы партии. В нем отмечалось, что медицинская помощь должна быть доступна населению, чтобы больной был в состоянии пользоваться ею (вопросы приближения медицинской помощи к больному), во-вторых, чтобы она была бесплатной, и в третьих, чтобы она была квалифицированной [5]. И хотя в стране не имелось реальных экономических оснований, благодаря всеобъемлющему осуществлению принципа государственности, медицина была объявлена бесплатной, что и позволило реализовать на деле для большинства населения страны доступность к лечению.

Следует отметить, что вопрос платности и бесплатности медицины широко обсуждался в среде медицинской общественности. Известный врач-гигиенист, профессор П. Н. Диатроптов в 1921 г. вполне определенно выразил свое недоумение по тезису Народного комиссариата здравоохранения что бесплатная помощь является гордостью советской медицины. Более того он отметил, что «такой подход не нашел применения на Западе, и что среди европейцев укрепился взгляд, что население бережет и ценит то, что ему дается не даром» [6].

Широко декларируемый принцип бесплатности играл длительное время пропагандистскую роль, с экономической точки зрения никаких бесплатных услуг не существовало. Все бесплатные фонды и социальное обеспечение, в том числе и медицинское, образовывались

за счет прямых недоплат за труд и вычетов из заработной платы, в виде налогов.

По сути дела в условиях общинного (коллективистского) сознания, здоровье человека в СССР ему не принадлежало, оно во многом было «общенародным достоянием» и государство обязано было его хранить. Это и стало основой концепции советского здравоохранения.

Декларируемая бесплатная помощь оказывалась не для всех категорий населения. В число привилегированных вошли застрахованные рабочие. От платы освобождались члены профсоюза, иждивенцы и беднейшее население по справкам органов социального обеспечения. Бесплатность для застрахованных сочеталась с платными услугами для всех остальных.

Процесс укрепления государственной медицины был весьма динамичен. Объединение многочисленных медицинских организаций: страховых, земских, фабрично-заводских, краснокрестных, благотворительных и даже военных в Беларуси прошло организовано и быстро, излишне быстро. Ведь Наркомздраву еще во время его создания вменялся не диктат в деле собирания медицины, а «объединение и согласование медико-санитарной деятельности местных Советов депутатов, содействие решению медико-санитарных задач» [7]. Тем более, что идее объединения и привлечения широкой общественности отвечали реально созданные многочисленные общественные советы, комиссии, организации, которые выдвигали варианты своего понимания устройства прочной инфраструктуры здравоохранения на твердой экономической основе. Вполне обоснованные предложения выработывались при передаче аптек на хозрасчет, объединении организаций, производящих медтехнику и изготавливающих лекарственные средства, создании первых санитарно-противоэпидемических станций. На совершенствование новых экономических отношений требовалось время, но перед руководителями государства в тот момент стояла первостепенная задача удержать политическую власть, отсюда и преобладание в практике хозяйствования политических интересов и решений. Это относилось и к здравоохранению, где экономические задачи стали перемещаться на будущее. Вполне показательна в этом плане судьба развития социального медицинского страхования, которое являлось важной составной частью советского здравоохранения. После революции в стране существовали две медицины: подчиненная Наркомздраву, объединявшая городскую и земскую медицину, и страховая рабочая медицина, имевшая свою материальную базу.

После решения СНК РСФСР в феврале 1919 г. о передаче всей лечебной части бывших больничных касс Наркомздраву, рабочая страховая медицина практически перестала существовать. В период новой экономической политики, многоукладности хозяйства, введения социального страхования всех занятых по найму, определили необходимость возвращения к элементам страховой медицины. 15 ноября 1921 г. декретом СНК РСФСР вновь было введено социальное страхование всех лиц наемного труда вместо социального обеспечения всех трудящихся, установленного в годы военного коммунизма. 19 декабря 1921 г. был издан декрет о социальном страховании в случае болезни. По этому декрету часть средств, поступающих в фонд социального страхования, передавалась органам здравоохранения на покрытие расходов по медицинскому обслуживанию застрахованных [8].

В губерниях создавались губернские отделения медпомощи застрахованным и страховые советы при них. Советы согласовывали деятельность отделений медпомощи с профессиональными и страховыми организациями и заинтересованными ведомствами. В совет входили представители отделения медпомощи, ГСПС, управления соцстраха, ГСНХ, губохрантруда, союза «Медикосантруд». В ведении этого совета находилась организация медицинской помощи застрахованным, установление норм этой помощи, распределение основного лечебного фонда. С самого начала между органами здравоохранения и социального страхования возникли противоречия в том, кто должен распоряжаться страховочным фондом или фондом «Г». Медработники считали, что вывод средств фонда «Г» из-под их контроля приведет к расходованию средств страховыми кассами не по назначению. Кроме того, вывод фонда, по мнению Наркомздрава, грозил нарушением принципа единства медицины, ибо органы страхования, если бы им было представлено право выделять средства на медпомощь по своему усмотрению, стремились бы к восстановлению рабочей страховой медицины. В конце 1923 г. Наркомтруд РСФСР принял декрет о фонде «Г» в пользу органов здравоохранения, но в жизнь он претворялся очень медленно. В Беларуси на 1 октября 1925 г. количество застрахованных составило 80 248 чел. За последующий год число застрахованных возросло до 102 696 чел.. Вместе с иждивенцами они насчитывали 272 645 чел. или 6,6% к общему количеству рабочего населения [9]. Как видно, имела место тенденция роста и возможного укрепления страховой медицины. Однако, в силу существующих тогда представлений, руководство Наркомата здравоохранения республики последовало за примером решения

проблемы в РСФСР. Так, в здравоохранении Белоруссии, институт рабочей медицины был окончательно изжит в 1927 г.. СНК БССР своим решением ликвидировал все ее отделы, выполняемый ими объем работ был передан органам здравоохранения. «Ответственность за организацию медицинской помощи застрахованным на местах, – отмечалось в документе, – и за расходование фонда медицинской помощи застрахованным в соответствии с утверждаемой сметой возлагается на НКЗ» [10].

Так были осуществлены планы 1-го съезда медико-санитарных отделов РСФСР, в которых предусматривалось, что при распространении страхования на всех работающих произойдет организационное слияние государственной и страховой медицины. Руководители Наркомздрава пришли к выводу о недопустимости параллельного существования двух медий – «страховой» и «советской», лишив права на существование одного из источников финансирования отрасли.

Таким образом, существовавшие альтернативные источники финансирования здравоохранения, кроме государственного не получили своего развития. Учитывая опыт прошлого, стратегия развития экономики здравоохранения республики должна предусматривать преимущественно государственную систему на основе многопрофильного финансирования с развитой системой медицинского страхования. Это может быть осуществлено при достаточно стабильной экономике в целом по стране, развитой системе хозрасчетных отношений в отрасли, доверии населения к государственным и частным медицинским учреждениям.

Конституционное право граждан на бесплатную медицинскую помощь долгое время было обусловлено идеологическими представлениями. В нынешнее время нет оснований полагать, что они быстро изменятся. Поэтому очень важна сегодня болезненная для населения и сложная для властных структур практика поиска оптимальных решений по реформированию отрасли, сохранению при этом, того положительного, что накоплено здравоохранением прошлого, не допускать имевших место ошибок в настоящем.

Список использованных источников и литературы

1. Каминский С. Д. Выступление на первом съезде врачей Минской губернии // Труды первого съезда врачей Минской губернии. 1908г. Минск : Губерн.управа, 1908. С. 126.
2. Труды третьего съезда врачей Минской губернии 9–12 января 1914 г. Минск : Общесво минских врачей, 1914. С. 467–470.

3. Программа Белорусской Социалистической Громады // Октябрь 1917г. и судьбы политической оппозиции. . Ч. 2 / под ред. Э. М. Энтина. Гомель, 1991. С. 116.
4. Заблудовский П. Е. О становлении советского здравоохранения // Советское здравоохранение. 1988. №6. С. 11.
5. VIII съезд РКП(б), 18–23 марта 1919г. Программа РКП(б) / КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций, пленумов ЦК. Т. 2. М. : Политиздат, 1983. С. 71–117.
6. Диатроптов П. Н. Гигиена и общественное мнение // Медіцинскій журнал РСФСР. 1921. №10–12. С. 804–805.
7. Соловьев З. П. Избранные произведения. Вопросы социальной гигиены и здравоохранения. М. : Медицина, 1970. С. 326.
8. Ленинские декреты о здравоохранении. / Под ред. Ю.А. Ахапкина. – М. : Медицина, 1970. С. 60–61.
9. Хазанов М.А. Заболеваемость застрахованных по Белоруссии // Бел. мед. думка. 1926. №10–11. С. 47–48.
10. Барсуков М.И. Охрана застрахованных в БССР за последние три года (1924–1927 гг.). Доклад на 2-м Всебелорусском съезде профсоюзов // Бел. мед. думка. 1928. №1. С. 3–20.

УДК 930(476):27-9(476)»192/193»

С. Ф. ВЕРЕМЕЕВ

(УО «Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины»)

ДОСТИЖЕНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ УЧЁНЫХ В ОБЛАСТИ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ХРИСТИАНСКИХ КОНФЕССИЙ В БЕЛАРУСИ В 1920–1930-Е ГОДЫ

В статье рассматриваются основные научные достижения отечественных учёных в сфере изучения истории христианских конфессий в БССР и Западной Беларуси в 20-30-е гг. XX в. Выделены главные направления исследований белорусских советских историков по проблеме. Показан вклад в изучение истории христианских конфессий современных белорусских учёных, а также церковных историков.

Изучение истории христианства в Беларуси указанного периода начали уже современники. На протяжении 20–30-х гг. XX в. в БССР были опубликованы многочисленные работы антирелигиозного и антиклерикального содержания, ряд которых включал фактические

сведения о положении христианских конфессий на территории республики, представляющие научную ценность для современных исследователей (работы Д. Хайтуна, П. Копаевича, М. Завьялова, Б. Леванчука, С. Вольфсона и др.) [1; 2; 3].

В послевоенный период масштаб изучения истории конфессий в отечественной историографии увеличился. Большая часть работ 50–80-х гг. XX в. по проблеме была посвящена истории христианских конфессий в Западной Беларуси [4]. Отечественные учёные рассматривали экономическое положение и деятельность католического духовенства в регионе, распространение унии, анализировали причины количественного роста протестантских общин. Была поднята проблема численности католического духовенства и культовых сооружений в Западной Беларуси. Я. Мараш провёл подсчёты численности униатских приходов и самих приверженцев унии [5, с. 15]. Однако в целом, советские историки, руководствуясь марксистским тезисом о постепенном исчезновении религии в социалистическом обществе, не уделяли должного внимания конфессиональной тематике.

Наиболее плодотворно история христианских конфессий в БССР и Западной Беларуси 20–30-х гг. XX в. начала изучаться в постсоветский период. Одной из причин активизации научных исследований в данной сфере стало значительное расширение источниковой базы: был рассекречен большой массив делопроизводственной документации партийных и государственных органов БССР, польских органов власти, функционировавших в Западной Беларуси. У историков открылись возможности и для изучения архивных материалов ОГПУ-НКВД, для работы в зарубежных архивах. Положительное значение имела также публикация сборников документов, воспоминаний современников тех лет [6]. Особенностью современной отечественной исторической науки явилось включение в историографический контекст достижений белорусских эмигрантских историков, а также зарубежных исследователей по теме, преимущественно российских и польских. Монополия марксистско-ленинской методологии сменилась плюрализмом подходов к познанию прошлого и его оценок.

В постсоветский период в белорусской историографии сформировалась генерация исследователей, на профессиональном уровне изучающих историю христианских конфессий (В. Новицкий, И. Янушевич, А. Цымбал, А. Лебедев, А. Свирид, Т. Лисовская и др.). В 90-е гг. XX в. возрождается церковная историография, которая фактически прекратила своё существование ещё в первое десятилетие

советской власти. Термин «церковная историография» охватывает совокупность работ православных, римско-католических, греко-католических, протестантских авторов. Среди них преобладают православные историки (священники Ф. Кривонос, В. Горидовец, Д. Шиленок, А. Хотеев и др.).

На современном этапе сложилась традиция проведения научных конференций международного и республиканского уровня, посвящённых различным аспектам конфессиональной истории Беларуси («Религия и общество» в Могилёве, «Этносоциальные и конфессиональные процессы в современном обществе» в Гродно и т.д.). Можно отметить конференции, посвящённые 1000-летию Полоцкой епархии и христианства в Беларуси (1992 г.), 400-летию Брестской церковной унии (1996 г.), старообрядчеству (2003 г.), 1025-летию Крещения Руси (2013 г.) и т.д. Отечественные историки, занимающиеся изучением истории христианства, принимают участие и в научных конференциях, проходящих в других странах, публикуют за рубежом свои работы [7; 8]. Результаты изучения истории христианских конфессий получили отражение в диссертациях, монографиях, научных публикациях, энциклопедических изданиях. Сюжеты, связанные с историей христианских конфессий, впервые появились на страницах обобщающих трудов по истории Беларуси, энциклопедических изданий.

Новейшие исследования белорусских учёных позволили пересмотреть и значительно расширить представления о государственно-конфессиональных отношениях в БССР в 20–30-е гг. XX в. Было признано, что официально провозглашённая советскими властями свобода совести на деле не осуществлялась, а духовенство и верующие подвергались преследованиям по религиозным причинам [9, с. 156–157; 10, с. 171–172].

В научной литературе подробно описано проведение кампании по изъятию церковных ценностей в БССР в 1922 г., раскрыта позиция представителей христианских конфессий в данном вопросе [11; 12, с. 41–46]. Отечественные историки пересмотрели оценки эффективности антирелигиозной кампании в БССР. Введённые в научный оборот факты позволили сделать вывод о том, что антирелигиозные мероприятия советских властей были неэффективны, а в республике в конце 30-х гг. XX в. сохранялось значительное число верующих [13].

Исследования И. Янушевича раскрывают особенности положения православной церкви в БССР в 20-е гг. XX в., развитие обновленческого движения внутри церкви [14]. В работах постсоветского времени большое внимание было уделено

осмыслению роли епископа Мелхиседека (Паевского) в противодействии обновленчеству на территории Минской епархии. В. Новицкий является автором статьи об обновленцах в БССР, в основу которой были положены неизвестные ранее архивные материалы, в том числе и связанные с деятельностью ОГПУ [15]. Исследования В. Новицкого убедительно показывают роль ОГПУ в становлении и развитии обновленчества.

Положение протестантских общин в БССР, причины увеличения численности протестантов рассматривались в работах В. Новицкого, И. Янушевича [9, с. 192–195; 14, с. 116–122].

Одним из главных достижений постсоветской отечественной историографии является установление многих имён репрессированных советскими властями представителей духовенства (епископов, священно- и церковнослужителей, верующих), обстоятельств их жизненного пути, ареста и последующей трагической участи [16].

В юбилейные дни исторического факультета ГГУ им. Ф. Скорины самое время сказать и о том, какой вклад внесли гомельские историки в изучение истории христианских конфессий. А. Лебедев провёл специальное исследование политики советских властей по отношению к Римско-католической церкви в БССР в период 1919–1929 гг. [12]. Он выделил основные этапы и направления данной политики, проанализировал проблему численности католического духовенства, верующих, культовых сооружений, влияние внешней политики на позицию советских властей в отношении костёла. В. Пичуков изучал религиозную жизнь представителей национальных меньшинств в регионе [8]. Названные историки, а также настоятель гомельского костёла Рождества Божией Матери кс. Славомир Лясковски являются составителями сборника по истории Римско-католической церкви на Гомельщине [17]. Выпускники исторического факультета ГГУ им. Ф. Скорины С. Посталовский и Р. Рогинский фактически впервые обратились к специальному изучению истории старообрядчества в БССР в 20-30-е гг. XX в. Если С. Посталовский сконцентрировался в основном на теоретическом осмыслении повседневной жизни старообрядцев [18], то публикации Р. Рогинского представляют ценность, прежде всего, содержащимися в них фактическими сведениями по истории старообрядцев Гомельщины [19].

В ряде исследований отечественных учёных последних двух десятилетий рассматривается положение христианских конфессий на территории Западной Беларуси в 20-30-е гг. XX в., конфессиональная политика польских властей. А. Цымбал провёл

всестороннее исследование положения православной церкви в Западной Беларуси [20]. Историк рассмотрел важнейшие события церковной истории: провозглашение автокефалии, ревиндикацию, попытки белорусизации церкви, её полонизацию, деятельность «православных поляков».

Специального исследования положения римско-католической церкви на территории Западной Беларуси в 20-30-е гг. XX в. в отечественной историографии пока ещё нет. Вместе с тем, благодаря работам В. Новицкого, И. Третьяка были скорректированы представления о роли католического духовенства в развитии региона как исключительно реакционной и полонизаторской [21]. Благодаря их работам известно, что многие священнослужители в тот период занимали белорусские национальные позиции, в том числе А. Станкевич, В. Годлевский, В. Толочко и др.

А. Свирид является автором наиболее обстоятельного в белорусской историографии исследования истории униатской церкви в Западной Беларуси в 20–30-е гг. XX в. [22]. Он проанализировал политику польских властей в отношении униатов, взаимоотношения униатов и православных, особенности униатского обряда, провёл собственные подсчёты численности униатов в тот период. А. Свирид показал, что в униатской церкви существовало не только белорусское, но и украинское и русское национальные течения.

В постсоветской отечественной историографии появилось специальное исследование истории неопротестантских общин в западнобелорусском регионе (пятидесятники, адвентисты, методисты и т.д.) [23]. Положительным сдвигом можно считать минимизацию использования в научной литературе термина «сектанты», имеющего, на наш взгляд, негативный оттенок. Исследователи большее предпочтение отдают термину «протестанты», либо его узкой вариации – «неопротестанты».

Существенный вклад в изучение христианства в 20–30-е гг. XX в. внесли церковные историки. Монография священника Ф. Кривоноса является наиболее полным на сегодняшний день исследованием положения православной церкви на территории БССР в 20–30-е гг. XX в. [24]. Автором единственной в белорусской историографии монографии, посвящённой обновленческому движению, является православный священник Д. Шиленок [25]. Диакон В. Костюк провёл достаточно основательное исследование положения православных в Западной Беларуси, преимущественно на территории Полесской епархии [26]. Большое внимание в работах церковных историков уделяется также проблеме репрессий [27]. Так, сведения о многих

пострадавших православных приводятся в монографии Ф. Кривоноса «У Бога мёртвых нет» [24].

Объём статьи не позволяет рассмотреть все достижения белорусских учёных в рассматриваемой сфере, поэтому мы остановились лишь на некоторых, ключевых из них. Историографический анализ показывает, что исследования отечественных учёных последних двух десятилетий позволили пересмотреть или скорректировать многие, свойственные советской историографии взгляды, существенно расширить и углубить научные представления по истории христианских конфессий в БССР и Западной Беларуси в 20–30-е гг. XX в., придать им целостный характер, что может послужить основой для концептуального осмысления истории христианства в Беларуси советского времени в дальнейшем.

Список использованных источников и литературы

1. Хайтун Д. Сучаснае сектанцтва на Беларусі. Менск : Беларус. дзярж. выд-ва, 1929. 72 с.
2. Завьялов М. Сектанство в губернии и формы антирелигиозной пропаганды // Изв. Гомел. Губерн. ком. Рос. Коммунист. партии. 1925. № 3. С. 74–78.; Леванчук, Б. Сектанцтва на Койданаўшчыне і праца, якая імі праводзіцца ў раёне // Сав. краіна. 1931. № 11. С. 23–31.
3. Вольфсон С. Я. Сучасная рэлігійнасьць : паводле матэрыялаў даслед. у БССР. Менск : Выд. Беларус. акад. навук, 1930. 118 с.
4. Курносав А. П. Католическая церковь идеологический защитник господства помещиков и буржуазии в западной Белоруссии (1919–1939 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук ; Акад. наук Беларус. ССР, Ин-т истории. Минск, 1969. 27 с. ; Гончаров Н. Н. Борьба трудящихся Западной Белоруссии против религии и церкви (1921–1939) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Вильнюс. гос. ун-т. Вильнюс, 1987. 22 с. ; Круглов А. А. Развитие атеизма в Белоруссии (1917–1987 гг.). Минск : Беларусь, 1989. 365 с.
5. Мараш Я. Н. Политика Ватикана и католической церкви в Западной Белоруссии (1918–1939). Минск : Беларусь, 1983. 96 с.
6. Русская православная церковь и коммунистическое государство, 1917–1941 : док. и фотоматериалы / Ин-т Рос. истории Рос. акад. наук, Рос. центр хранения и изучения док. новейшей истории (РЦХИДНИ) ; отв. ред. и авт. вступ. ст. Я. Н. Щапов ; сост. : А. С. Масальская [и др.]. М. : Библейс. -богослов. ин-т св. Апостола Андрея, 1996. 328 с. ; 3 жыцця і дзейнасці кс. В. Гадлеўскага / падрыхт. : А. Гесь, У. Ляхоўскі // Спадчына. 2006. № 1. С. 36–47.
7. Грыбоўскі Ю. Беларусы ў польскіх рэгулярных вайсковых фармаваннях 1918–1945. Санкт-Пецярбург : Неўскі Прасцяг, 2006. 832 с.

8. Пичуков В. Религия в жизни немцев белорусского Восточного Полесья в межвоенный период : люди и власть // Диаспоры. 2010. № 2. С. 38–65.
9. Навіцкі У. І. Змена канфесіянальнай палітыкі дзяржавы ў 20–30-я гг. XX ст. // Канфесіі на Беларусі (к. XVIII–XX ст.). Мінск : ВП Экаперспектыва, 1998. С. 155–234.
10. Старостенко В. В. Свободомыслие и свобода совести в Беларуси : очерки истории. Могилев. гос. ун-т. Могилев, МГУ, 2004. 266 с.
11. Врублевский А. Государство и церковь в Белоруссии в межвоенный период (1917–1941) // Репрессивная политика советской власти в Беларуси. 2007. Вып. 1. [Электронный ресурс] URL: <http://lib.psunbrb.by/bitstream/112/7890/1/3.pdf>. (дата обращения: 22.01.2011).
12. Лебедев А. Д. Политика советской власти по отношению к Римско-католической церкви в БССР (1919–1929 гг.). Минск : Респ. ин-т высш. шк., 2013. 196 с.
13. Навіцкі У. Разгром рэлігійных арганізацый // Гісторыя Беларусі : у 6 т. / рэдкал. : М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск, 2006. Т. 5 : Беларусь у 1917–1945 гг. / А. Вабішчэвіч [і інш.]. С. 328–335.
14. Янушевич И. И. Конфессиональная политика советского государства : уроки истории, 1917–1928 гг.. Минск : Белорус. гос. ун-т, 2005. 143 с.
15. Навіцкі У. Палітыка расколу Рускай праваслаўнай царквы ў Беларусі (1920-ыя гг.) // Беларус. гіст. часоп. 2003. № 2. С. 40–48; № 3. С. 18–24.
16. Маракоў, Л. Рэпрэсаваныя каталіцкія духоўныя, кансэкраваныя і свецкія асобы Беларусі, 1917–1964. Мінск : Смэлтак, 2009. 776 с. ; Маракоў Л. Рэпрэсаваныя праваслаўныя свяшчэнна- і царкоўнаслужыцелі Беларусі, 1917–1967 : энцыкл. давед. : у 2 т.. Мінск : Беларус. Экзархат, 2007.
17. Лебедев А., Пичуков В., Лясковски С. Костел и власть на Гомельщине (20–30-е годы XX в.). Варшава ; Люблин ; Гомель : IPN-IESW, 2009. 470 с.
18. Пасталоўскі С. А. Паўсядзённае жыццё старавераў у Беларусі ў 1920–1930-я гады // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. 2007. № 4. С. 51–56.
19. Рогинский Р. М. Старообрядчество Гомельщины и советская власть. 1920–1930 гг. (По архивным данным и устным источникам) [Электронный ресурс] // Старый Боровск. URL : http://www.borovskold.ru/content.php?page=lonuemcd_rus&id=93. Дата доступа : 03.05.2013.
20. Цымбал А. Г. Палітыка польскіх улад у адносінах да праваслаўнай царквы ў Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) : дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.02. БДПУ імя М. Танка. Мінск, 2008. 157 л.
21. Трацяк І. І. Беларускае каталіцкае духавенства ля вытокаў сацыякультурнай ідэнтыфікацыі. Гродна : ГрДУ, 2013. 367 с.

22. Свирид А. Н. Униатская церковь в Западной Беларуси (1921–1939 гг.). Брест. гос. ун-т. Брест : БрГУ, 2012. 218 с.
23. Лисовская Т. В. Неопротестантизм в Западной Беларуси в 1921–1939 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.. НАН Беларуси, Ин-т истории. Минск, 2009. 27 с.
24. Кривонос Ф. У Бога мертвых нет : неизвестные страницы из истории Минской епархии (1917–1939 годы). Минск : Мин. ф-ка цв. печ., 2007. 240 с.
25. Шиленок Д. Из истории православной церкви в Белоруссии (1922–1939) : «Обновленческий» раскол в Белоруссии. М. : Крутиц. патриаршее подворье, 2006. 216 с.
26. Василий (Костюк). История Полесской епархии (1922–1944). Брест : Брест. обл. тип., 1999. 148 с.
27. Синодик за веру и церковь Христову пострадавших в Минской епархии (1918–1951 годы) / сост. Ф. Кривонос. Киевец : Свято-Троиц. церковь, 1996. 98 с.

УДК 94(476): 94(47).084.8

М. Н. МУРАШКА, В. А. МІХЕДЗЬКА

(УА «Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Ф. Скарыны»)

АДНАЎЛЕННЕ ГАСПАДАРЧАГА ЖЫЦЦЯ НА ГОМЕЛЬШЧЫНЕ Ў 1943–1945 ГАДАХ

У артыкуле на падставе матэрыялаў гісторыка-дакументальнай хронікі «Памяць» адноўлены асноўныя накірункі аднаўлення гаспадарчага жыцця на Гомельшчыне пасля Вялікай айчыннай вайны; вызначаны асноўныя цяжкія аднаўленчага перыяду, паказаны метады савецкага кіраўніцтва па вырашэнні задач аднаўлення гаспадарчага жыцця.

Вызваленне Беларусі з-пад гітлераўскай акупацыі дала магчымасць прыступіць да аднаўлення зруйнаванай гаспадаркі і сацыяльна-культурнай сферы. Пачаліся гэтыя работы менавіта з Гомельшчыны, якая была вызвалена ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў пад час правядзення Чырвонай Арміяй Гомельска-Рэчыцкай, Рагачоўска-Жлобінскай і Калінкавіцка-Мазырскай наступальных аперацый. Яшчэ на беларускай зямлі ішлі баі, а ў вызваленых Гомельскай і Палескай абласцях пачаліся аднаўленчыя

работы. Як і іншыя бакі савецкай рэчаіснасці, іх прыярытэтныя накірункі і канкрэтны змест былі вызначаны вышэйшым партыйным кіраўніцтвам. Пастанова СНК СССР і ЦК УКП(б) «Аб неадкладных мерах па аднаўленню гаспадаркі ў раёнах, вызваленых ад нямецкай акупацыі» ад 21 жніўня 1943 г. вызначыла задачы, якія ўскладваліся на цэнтральныя і мясцовыя органы кіравання, па аднаўленні народнай гаспадаркі і ліквідацыі цяжкіх наступстваў вайны [1].

Адной з першых патрэб паўставала неабходнасць адбудовы сістэмы савецкага партыйнага, адміністрацыйнага і гаспадарчага кантролю над вызваленымі тэрыторыямі. У верасні 1943 г. ЦК КП(б)Б зацвердзіў абласныя, гарадскія і раённыя аператыўныя групы Гомельскай і Палескай вобласцей, якія павінны былі займацца аднаўленнем савецкіх органаў і іншых структур улады. Аднак кадравая праблема была даволі вострай – адчуваўся вялікі недахоп як кіраўнікоў, так і спецыялістаў усіх ўзроўняў, якія павінны былі вырашаць пастаўленыя задачы па аднаўленні гаспадарчага жыцця і сацыяльнай сферы. На кіруючыя пасады накіроўваліся ўдзельнікі партызанскага і падпольнага руху, а таксама былыя франтавікі, якія па стане здароўя не маглі быць мабілізаваныя ў дзеючую армію. Кіраўнікамі сталі Ф. Жыжанкоў, С. Лебедзеў, Е. Барыкін, В. Ледзянёў. Старшынёй Ельскага райвыканкама стаў былы камандзір 37-й Ельскай партызанскай брыгады А. Мішчанка, а сакратаром РК КП(б)Б – З. Чарнаглаз. У Брагіне старшынёй райвыканкама быў прызначаны былы партызанскі камісар П. Зіновіч. На вызваленай тэрыторыі аднавілі сваю дзейнасць сельскія саветы.

Першапачатковай задачай мясцовага кіраўніцтва было будаўніцтва і рамонт жылля, арганізацыя медыцынскага абслугоўвання насельніцтва, аднаўленне дзейнасці прадпрыемстваў і сельскагаспадарчай вытворчасці. Аднаўленчыя работы пачыналіся ў даволі цяжкіх сацыяльна-эканамічных умовах ваеннага часу. Ваенныя дзеянні і палітыка акупацыйных улад, якая праводзілася на беларускіх землях, прывялі да велізарных матэрыяльных і людскіх страт. Была знішчана і разрабавана амаль уся гаспадарка Гомельскай і Палескай вобласцей. у Гомелі былі цалкам былі разбураны і спалены чыгуначны вузел, суднарамонтны завод і 5 100 жылых дамоў [2, с. 278]. У Мазыры былі знішчаны ўсе прамысловыя прадпрыемствы, у іх ліку завод «Пралетарый», мясакамбінат, хлебазавод, дзве электрастанцыі, прадпрыемствы мясцовай прамысловасці [2, с. 309]. Матэрыяльны ўрон Жлобінскага раёна склаў каля 2,3 млрд., Стрэшынскага – 1,8 млрд. рублёў. Прамысловасць Жлобіна і жыллёвы фонд былі разбураны на 80–90% [4, с. 657].

Велізарныя страты панесла сельская гаспадарка Гомельшчыны. Так, у Кармянскім раёне былі знішчаны 3 машынна-трактарныя станцыі, ільнозавод, малакозавод, спіртзавод, маёмасць 105 сельгаспрадпрыемстваў, аб'екты сацыяльна-культурнага прызначэння. Агульныя страты па раёну склалі звыш за 1,25 млрд. руб. [5, с. 376]. У Гомельскім раёне былі разбураны 685 пабудоў, што належалі калгасам і саўгасам. Захавалася толькі 35 свірнаў, 21 стайня, 28 жывёлагадоўчых двароў [6, с. 12]. У шмат разоў скарацілася пагалоўе жывёлы. Значныя плошчы ворнай зямлі прыйшлі ў запусценне – пазарасталі хмызняком і пустазеллем, забалоціліся. Наступствы ваенных гадоў адкінулі далёка назад развіццё сельскагаспадарчай вытворчасці.

Адраджэнне эканомікі патрабавала не толькі матэрыяльных сродкаў, абсталявання, якіх катастрафічна не хапала. Існавала вялікая патрэба ў працоўных руках. Акрамя загінулых у баявых дзеяннях, вялікія страты былі і сярод цывільнага насельніцтва. У Гомельскай і Палескай абласцях за гады вайны было знішчана больш за 91,6 тысячы жыхароў, амаль 190 тысяч чалавек былі вывезены на прымусовую працу ў Германію [7, с. 158]. Толькі ў Рагачоўскім раёне каля 5 тысяч ураджэнцаў раёна не вярнуліся з вайны, больш за 8 тысяч жыхароў загінулі ў гады акупацыі, у Германію былі вывезены каля 1,5 тысяч чалавек [8, с. 461]. У выніку ваенных дзеянняў і карных аперацый у Хойніцкім раёне было спалена цалкам або часткова больш за палову вёсак. Людскія страты склалі бльш за 7 240 чалавек [9, с. 87].

Неадкладнай задачай стала забеспячэнне жыллём людзей, якіх трэба было перасяліць з зямлянак і прыстасаваных памяшканняў. Для патрэб будаўніцтва пачаўся выпуск прадукцыі на адноўленых цагельных заводах і на шклозаводзе ў Касцюкоўцы, была арганізавана нарыхтоўка драўніны. Дзейсныя меры па будаўніцтве і аднаўленні жылля прымаліся ў Брагінскім і Камарынскім раёнах. Створаныя ўдарныя брыгады працавалі на адбудове Камарынскага райпрамкамбіната, на нарыхтоўцы лесу і піламатэрыялаў [10, с. 284].

Будаўніцтва жылля для насельніцтва знаходзілася пад пастаянным кантролем як абласных, гэтак і мясцовых уладных структур. Так, ход будаўніцтва дамоў калгаснікаў быў разгледжаны на пасяджэннях Ельскага райвыканкама ў снежні 1944 г. і студзені 1945 г. У прынятых пастановах адзначалася, што стан будаўніцтва дамоў у Стара-Высокаўскім і Рэмезаўскім сельсаветах прызнаны незадавальняючым. У калгасах «Чырвоныя Верхі» і «Чырвонае Загацце» было пабудавана толькі па 2 дамы, у калгасе «Шлях камунізма» – 15 дамоў з неабходных 49. райвыканкам абавязаў

старшынь сельскіх саветаў і калгасаў арганізаваць будаўнічыя брыгады і прапанаваў выкарыстоўваць для перавозкі лесу і лесаматэрыялаў кароў калгаснікаў [11, с. 393]. Цяжкасці з нарыхтоўкай драўніны і дастаўкай яе на будоўлі мелі месца паўсюдна. Не хапала працаздольных мужчын – тысячы ваеннаабавязаных з вызваленай тэрыторыі былі прызваны ў дзеючую армію. Акрамя таго, па працоўнай мабілізацыі значная колькасць людзей, пераважна моладзь, з Гомельшчыны была накіравана на аднаўленчыя работы ў Данбас, Ленінград, Сталінград, Мінск, Віцебск, Гомель і інш. [12, с. 211].

Неадкладныя меры па ліквідацыі наступстваў акупацыі і аднаўленні гаспадарчага жыцця былі сфармуляваны ў пастанове «Аб бліжэйшых задачах Саўнаркама БССР і КП(б) Беларусі» ад 1 студзеня 1944 г. і рашэннях 6-й сесіі Вярхоўнага Савета БССР 1-га склікання, якая адбылася ў Гомелі ў сакавіку 1944 г. [13].

У складаных умовах працаўнікі вёскі Гомельшчыны правялі ў 1944 г. першую пасяўную. Частку зямель нельга было апрацоўваць з-за таго, што яны ўтрымлівалі рэшткі баепрыпасаў і ўзбраення. Для таго, каб вярнуць у севазварот страчаныя ў гады вайны палі, трэба было ажыццявіць іх размініраванне, ачысціць ад разбітай ваеннай тэхнікі, зброі і баепрыпасаў. У раёнах для гэтых мэт былі створаны спецыяльныя падраздзяленні і каманды. У Рэчыцкім раёне да гэтай працы было прыцягнута 120 інструктараў па падрыву і мінэраў, якія знішчылі больш за 3 тыс. супрацьтанкавых мін, каля 18 тыс. мінамётных мін і авіябомб, больш за 8 тыс. артылерыйскіх снарадаў [12, с. 205]. Каля 600 выбуховых прадметаў асабіста знайшоў і знішчыў інструктар па размініраванні Буда-Кашалёўскага райсавета Асавіяхіма В. Карчэўскі [14, с. 86]. Да сярэдзіны 1944 г. работы па размініраванні у асноўным былі завершаны ў 12 раёнах Гомельскай і 5 раёнах Палескай абласцей [7, с. 160].

Адразу пасля вызвалення тэрыторыі мясцовае кіраўніцтва праводзіла актыўную работу па аднаўленні калектыўных гаспадарак, якія ў гады вайны распаліся; па падбору кандыдатур іх кіраўнікоў. Як і ў час калектывізацыі адбываўся працэс абагульнення жывёлы і маёмасці. Так, у пастанове № 1 Ельскага райвыканкама і райкама КП(б)Б ад 18 студзеня 1944 г. было выстаўлена патрабаванне да жыхароў раёна ў трохдзённы тэрмін вярнуць маёмасць дзяржаўных і калектыўных прадпрыемстваў і ўстаноў [11, с. 286].

Аднак адразу ўзніклі вялікія праблемы з утрыманнем грамадскага статку. Не хапала хлявоў для жывёлаў, іншых неабходных памяшканняў, вострым было пытанне аб забяспячэнні кармамі. Кіраўнікі Свяцілавіцкага раёна, напрыклад, у дакладнай запісцы ў

аблвыканкам і абкам парты паведамлялі, што падрыхтаванае сена «проходящими воинскими частями взято и израсходовано, и кое-где оставшиеся стоги части Красной Армии продолжают забирать, несмотря на наши запреты, и как факт – район остаётся совершенно без грубых кормов» [15, с. 93].

Разам з тым, многія жыхары вызваленых населеных пунктаў адгукнуліся на патрабаванні мясцовых улад арганізаваць здачу ў фонд Чырвонай Арміі сельгаспрадуктаў, хаця самі мелі ў гэтым патрэбу і знаходзіліся ў вельмі цяжкім матэрыяльным становішчы. У канцы 1943 г. 8 сельскіх Саветаў Гомельскага раёна перадалі ў фонд больш за 1 тыс. цэнтнераў збожжа і 5 тыс. цэнтнераў бульбы, 326 цэнтнераў мяса [6, с. 250]. Аднак насельніцтва вёсак большасці сельскіх Саветаў, якія знаходзіліся ў паласе фронту, не змагло сабраць і захаваць ураджай 1943 г. з-за ваенных дзеянняў.

У сваю чаргу, улічыўшы складанасць становішча з аднаўленнем сельскагаспадарчай вытворчасці, Ваенны Савет 1-га Беларускага фронту 25 лютага 1944 г. прыняў пастанову «Аб мерах дапамогі з боку фронту ў аднаўленні гаспадаркі Беларускай рэспублікі». Вайскоўцы аказвалі дапамогу ў правядзенні вясенніх палявых работ. У дакладной запісцы аб выкананні пастановы Ваеннага Савета ў 48-й арміі адзначалася, што для калгасаў было «выделено для оказания помощи на местах рядового и сержантского состава 52 человека, агрономов – 1 человек, направлено кузнецов для ремонта сельхозинвентаря – 3 человека. Выделено для работы на весенне-полевой кампании 24 лошади» [12, с. 29].

З розных рэгіёнаў СССР на Гомельшчыну завозіліся трактары, аўтамабілі, коні, буйная рагатая жывёла. У красавіку 1944 г. для вызваленых раёнаў такая дапамога паступіла за Удмуртыі. Эшалон з Узбекскай ССР даставіў на Гомельшчыну 150 коней, 660 цэнтнераў ячменю, 10 трактараў [6, с. 269]. У калгасы Веткаўскага раёна з Яраслаўскай вобласці ў жніўні 1944 г. паступіла 250 галоў жывёлы, ва Ўваравіцкі раён – 320, у Буда-Кашалёўскі раён – 310 галоў. З трафейнага статку апошнія два раёны атрымалі 800 кароў і 850 авечак [15, с. 100; 14, с. 82].

Аднаўлялася дзейнасць МТС. У Гомельскім раёне калгасы абслугоўваліся 2 МТС, у якіх у чэрвені 1944 г. было 39 трактароў. Пры МТС былі адкрыты курсы на 65 чалавек па падрыхтоўцы трактарыстаў з ліку вясковай моладзі [6, с. 250]. У Буда-Кашалёўскай МТС мелася 20 трактараў, а ў Рагінскай – 28. Аднак тая тэхніка, якая паступала у якасці дапамогі ў вызваленыя раёны, была ў асноўным зношаная, нават некаторая частка яе знаходзілася ў нерабочым стане [14, с. 82].

Становішча з правядзеннем вясенніх палявых работ было даволі складаным. Не хапала тэхнікі, коней, нават прымітыўнага інвентару для апрацоўкі глебы. Каб не дапусціць зрыву пасяўной кампаніі СНК БССР і ЦК КП(б)Б, а таксама Гомельскі аблвыканкам і абкам КП(б)Б прынялі рашэнні аб выкарыстанні буйной рагатай жывёлы на сельскагаспадарчых работах. Так, Веткаўскі райвыканкам сваім рашэннем ад 18 сакавіка 1944 г. зацвердзіў план-заданне па прыцягненні да веснавых работ 600 калгасаў і калгаснікаў [15, с. 97]. Аднак эфектыўнасць выкарыстання кароў у якасці цяглавай сілы была невысокай. Значная колькасць зямель апрацоўвалася ўручную рыдлёўкамі.

Сярод першачарговых задач было аднаўленне прамысловасці, асабліва мясцовай і пераапрацоўчай, якія павінны былі хоць неяк забяспечыць насельніцтва ў самых неабходных харчовых і прамысловых таварах. Першымі адбудавалі хлебазаводы, электрастанцыі, водазабеспячэнне, чыгуначныя вузлы, якія мелі стратэгічнае значэнне. Са снежня 1943 г. пачаліся работы па разборцы разбураных будынкаў Гомельскага паравозарамонтнага завода, на якім ужо ў маі 1944 г. пачаўся рамонт вагонаў. З Уфы, пасля эвакуацыі, трэба было вярнуць станкі і іншае абсталяванне, якія патрабавалі да таго ж рамонту і мадэрнізацыі. Дзякуючы самаадданай працы рабочых і спецыялістаў у Гомелі да канца 1944 г. была адноўлена дзейнасць 25 прадпрыемстваў. Сярод іх былі завод «Гомсельмаш», запалкавая фабрыка, камбінат «Спартак» і іншыя [2, с. 267].

З першых дзён пасля вызвалення Добруша пачаліся аднаўленчыя работы на папяровай фабрыцы «Герой працы». Прадпрымаліся дзейсныя меры па рээвакуацыі папяроваробчых машын, іншага тэхналагічнага абсталявання. На базе фабрыкі была адкрыта школа фабрычна-заводскага навучання (ФЗН), якая ўжо ў лістападзе 1944 г. ажыццявіла першы выпуск 275 спецыялістаў масавых прафесій, большасць з якіх была накіравана на папяровую фабрыку [16, с. 20].

На Гомельшчыне шырокую падтрымку набыў рух па стварэнні «чэркасаўскіх брыгад». Яны дзейнічалі на многіх прадпрыемствах рэгіёна. Толькі ў Гомелі ў 1944 г. было створана больш за 200 брыгад з колькасцю звыш за 4 тыс. чалавек [2, с. 268]. Было праведзена 6 агульнагарадскіх нядзельнікаў.

Вялікая ўвага надавалася аднаўленню дзейнасці будаўнічых прадпрыемстваў. У Гомелі быў заснаваны завод будаўнічых дэталяў, вялося будаўніцтва двух цагельных заводаў. Будаваўся цагельны завод у Лоеве і вапnavы ў Свяцілавічах. На заводзе «Палескі цагельнік» у 1945 г. было выраблена 480 тыс. штук цэгля. У Ельскім раёне ўжо працавалі 11 прадпрыемстваў мясцовай прамысловасці [11, с. 400].

Усяго ў Гомельскай вобласці за 1945 г. было адноўлена больш за 60 прамысловых прадпрыемстваў, 17 гарадскіх і раённых прамкамбінатаў і 80 арцеляў прамысловай кааперацыі. Аднак вытворчыя магутнасці многіх прадпрыемстваў не дасягнулі даваеннага ўзроўню. Выпуск валавай прадукцыі нават у 1946 г. склаў усяго 20,6% ад узроўню 1940 г. [17, с. 114–115]. Не хапала рабочых рук. Становішча пакрысе стала выпраўляцца ў сувязі з прыняццем закона аб дэмабілізацыі з шэрагаў Чырвонай Арміі. Да канца кастрычніка 1945 г. на Гомельшчыну вярнуліся 9 364 дэмабілізаваных. На працу ў сельскай мясцовасці з іх ліку былі ўладкаваны 5 660 чалавек, а ў гарадах прыступілі да працы 1 529 чалавек [17, с. 156].

Вельмі цяжкім было ў гэтыя гады матэрыяльнае становішча насельніцтва. Большасць калгаснікаў на выпрацаваныя імі працадні атрымоўвалі натуральную аплату зусім малую, або нічога не атрымоўвалі. Старшыні некаторых калгасаў па просьбе сваіх працаўнікоў, каб аблегчыць іх матэрыяльны стан, дадаткова давалі пад агароды калгасную зямлю. Такія факты былі адзначаны ў шэрагу мясцовасцей Гомельшчыны. Рэакцыя з боку органаў КП(б)Б на такія дзеянні кіраўнікоў калгасаў і сельскіх саветаў была жорсткай. Так, у чэрвені 1945 г. Добрушскі РК КП(б)Б разгледзеў пытанне аб фактах «грубага парушэння» Статута сельгасарцелі і Пастановы ЦК У КП(б) і СНК СССР ад 27 мая 1939 г. «Аб мерах аховы грамадскіх зямель калгасаў ад разбазарвання». У прынятай пастанове райкам КП(б)Б асудзіў гэтую «шкодную антыдзяржаўную практыку», якая мела месца ў калгасе «7-мы з'езд Саветаў» і запатрабаваў неадкладна вярнуць незаконна адведзеную пад агароды зямлю ў грамадскае карыстанне. Да крымінальнай адказнасці былі прыцягнуты некалькі чалавек з ліку кіраўніцтва калгаса [16, с. 289–290].

Два гады пазбаўлення волі атрымала адна з калгасніц гаспадаркі «Чырвоны ўдарнік» за 1,5 кг. каласкоў, сабраных на калгасным полі. Мясцовыя ўлады прыцягвалі да непасільнай працы на лесанарыхтоўках жанчын. У выпадку адмовы ад працы іх чакаў арышт і зняволенне. Такое адбылася у адносінах да жыхарак вёсак Дзям'янкаўскага сельсавета і вёскі Перарост Добрушкага раёна [16, с. 289].

Вялікім цяжарам для вяскоўцаў былі падаткі, дзяржаўныя пастаўкі сельскагаспадарчых прадуктаў, абавязковая падпіска на аблігацыі дзяржаўнай пазыкі. Пакуль ішла вайна, насельніцтва Гомельшчыны прымала ўдзел у кампаніях па зборы грашовых сродкаў на будаўніцтва танкаў і самалётаў. У Рэчыцкім раёне для будаўніцтва танкавай калоны было сабрана 1 495 507 рублёў [12, с. 206]. Працоўныя вызваленых раёнаў Палесся ўнеслі 245 000 рублёў [3, с. 485]. Была арганізавана шэфская дапамога

калгасаў шпіталям, якія знаходзіліся на тэрыторыі Гомельшчыны, па забеспячэнні іх харчаваннем і палівам.

Такім чынам, намаганні жыхароў Гомельшчыны былі скіраваны на пераадоленне наступстваў ваенных падзей, акупацыі, на аднаўленне гаспадарчага жыцця. Улады прадпрымалі канкрэтныя захады па адраджэнні сельскагаспадарчай вытворчасці, дзейнасці прамысловых прадпрыемстваў, рашэнні першачарговых сацыяльных праблем.

Спіс выкарыстаных крыніц і літаратуры

1. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах освобожденных от немецкой оккупации». 21 августа 1943 г. // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 7. 1938–1945. М.: Политиздат, 1985. С. 427–465.
2. Памяць : Гісторыка-дакумент. Хроніка Гомеля. У 2-х кн. Кніга 2-я. Мінск : БЕЛТА, 1999. 558 с.
3. Памяць : Гістор.-дакум. хроніка Мазыра і Мазырскага раёна. Мінск : Мастацкая літаратура, 1997. 574 с.
4. Памяць : Гістор.-дакум. хроніка Жлобіна і Жлобінскага раёна. Мінск : Беларуская энцыклапедыя, 2000. 792 с.
5. Памяць : Кармянскі раён. Гістор.-дакумент. Хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі. Мінск, Беларусь, 2003. 462 с.
6. Памяць : Гістор.-дакум. хроніка Гомельскага раёна. У 2 кн. Кніга 2-я. Мінск : БЕЛТА, 1998. 414 с.
7. Гомельшчына ў Вялікай Айчыннай вайне. Гомель, 2005. 279 с.
8. Памяць : Гіст.-дакум. хроніка Рагачоўскага раёна. Мінск. БелЭн, 1994. 535 с.
9. Памяць : Гіст.-дакум. хроніка Хойніцкага раёна. Мінск : БелЭн, 1993. 383 с.
10. Памяць : Брагінскі раён : Гіст.-дакум. хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі. Мінск : Мастацкая літаратура, 2005. 750 с.
11. Памяць : Гісторыка-дакум. хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі. Ельскі раён. Мінск : Ураджай, 2001. 487 с.
12. Памяць : Гіст.-дакум. хроніка Рэчыцкага раёна. У 2 кн. Кніга 2. Мінск : Беларусь, 1998. 327 с.
13. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О ближайших задачах Совнаркома БССР и ЦК КП(б) Белоруссии». 1 января 1944 г. // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 7. 1938–1945. М.: Политиздат, 1985. С. 485–489.

14. Памяць : Гіст.-дакум. хроніка Буда-Кашалёўскага раёна. У 2 кн. Кніга 2. Мінск : БЕЛТА, 2002. 454 с.
15. Памяць : Гіст.-дакум. хроніка Веткаўскага раёна. У 2 кн. Кн.2. Мінск : БЕЛТА, 1998. 464 с.
16. Памяць : Добрушскі раён : Гістор.-дакум. хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі. У 2 кн. Кн.2. Мінск : Мастацкая літаратура, 2001. 557 с.
17. Гомельская область : 75 славных лет. Гомель : Гомельская правла, 2012. 251 с.

УДК 348.71:271.2-(476)

К. В. САЎЧЫК

(Міжнародны ўніверсітэт «МІТСО»
Гомельскі філіял)

ЭТАПЫ І АСАБЛІВАСЦІ ЗАКАНАДАЎЧАГА ЗАМАЦАВАННЯ ЦЫВІЛЬНА-ПРАВОВОГА СТАТУСУ РЭЛІГІЙНЫХ АРГАНІЗАЦЫЙ У БССР

У артыкуле разглядаецца працэс стварэння заканадаўчай базы, якая рэгламентавала дзяржаўна-канфесійныя ўзаемаадносіны ў БССР, а таксама вызначаюцца тры этапы ў яе развіцці. Звернута ўвага на той факт, што ў пасляваеннай Беларусі забаронны этап развіцця заканадаўства ў дадзенай сферы змяніўся на абмежавана-дазваліцельны. У заключэнні акрэслены асаблівасці рэалізацыі рэлігійнымі арганізацыямі сваіх цывільных правоў.

Сучасны стан сістэмы прававога рэгулявання ў Рэспубліцы Беларусь мае выразна акрэсленую гістарычную аснову, па гэтаму прадстаўляецца важным звяртанне да папярэдняй норматворчай дзейнасці, і асабліва да асноўных прынцыпаў савецкага права, якія склаліся ў сферы рэгулявання дзяржаўна-канфесійных узаемаадносін.

Комплексны аналіз заканадаўства, якое рэгулявала дзейнасць рэлігійных арганізацый у савецкі час, безумоўна, неабходна пачынаць з разгляду аднаго з першых дэкрэтаў савецкай улады «Аб аддзяленні царквы ад дзяржавы і школы ад царквы», прынятага СНК РСФСР 23 студзеня 1918 г. (далей – Дэкрэт 1918 г.) [1]. Згодна з палажэннямі названага Дэкрэта рэлігійныя арганізацыі ў савецкай краіне былі пазбаўлены маёмасці, статуса юрыдычнай асобы і патрапілі ў лік непатрэбных сацыяльных інстытутаў. У сваю чаргу дзяржаўныя структуры атрымалі законнае апірышча для правядзення гвалтоўных

дзеянняў у адносінах да ўсіх рэлігійных суполак, для наступу на правы вернікаў і святароў. Масштабныя антырэлігійныя кампаніі 1920-х – 1930-х гг., рэпрэсіі і татальны разгром абшчын вернікаў усіх веравызнанняў напярэдадні Вялікай Айчыннай вайны сталі вынікам правядзення названага дэкрэта ў жыццё.

Базавым нарматыўным актам, які рэгламентаваў дзейнасць рэлігійных абшчын на тэрыторыі Беларусі, з’яўлялася аднайменная з дэкрэтам 1918 г. пастанова, прынятая СНК ССРБ і надрукаваная ў газеце «Известия» ЦВК ад 11 студзеня 1922 г. № 2 (далей – Пастанова 1922 г.) [2–3]. Афіцыйна дадзены прававы акт старціў сілу толькі ў 1993 г. з прыняццем Саветам Міністраў Рэспублікі Беларусь пастановы № 208 «Аб прызнанні страціўшымі сілу некаторых рашэнняў Урада Рэспублікі Беларусь у сувязі з Законам Рэспублікі Беларусь «Аб свабодзе веравызнанняў і рэлігійных арганізацыях» [4]. Пры гэтым трэба адзначыць, што ў другой палове 1940-х – 1980-я гг. працягвалі вызначаць формы прававой рэгламентацыі дзяржаўна-канфесійных узаемаадносін толькі такія палажэнні Пастановы 1922 г., замацаваныя ў пп. 1, 2, 8, 9, абз. 1 пп. 6, 7, як аддзяленне царквы ад дзяржавы, свецкі характар дзяржаўнай сістэмы адукацыі, забеспячэнне свабоднага адпраўлення рэлігійных абрадаў толькі ў вызначаных месцах і недазволенасць ухілення ад выканання грамадзянскіх абавязкаў з-за рэлігійных перакананняў [3]. Іншыя пункты Пастановы 1922 г. – п. 3 («Вучыць і навучацца рэлігіі могуць толькі прыватным чынам») і п. 5 («Царкоўныя рэлігійныя грамады не маюць правоў юрыдычных асоб») – не мелі такога працяглага прымянення, а пп. 10–13 увогуле не друкаваліся ў пазней выдадзеных зборніках дакументаў са спасылкай на тое, што яны мелі часовае значэнне [2, с. 80–81]. У залежнасці ад палітычных абставін кіраўніцтвам СССР і БССР перманентна прымаліся прававыя акты, партыйныя дакументы і сакрэтныя інструкцыі, змест якіх супярэчыў дадзеным нормам, і гэта з’яўлялася падставай для неўключэння названых пунктаў у змест Пастановы 1922 г. пры яе наступных публікацыях у Зводах законаў БССР [3, с. 402].

Так, 22 жніўня 1945 г. СНК СССР прыняў пастанову № 2137-546с «Па пытанням, якія датычацца праваслаўных цэркваў і манастыроў», якая вярнула прыходам права набываць транспартныя сродкі, вырабляць і прадаваць прадметы рэлігійнага культу, а таксама арандаваць, набываць ва ўласнасць і будаваць дамы для царкоўных патрэб з дазволу ўпаўнаважанага Савета па справах РПЦ пры СНК СССР [5, арк. 2]. Права царкоўнай арганізацыі – ці то прыхода, ці епархіяльнага ўпраўлення, ці манастыра – мець прадпрыемства па вырабу прадметаў рэлігійнага культу альбо апрацоўваць

прадстаўлены ў яе карыстанне зямельны ўчастак, а таксама абавязак выплочваць падаходны падатак за атрыманы ад іх эксплуатацыі прыбытак, былі замацаваны ў пастанове СНК ад 29 жніўня 1945 г. № 2215 «Аб парадку абкладання прыбытку манастыроў і прадпрыемстваў пры епархіяльных упраўленнях» [5, арк. 12–13].

Усё пазначанае вышэй рабіла асобныя палажэнні п. 5 Пастановы 1922 г. супярэчным існуючаму з другой паловы 1940-х гг. заканадаўству, але тое, што дадзеная прававая норма ў першапачатковай рэдакцыі працягвала ўключацца ў зводны законаў БССР можа тлумачыцца немагчымасцю ўнясення змен і дапаўненняў у асобныя пункты пастановы, а поўнаасцю адмяніць гэты пункт таксама было немагчыма.

Такім чынам, прававыя асновы ўзаемаадносін дзяржавы і царквы, закладзеныя Дэкрэтам 1918 г. і Пастановай 1922 г., заставаліся нязменнымі да другой паловы 1980-х гг., але нормы, якія замацоўвалі пазбаўленне царкоўных абшчын правоў юрыдычнай асобы і забарона на атрыманне прыбытку ад карыстання гэтай маёмасцю, ня будучы афіцыйна змененымі, перасталі прымяняцца ў дакладнай адпаведнасці букве закона ўжо ў пасляваенны час. Замест іх прымяняліся адпаведныя нормы пастановаў СНК СССР (з 1946 г. – Савецкі Міністраў (далей – СМ) СССР), СНК (СМ) БССР, ЦК КПСС і ЦК КП(б)Б, а таксама палажэнні сакрэтных інструкцый іншых органаў улады.

Пры гэтым неабходна адзначыць, што дзеючыя ў пасляваенны перыяд Канстытуцыя БССР 1937 г. [6], Канстытуцыя БССР 1978 г. [7], Цывільны кодэкс БССР 1923 г. [8] і прыняты ў 1964 г. новы Цывільны кодэкс БССР [9] ня толькі не ўтрымлівалі норм, якія б вызначалі прававое становішча рэлігійных арганізацый, але нават самі паняцці «рэлігійная арганізацыя» і «царкоўны прыход» у названых заканадаўчых актах адсутнічалі.

Такая прававая сітуацыя, калі рэлігійныя арганізацыі не разглядаліся як суб'екты канстытуцыйнага і цывільнага права, поўнаасцю адпавядала палітычным умовам развіцця савецкага грамадства ў міжваенны час, але для рэгулявання новых дзяржаўна-канфесійных адносін пасляваеннага перыяда неабходна было замацаваць асновы гэтых узаемаадносін у адпаведнай прававой базе. Пагэтану рэлігійныя абшчыны ў пасляваенны перыяд атрымалі абмежаваны статус юрыдычнай асобы і прававую абарону сваіх інтарэсаў, аднак афіцыйна нормы даваеннага заканадаўства аб культурах так і не былі адменены, што пакідала за ўладамі права ў любы момант аднавіць іх прымяненне. Акрамя таго, заўсёдным спасылкі ў тэксце гэтых прававых актаў на неабходнасць атрымоўваць дазвол упаўнаважанага Савета на любыя юрыдычна

значныя дзеянні, уяўлялі сабой прававыя падставы для абмежавання актыўнасці рэлігійных арганізацый праз адмову ва ўзгадненні названых дзеянняў без тлумачэння прычын. Сфармуляваныя такім чынам прававыя нормы безумоўна рабілі абшчыны вернікаў аб'ектамі дзяржаўных маніпуляцый, але і забяспечвалі магчымасць больш-менш стабільнага (у залежнасці ад унутрыпалітычных абставін і патрэб знешняй палітыкі) існавання рэлігійных арганізацый у вызначаных дзяржавай межах.

Дадзеная правая сітуацыя захоўвалася да канца 1950-х гг., пакуль не адбылася рэзкая змена дзяржаўнага курса ў адносінах да рэлігійных арганізацый. У час правядзення партыйным кіраўніцтвам на чале з М.С. Хрушчовым антырэлігійнай кампаніі, разгорнутай у 1958–1960 гг., была распрацавана спецыяльная інструкцыя па прымяненню заканадаўства аб культурах, якая ўтрымлівала нормы адкрыта дыскрымінацыйнага характару, а таксама ўсе прынятыя ў пасляваенны перыяд нарматыўна-прававыя акты, якія датычыліся прававога становішча рэлігійных арганізацый, з 1961 г. адмяняліся.

Аднак зацверджанае ў 1977 г. Палажэнне аб рэлігійных аб'яднаннях істотных змен у цывільна-прававы статус рэлігійных арганізацый не ўнесла: асобныя правы (у тым ліку права набываць прадметы рэлігійнага культу, транспартных сродкаў, а таксама права арэнды, будаўніцтва і набыцця нерухомай маёмасці для сваіх патрэб) за рэлігійнымі арганізацыямі былі захаваны (п. 8 Палажэння аб рэлігійных аб'яднаннях 1977 г.) [10, с. 404].

Такім чынам, у гісторыі развіцця прававой сферы дзяржаўна-канфесійных узаемаадносін у БССР можна акрэсліць тры этапы:

1) 1920–1930-я гг. – заканадаўчае замацаванне пазбаўлення рэлігійных арганізацый правоў юрыдычнай асобы як прававы інструмент рэалізацыі палітычнага курса савецкага ўрада на пераўтварэнне БССР у «першую безрэлігійную рэспубліку»;

2) другая палова 1940-х–1950-я гг. – нормы даваеннага заканадаўства аб культурах, якімі забараняўся ўдзел рэлігійных арганізацый у цывільным абароце, не былі адменены, але часткова перасталі прымяняцца; замест іх прымяняліся адпаведныя нормы пастановаў урада, партыйных органаў і іншых органаў улады; такім чынам савецкае кіраўніцтва дзеля дасягнення ўнутры- і знешнепалітычных мэтай не ў поўнай ступені, але часткова аднавіла цывільную правасуб'ектанасць рэлігійных арганізацый;

3) 1960–1980-я гг. – афіцыйная адмена ўсіх нарматыўна-прававых актаў, прынятых у першыя пасляваенныя гады, прымяненне норм даваеннага заканадаўства аб культурах пры адначасовым захаванні асобных юрыдычных правоў за рэлігійнымі арганізацыямі як вынік

адмовы савецкага кіраўніцтва ад ліберальнага стаўлення да рэлігійных арганізацый ва ўмовах разгортвання «халоднай вайны» паміж СССР і заходнімі дзяржавамі і ўзмацнення антырэлігійнай барацьбы ўнутры краіны.

Падсумоўваючы, у якасці галоўнай асаблівасці заканадаўчага замацавання цывільна-прававога статусу рэлігійных арганізацый у БССР неабходна вызначыць тое, што адабранне правоў юрыдычнай асобы ў рэлігійных арганізацый ў 1920-я гг., таксама як і абмежаванае наданне ім гэтых правоў у пасляваенны перыяд, з'яўляліся складовымі часткамі дасягнення ўладамі пэўных палітычных мэтай, вызначаемых кіраўніцтвам СССР.

Спецыфікай прававога замацавання асноў дзяржаўна-канфесійных узаемаадносін у савецкі час з'яўляўся і той факт, што асноўным заканадаўчым актам рэспубліканскага ўзроўня, які рэгламентаваў дзейнасць рэлігійных арганізацый да канца 1980-х гг., заставалася Пастанова СНК ССРБ 1922 г. «Аб аддзяленні царквы ад дзяржавы і школы ад царквы». Акрамя яе сярод актаў рэспубліканскага заканадаўства можна назваць толькі Палажэнне аб рэлігійных аб'яднаннях, зацверджанае Указам Прэзідыума Вярхоўнага Савета БССР ад 27 лютага 1977 г. і Законам БССР ад 1 сакавіка 1977 г. Увогуле на мясцовым узроўні рэгламентацыя гаспадарчай дзейнасці рэлігійных арганізацый ажыццяўлялася шляхам прыняцця выканаўчымі органамі ўлады рашэнняў выключна па пытанням перадачы ці адабрання ў абшчын культавай маёмасці, а таксама атрымання абшчынамі дазволу на набыццё будаўнічых матэрыялаў і нерухомай маёмасці.

Таксама ў якасці асаблівасці прававой рэгламентацыі гаспадарчай дзейнасці суполак вернікаў у БССР у 1940–1980-я гг. неабходна адзначыць яе непасрэднае ажыццяўленне праз выданне спецыяльных пастаноў СНК (СМ) СССР, інструкцый Савета па справах РПЦ пры СНК (СМ) СССР, інструкцый Савета па справах рэлігійных культураў пры СНК (у 1961 г. аб'яднаны ў адзін савет – Савет па справах рэлігій пры СМ СССР), інструкцый фінансавых органаў, і толькі ўскоснае – праз прымяненне па аналогіі норм грамадзянскага заканадаўства ў сувязі з адсутнасцю ў названым заканадаўстве юрыдычнага замацавання такой формы юрыдычнай асобы як рэлігійная арганізацыя.

Такім чынам, стварэнню прававога поля, на якім зараз дзейнічаюць рэлігійныя арганізацыі ў Рэспубліцы Беларусь, і якое дазваляе ім рэалізоўваць свае правы, папярэднічаў перыяд іх абсалютнага беспраўя ў публічнай сферы і абмежавання правамоцтваў – у прыватна-прававой. У гэты перыяд адбылося

знішчэнне традыцыйных уяўленняў аб рэлігійных арганізацыях як носьбітах стабільна вызначанага прававога цывільнага статусу, адсутнасць замацаванага ў цывільным заканадаўстве паняцця рэлігійнай арганізацыі і, адпаведна, нявызначаннасць юрыдычнага статусу аб'яднанняў вернікаў. Цывільныя правамоцтвы рэлігійных арганізацый у БССР калі і рэалізоўваліся, то выключна на падставе сакрэтных актаў урада або шляхам актуалізацыі самаарганізацыйных працэсаў у рэлігійных асяродках.

Спіс выкарыстаных крыніц і літаратуры

1. Об отделении церкви от государства и школы от церкви : Декрет СНК РСФСР от 23.01.1918 г. // О религии и церкви. Минск : Беларусь, 1983. С. 79–80.
2. Об отделении церкви от государства и школы от церкви : постановление СНК ССРБ // О религии и церкви. Минск : Беларусь, 1983. С. 80–81.
3. Об отделении церкви от государства и школы от церкви : постановление СНК ССРБ («Известия» ЦИК от 11.01.1922 г. № 2 // Свод законов БССР : в 2 т. Т. 1. Минск : Беларусь, 1984. С. 402.
4. О признании утратившими силу некоторых решений Правительства Республики Беларусь в связи с Законом Республики Беларусь «О свободе вероисповеданий и религиозных организациях»: Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 6.04.1993 г. № 208 [Электронный ресурс]. URL : <http://www.lawbelarus.com/repub/sub30/textf8052.htm>. (дата обращения : 20.10.2014).
5. Пастановы і ўказанні Савета па справах рускай праваслаўнай царквы, упаўнаважанага Савета па БССР, справаздачы, звесткі, перапіска упаўнаважанага па Віцебскай вобласці аб дзейнасці рускай праваслаўнай царквы (11.01.1947 5.01.1948) // Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці (далей ДАВВ). Ф 4131. Воп. 1. Спр. 3.
6. Конституция (основной закон) Белорусской Советской Социалистической Республики [с изм. и доп., принятыми I, II, IV и V сессиями Верховного Совета БССР]. Москва : Гос. изд-во БССР, тип. «Кр. Пролетарий», 1944. 24 с.
7. Канстытуцыя (асноўны закон) Беларускай савецкай сацыялістычнай рэспублікі : прынята на нечарговай дзевятай сесіі Вярхоўнага Савета БССР дзевятага склікання 14 красавіка 1978 года [Электронный ресурс] / Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL : <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=2071>. (дата обращения : 20.10.2014).
8. Гражданский кодекс БССР // Гражданское законодательство СССР и Союзных республик / под ред. проф. И. Б. Новицкого ; сост. Н. Н. Бодерскова, Р. Г. Глебова, В. И. Меркулова. Москва : Гос. изд-во юр. лит-ры, 1957. С. 306–345.

9. Гражданский кодекс БССР 1964 г. [Электронный ресурс] / Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL : http://pravo.by/ImgPravo/pdf/GK_BSSR_1964.pdf. (дата обращения : 20.10.2014).
10. Положение о религиозных объединениях : утв. Указом Президиума ВС БССР от 27.02.1977 г. и Законом БССР от 01.03.1977 г. // Свод законов БССР. Т. 1. Минск : Беларусь, 1984. С. 403–411.

УДК 947.6

І. В. ГРАБЯНЧУК

(УА «Беларускі дзяржаўны эканамічны ўніверсітэт»
Бабруйскі філіял)

КРЫНІЦЫ ПА ГІСТОРЫІ БАБРУЙСКАГА НАСТАЎНІЦКАГА ІНСТЫТУТА Ў ФОНДАХ БАБРУЙСКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА ЗАНАЛЬНАГА АРХІВА

У артыкуле даецца агляд найважнейшых крыніц па гісторыі першай вышэйшай навучальнай установы ў Бабруйску. Разглядаюцца ўмовы, у якіх ажыццяўлялася яе дзейнасць. Ацэньваецца ступень інфарматыўнасці розных відаў крыніц і іх значэнне для цэласнай рэканструкцыі гісторыі Бабруйскага настаўніцкага інстытута.

Дзейнасць Бабруйскага настаўніцкага інстытута ў 1949 – 1954 гг. з’яўляецца перыядам найвышэйшага ўздыму ў справе падрыхтоўкі настаўніцкіх кадраў, якая ажыццяўлялася ў Бабруйску ў прамежку часу ад пачатку 1920-х да сярэдзіны 1950-х гг. У Бабруйскім дзяржаўным занальным архіве маецца шэраг прысвечаных гэтай тэме асноўных фондаў :

- Бабруйскіх педагагічных курсаў Мінскага губернскага аддзела народнай адукацыі, у якім утрымліваюцца дакументы, датаваныя 1917–1923 гадамі (ф. 872);
- Бабруйскага педагагічнага вучылішча, дзейнасць якога прыпадае на 1944–1949 і 1954–1957 гг. (ф. 795);
- Бабруйскага абласнога інстытута ўдасканалення настаўнікаў, які працаваў у 1944–1954 гг. (ф. 1161);
- Бабруйскага дзяржаўнага настаўніцкага інстытута (ф. 1170).

Як бачна з аднаго пераліку архіўных фондаў, у Бабруйску у свой час вялася немалая праца ў справе падрыхтоўкі школьных настаўнікаў. Першыя тры фонды заслугоўваюць ўвагі для распрацоўкі асобных

даследаванняў. У дадзеным жа артыкуле прадметам аналізу абярэм крыніцы па дзейнасці Бабруйскага настаўніцкага інстытута (БНІ), якія ў айчыннай гістарыяграфіі комплексна яшчэ не вывучаліся.

Найбольш цэласнае агульнае ўяўленне пра Бабруйскі настаўніцкі інстытут даюць гадавыя справаздачы аб яго дзейнасці [1]. Гэтыя справаздачы мелі некалькі раздзелаў: 1) выкананне загадаў Міністэрства вышэйшай адукацыі СССР і Міністэрства асветы БССР; 2) матэрыяльная вучэбна-вытворчая база; 3) навукова-педагагічныя кадры інстытута; 4) кантынгент студэнтаў; 5) вучэбная работа; 6) навукова-даслечыцкая праца і некаторыя іншыя.

У першым раздзеле у цэлым ацэньвалася праца выкладчыцкага калектыва інстытута па выкананні загадаў узгаданых міністэрстваў. Асноўная ўвага надавалася пытанням ідэалагічнай і выхаваўчай работы, а таксама пошуку шляхоў удасканалення навучальнага працэсу. Часта ў гэтай частцы гадавых справаздач прыводзіліся прыклады выяўленых недахопаў у розных вышэйшых навучальных установах Савецкага Саюза. Больш падрабязную інфармацыю па гэтых аспектах можна знайсці ў шэрагу спраў фонда БНІ, у якіх сабраны загады і дырэктыўныя пісьмы Міністэрства асветы Беларускай ССР [2]. Дадазеныя крыніцы значэна дапамагаюць даследчыку ў вывучэнні агульных грамадска-палітычных працэсаў, якія ўплывалі на дзейнасць вышэйшых навучальных устаноў педагагічнага профілю ў СССР.

Гадавыя справаздачы даюць дастаткова поўную інфармацыю аб матэрыяльнай базе Бабруйскага настаўніцкага інстытута: падрабязна пералічваюцца колькасць аўдыторый, іх умяшчальнасць, прывозяцца лічбы выдаткаў на набыццё мэблі, абсталявання, навучальных дапаможнікаў, а таксама ацэньваюцца матэрыяльна-тэхнічныя патрэбы інстытута для яго далейшага развіцця. Найбольшая матэрыяльная праблема, з якой сутыкнулася першая ВНУ ў Бабруйску, была праблема забеспячэння выкладчыкаў жылой плошчай. У гадавых справаздачах апісваюцца вельмі цяжкія побытавыя ўмовы іх жыцця. Надзеі на дапамогу Міністэрства адукацыі БССР і мясцовых партыйных і савецкіх улад у вырашэнні гэтага пытання не апраўдаліся. Відавочна, што на апошнім этапе існавання Бабруйскага настаўніцкага інстытута яго кіраўніцтва зразумела адсутнасць перспектывы далейшага развіцця гэтай адукацыйнай установы. Справаздача аб дзейнасці БНІ за 1952/53 навучальны год тэму жыцця для выкладчыкаў больш не ўзгадвае [3, арк. 3–5]. У справаздачы ж за наступны год увогуле адсутнічае раздзел «Вучэбна-матэрыяльная база» [4, арк. 1–40].

У раздзеле «навукова-педагагічныя кадры інстытута» падаецца інфармацыя па штатнаму раскладу прафесарска-выкладчыцкага састава БНІ і яго рэальнаму замяшчэнню, якое выявіла сур'ёзны

недахоп высокакваліфікаваных кадраў з вучонымі ступенямі і званнямі. У гадавых справаздачах Бабруйскага настаўніцкага інстытута ёсць звесткі аб выкладчыках ў выглядзе адмысловых дадаткаў. На жаль, такая інфармацыя паказана толькі па стане на 1 ліпеня 1950 г., 1 ліпеня 1951 г. і 1 ліпеня 1952 г. Адсутнасць адпаведных звестак за 1953 і 1954 гг. на сённяшні дзень не дазваляе вычарпальна паказаць дынаміку змяненняў у прафесарска-выкладчыцкім саставе БНІ за ўвесь час яго працы па комплексу паказчыкаў: узровень кваліфікацыі, навуковая спецыялізацыя, нацыянальнасць, партыйнасць, сярэдні ўзрост і інш. Папярэдняе абагульненне сабранай інфармацыі па гэтых пытаннях зроблена намі ў асобным артыкуле [5, с. 126–128].

Пытанні, звязаныя са змяненнямі ў кантынгенце студэнтаў, вучэбнай і навукова-даследчыцкай працай выкладчыкаў, акрамя гадавых справаздач, падрабязна асветлены ў пратаколах пасяджэнняў Рады Бабруйскага настаўніцкага інстытута за ўсе гады яго дзейнасці [6]. У іх адлюстраваны ўсе найважнейшыя аспекты: гадавыя планы дзейнасці інстытута і сціслыя справаздачы па іх выкананні, інфармацыя аб падрыхтоўцы і правядзенні экзаменацыйных сесій, педагагічнай практыкі выпускнікоў, статыстыка паспяховасці, абмеркаванне вынікаў праверак БНІ, якія праводзіліся Міністэрствам асветы БССР, і інш. На пасяджэннях Рады інстытута шмат увагі надавалася развіццю навукова-даследчыцкай працы, як выкладчыкаў, так і студэнтаў. Абмяркоўваліся шляхі яе ўдаскалення, хоць, трэба адзначыць, поспехі ў гэтым накірунку былі дастаткова сціплыя. Фактычна навукова-даследчыцкая праца не вялася на кафедры фізікі і матэматыкі і гэты факт канстатаваўся афіцыйна [7, арк. 61–62]. Пра тое, што сітуацыя па гэтым пытанні на ўзгаданай кафедры палепшылася, няма звестак ні ў гадавых справаздачах аб дзейнасці Бабруйскага настаўніцкага інстытута ні ў пратаколах пасяджэнняў яго Рады.

Пратакты пасяджэнняў Рады Бабруйскага настаўніцкага інстытута – значны масіў крыніц, які можа ўяўляць цікавасць для даследчыкаў пры вывучэнні самых розных пытанняў. Да іх можна аднесці праблемы эфектыўнасці кіравання вышэйшай навучальнай установай, метадычнага забеспячэння навучальнага і выхаваўчага працэсаў ва ўмовах таталітарнага палітычнага рэжыму. Шмат цікавых назіранняў і высноў можна зрабіць, аналізуючы псіхалагічныя аспекты ўзаемаадносін паміж чальцамі адносна невялікага педагагічнага калектыву, дзе даволі часта ўзнікалі рознага кшталту канфліктныя сітуацыі.

Па матэрыялах пратаколаў выяўляецца драматычнае становішча беларускай мовы ў навучальным працэсе. Можна прывесці наступны

найбольш паказальны прыклад на гэту тэму. 17 верасня 1953 г. на пасяджэнні Вучонай рады Бабруйскага настаўніцкага інстытута старшы выкладчык кафедры рускай і беларускай літаратур (былы яе загадчык) Міхалап Я. І. зрабіў крытычную заўвагу на адрас дырэкцыі інстытута, адзначыўшы, што яна «... не клапаціцца аб складзе Дзяржаўнай камісіі для правядзення выпускных экзаменаў і лёгка ідзе на тое, што дае Міністэрства. Прыслалі старшыню дзяржаўнай камісіі, які не ведае ні беларускай мовы, ні беларускай літаратуры». Адказ на гэту заўвагу дырэктара інстытута Любімцава М. М. быў наступны: «Не згодзен з т. Міхалапам, што дырэкцыя не клапаціцца аб складзе дзяржаўнай камісіі. Дырэкцыя правільна склала Камісію з выкладчыкаў інстытута, а выбіраць старшыню дырэктару не даецца права» [7, арк. 4, 7].

Акрамя гадавых справаздач аб дзейнасці Бабруйскага настаўніцкага інстытута і пратаколаў пасяджэнняў яго Вучонай рады вылучым яшчэ некаторыя групы крыніц, якія захоўваюцца ў фондах Бабруйскага дзяржаўнага занальнага архіва:

- пратаколы пасяджэнняў кафедраў (у БНІ працавалі кафедры: 1) марксізму-ленінізму; 2) педагогікі і псіхалогіі; 3) рускай і беларускай мовы; 4) рускай і беларускай літаратуры; 5) фізікі і матэматыкі);
- уліковыя карткі і асабістыя справы выкладчыкаў;
- асабістыя справы студэнтаў;
- публікацыі аб дзейнасці інстытута на старонках абласной газеты «Савецкая Радзіма».

Асаблівай увагі заслугоўваюць асабістыя справы выкладчыкаў. На жаль, у Бабруйскім дзяржаўным занальным архіве захоўваюцца асабістыя справы толькі двух выкладчыкаў. Яны ўтрымліваюць ўласнаручна напісаныя аўтабіяграфіі, звесткі кадравага ўліку, характарыстыкі, выданыя адміністрацыяй. Выкарыстанне гэтых крыніц дазволіла б сабраць дастаткова поўную базу звестак па выкладчыках БНІ. Відавочна, што шукаць іх трэба ў Нацыянальным архіве Рэспублікі Беларусь.

На старонках абласной газеты «Савецкая Радзіма» адлюстравана дзейнасць Бабруйскага настаўніцкага інстытута: адкрыццё новай навучальнай установы ў Бабруйску [9], прафарыентацыйная праца [10], фотаздымкі студэнтаў і выкладчыкаў і інш. Поўныя камплекты гэтай газеты за 1949–1954 гг. захоўваюцца ў Бабруйскім дзяржаўным занальным архіве. Вялікая колькасць публікацый у «Савецкай Радзіме» па азначанай тэме заслугоўвае асобнага крыніцазнаўчага даследавання.

Такім чынам, для цэласнай рэканструкцыі гісторыі Бабруйскага настаўніцкага інстытута першаступеннае значэнне маюць гадавыя

справаздачы аб яго дзейнасці і пратаколы пасяджэнняў Вучонай рады БНІ. Яны ствараюць неабходную асноўную базу звестак для даследчыцкай працы. На сённяшні дзень зроблена першая спроба агульнай рэканструкцыі гісторыі Бабруйскага настаўніцкага інстытута ў форме хронікі яго дзейнасці [11]. Зразумела, што гэта толькі пачатак. Неабходна яшчэ шмат папрацаваць над вывучэннем крыніц як узгаданых у дадзеным артыкуле, так і задзейнічаць іншыя, якія знаходзяцца ў іншых архівах і, магчыма, у прыватных зборах. Дзейнасць Бабруйскага настаўніцкага інстытута – неад’емная частка працэсаў развіцця вышэйшай адукацыі ў Беларусі ў другой палове 40-х – першай палове 50-х гг. XX ст. Адпаведна, любыя абагульняючыя даследаванні па гэтай тэме будуць няпоўнымі без вывучэння вопыту дзейнасці першай вышэйшай навучальнай установы ў Бабруйску.

Спіс выкарыстаных крыніц і літаратуры

1. Гадавыя справаздачы Бабруйскага настаўніцкага інстытута з 1949 па 1954 гг. // Бабруйскі дзяржаўны занальны архіў (далей – БДЗА). Ф. 1170. Воп. 1. Спр. 2, 10, 19, 32, 48.
2. Загады, дырэктыўныя пісьмы Міністэрства асветы БССР па асноўнай дзейнасці і асабістаму саставу // БДЗА. Ф. 1170. Воп. 1. Спр. 1, 18, 30, 46, 55.
3. Гадавая справаздача Бабруйскага настаўніцкага інстытута за 1952/53 навучальны год // БДЗА. Ф. 1170. Воп. 1. Спр. 32.
4. Гадавая справаздача Бабруйскага настаўніцкага інстытута за 1953/54 навучальны год // БДЗА. Ф. 1170. Воп. 1. Спр. 48.
5. Грабянчук І. В. Педагагічны калектыў Бабруйскага дзяржаўнага настаўніцкага інстытута ў 1949–1954 гг. // Устойчивое развитие экономики : состояние, проблемы, перспективы : сборник трудов VIII Международной научно-практической конференции, УО «Полесский государственный университет», г. Пинск, 17 октября 2014 г. / Министерство образования Республики Беларусь [и др.]; редкол. : К. К Шебеко [и др.]. Пинск : ПолесГУ, 2014. Ч. 2. 194 с.
6. Пратаколы пасяджэнняў Вучонай Рады Бабруйскага настаўніцкага інстытута за 1949–1954 гг. // БДЗА. Ф. 1170. Воп. 1. Спр. 3, 20, 33, 47.
7. Гадавая справаздача Бабруйскага настаўніцкага інстытута за 1950/51 навучальны год // БДЗА. Ф. 1170. Воп. 1. Спр. 10.
8. Пратаколы пасяджэнняў Вучонай Рады Бабруйскага настаўніцкага інстытута з 17 верасня 1953 па 22 мая 1954 гг. // БДЗА. Ф. 1170. Воп. 1. Спр. 47.
9. Свабодзіна І. У настаўніцкім інстытуце // Совецкая Радзіма. 1949. 18 верасня. С. 3.
10. Свабодзіна І. Дзесяцікласнікі Бабруйска ў настаўніцкім інстытуце. // Совецкая Радзіма. 1950. 15 красавіка. С. 2.

11. Грабянчук І. В. Бабруйскі настаўніцкі інстытут : хроніка дзейнасці першай ВНУ ў Бабруйску (1949–1954 гг.) // Навуковыя працы кафедры грамадскіх дысцыплін і права Бабруйскага філіяла УА «БДЭУ» (выпуск 2); пад навук. рэд. А. М. Ненадаўца. Чарнігаў : «Всесвіт», 2014. С. 5–52.

УДК 94(476.2)

Я. Р. МАЛІКАЎ

(УА «Беларускі дзяржаўны
ўніверсітэт транспарту»)

НАВАБЕЛІЦКІЯ (ЗАСОЖСКІЯ) МОГІЛКІ ГОМЕЛЯ

У артыкуле разглядаецца гісторыя самых старых існуючых могілак г. Гомеля, прыводзяцца звесткі аб працэсе навуковага даследвання гэтых могілак з канца 1980-х гг. да нашага часу, аб іх заснаванні, узгадваюцца вядомыя асобы, пахаваныя на іх, даецца класіфікацыя найбольш распаўсюджаных надмагільных помнікаў, пералічваюцца асноўныя пагрозы для іх далейшага існавання.

У апошнія дзесяцігоддзе ў Беларусі актыўна развіваецца новая галіна гістарычных даследванняў – некрапалістыка (вывучэнне старажытных могілак). Першымі працамі ў гэтым накірунку ў нашай краіне сталі работы Алы Сакалоўскай «Кальварыя» (1997) і Мікалая Гайбы «Могілка і пахаванні Наваградка» (2000) [9; 3]. Па ініцыятыве грамадскай арганізацыі «Беларускі камітэт ІКАМОС» у 2014 г. быў створаны інтэрнэт-рэсурс www.niekropalі.by, на якім збіраецца інфармацыя пра гістарычныя могілкі Беларусі. Асобную інфармацыю па гэтай тэме ўтрымліваюць і іншыя інтэрнэт-рэсурсы (www.globus.tut.by, www.radzima.org). Работа ў дадзеным накірунку вядзецца і ў Гомелі.

Самыя старыя могілкі, што існуюць на тэрыторыі сучаснага Гомеля, знаходзяцца ў пачатку вуліцы Ілліча ў Навабеліцы, насупраць тлушчакамбіната. Паводле энцыклапедычнага даведніка «Гомель» яны займаюць плошчу 11 га і дзейнічалі з XIX ст. па 1967 г. [4, с. 257]. Сёняшняя афіцыйная назва гэтых могілак – «могілка Тлушчакамбінатаўскія», гістарычная назва канца XIX ст. – «Засожскія могілка» [5, с. 319], сучасныя гамяльчане часцей іх называюць «Навабеліцкія могілка». Могілка знаходзяцца на прыроднай пясчанай дзюне, выцягнуты з поўдня на поўнач уздоўж

шашы (вул.Ілліча). Амаль усе пахаванні арыентаваны па лініі ўсход-заход, але зрэдку сустракаецца і іншая арыентацыя. Большасць пахаванняў мае мемарыяльны знак у галаве, размяшчэнне ў нагах сустракаецца часта, але радзей.

Па ўспамінах супрацоўніка Веткаўскага музея стараабрадніцтва і беларускіх традыцый імя Ф. Шклярава Андрэя Скідана ўпершыню краязнаўчае даследванне гэтых могілак пачалося ў жніўні 1989 г., калі ўдзельнікі гісторыка-краязнаўчай суполкі «Вытокі» наведалі іх, агледзелі пахаванні, зрабілі шэраг фотаздымкаў старых помнікаў. Тады на тэрыторыі могілак, каля цэнтральнага ўваходу, яшчэ стаяў будынак вартоўні, дзе ў перыяд 1989–1990 гг. мела прытулак гомельская каталіцкая абшчына і праводзіліся набажэнствы.

На восеньскія «Дзяды» 1991 г. сябры «Вытокаў» зладзілі першую прыборку смецця на Навабеліцкіх могілках. На наступны год «Дзядоў» тут не адбылося, а з восені 1993 г. на «Дзяды» гэтыя могілкі пачалі прыбіраць сябры Гомельскай моладзевай краязнаўчай арганізацыі «Талака», што стала штогадовай традыцыяй арганізацыі. Каля 2007 г. сябры «Талакі» часова адыйшлі ад гэтай справы, але да яе далучыліся студэнты-архітэктары БелДУТа. У 2000–2013 гг. была праведзена работа па перапісванні тэкстаў з надмагільных помнікаў перыяду XIX ст. – 1945 г. уключна (перапісана каля 500 пахаванняў) і створана фотабаза надмагільных помнікаў і агароджаў гэтага перыяду (зафіксавана каля 615 пахаванняў). Таксама ў гэтай базе дадзеных адзначаны і асобныя выбітныя пахаванні другой паловы XX ст. У непасрэдным зборы палявой інфармацыі прымалі ўдзел сябры ГМКГА «Талака» (2000–2008), студэнты-архітэктары БелДУТа (Студэнцкае навуковае таварыства імя С. Д. Шабунеўскага, 2009–2013), а таксама студэнты-гісторыкі ГДУ імя Ф. Скарыны (студэнцкае аб'яднанне «Ваколіца», 2009).

У час палявых работ для больш зручнага і дакладнага даследвання тэрыторыя могілак была ўмоўна разбіта на пяць сектараў у адпаведнасці з ужо існуючымі сцэжкамi (пры гэтым самы вялікі ўнутраны трэці сектар быў дадаткова падзелены яшчэ на пяць частак) і на гэтай аснове складзены схематычны план.

Аналіз змешчаных на помніках надпісаў паказаў, што дадзеныя могілкі падзяляліся на тры этнаканфесійныя часткі : з канца XIX ст. існавалі праваслаўная (найбольшая) і каталіцкая («польская») часткі, што падцверджваецца дадзенымі плана Гомеля 1913 г., а ў 1930-х гг. узнікла таксама невялікая яўрэйская частка (дадзены факт падцверджаны і ўспамінамі Масюкевіч Алены Іванаўны, 1922 г. нар.). У сучасным стане межы паміж выяўленымі часткамі ўжо не прасочваюцца. У паўднёвай частцы могілак размешчаны

мемарыяльна-вайсковы някропаль з вайсковымі пахаваннямі. Сярод крыжоў сустракаюцца шасці- і васьміканцовыя на пахаваннях стараабрадцаў, аднак яны не канцэнтруюцца на нейкім канкрэтным участку. Па ўспамінах А. Скідана, які ў дзяцінстве неаднаразова бываў на гэтых могілках, яшчэ ў 1980-х гг. пад агароджай каля вайсковай часткі могілак знаходзілася паваленае надмагілле ў выглядзе невялікай стэлы з надпісам арабскай вяззю, выявай паўмесяца і зоркі, але ў час даследванняў 1995–2014 гг. такі помнік ужо не быў знойдзены.

На «Плане местечка Гомеля и окрестностей» 1838 г. паміж Гомелем і Новай Беліцай знаходзяцца значныя пяшчаныя тэрыторыі, сярод якіх вылучаецца вялікі зялёны прамавугольны ўчастак памерамі з два гарадскіх кварталы, размешчаны на тым самым месцы, дзе зараз знаходзяцца Навабеліцкія Засожскія могілкі. Гэта дае падставу меркаваць аб існаванні тут могілак ужо ў 1830-я гг., аднак па плане гэтае месца як могілкі не адзначана (у адрозненне ад суседніх стараабрадскіх). У гэты ж час самыя старыя пахаванні, якія выяўленыя непасрэдна на саміх могілках, адносяцца толькі да 1886 г. (2 шт.).

Матэрыялы з фондаў Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі, прадстаўленыя аўтару Царкоўна-гістарычнай камісіяй Гомельскай епархіі, значна ўдакладняюць час і гісторыю заснавання даследваемых Навабеліцкіх могілак [11].

У 1879 г. выявілася неабходнасць закрыць існуючыя ў горадзе старыя могілкі, бо «в г. Гомеле кладбища расположены в самом центре города в непосредственном соприкосновении с жилыми постройками и, в целях улучшения общих санитарных условий города, Губернское Гражданское Начальство признало необходимым переместить кладбище на другое место» [11, арк. 6]. Размова ідзе пра старыя могілкі, якія прыблізна з сярэдзіны XVIII ст. існавалі ў квартале сучасных вуліц Леніна-Ірынінскай (праваслаўныя), Леніна-Сялянскай (каталіцкія) і Сожскай-Валатаўскай (яўрэйскія). Для гэтай мэты была ўтворана камісія на чале з пратаіерэем гомельскага Пятрапаўлаўскага сабора Рыгорам Петрашэнем [1111, арк. 35]. Аднак на працягу наступных чатырох гадоў камісія так і не змагла знайсці адпаведнае месца, што прымусіла губернскія ўлады паўторна вярнуцца да гэтага пытання. Пасля чарговай няўдалай спробы дамовіцца з маёнткам кн. Паскевіча аб умовах абмену з горадам неабходнай для могілак зямлі каля фермы Малых Новікаў, што належыла кн. Паскевічу, напрыканцы 1884 г. гарадскія ўлады самастойна знайшлі такое месца. Як дакладваў пратаіерэй Р. Петрашэня, «поэтому Городская Дума, назначила комиссию из гласных для изыскания в окрестности города таких земель, на

которых можно было бы устроить кладбища и таковыя комиссия, по осмотре земель, нашла возможным устроить все кладбища – христианские, православное, католическое, и лютеранское и еврейское, за рекою Сожем, возле заставного при шоссе дома, в двух стах сажнях от гор. Белицы.» [11, арк. 7–9 адв.]. У далейшым яўрэйскія гласныя гарадской думы выказалі пажаданне адшукаць асобнае месца для сваіх могілак [11, арк. 22 адв.].

Аднак абранае для могілак месца за Сожам мела свае недахопы, на якія ўказваў пратаіерэй Петрашэнь: новая мясцовасць знаходзілася на вялікай адлегласці ад горада (5 вёрст); яна не была агароджана і памерлых прыходзілася хаваць, фактычна, у чыстым полі; сюды заходзіў скот; невядома, ці можна будзе капаць магілы патрэбнай глыбіні ў час веснавой паводкі (ужо пасля адкрыцця могілак ён адзначаў, што зямля тут – адзін сухі пясок і гэта прыводзіць да частага абсыпання ўжо выкапаных магіл, а паўторнае іх выкопванне асабліва цяжка накладваецца на людзей небагатых) [11, арк. 7–9 адв., 13–15 адв.].

Аднак, нягледзячы на пэўныя недахопы новаабранага месца, 13 снежня 1884 г. галасаваннем у Гомельскай гарадской думе было прынята рашэнне аб заснаванні новых гарадскіх могілак за Сожам, уздоўж шашы на Навабеліцу. Адпаведна, указам Магілёўскага губенскага праўлення ад 31 снежня 1884 г. у лісце гомельскага павятовага спраўніка да пратаіерэя Р. Петрашні было падкрэслена аб безумоўным закрыцці старых хрысціянскіх і яўрэйскіх могілак, размешчаных у цэнтры Гомеля [11, арк. 19, зв. бок].

Такім чынам, студзень 1885 г. стаў канцом выкарыстання трох старых гомельскіх гарадскіх могілак і дакладным пачаткам функцыянавання Навабеліцкіх Засожскіх могілак.

Указам Магілёўскай духоўнай кансісторыі ад 11 красавіка 1885 г. было зацверджана хадатайніцтва надворнага саветніка Фёдора Васільевіча Маляванскага аб пабудове ім на новаадкрытых Навабеліцкіх Засожскіх могілках за свой кошт капліцы [11, арк. 24 адв.]. І ўжо ў заяве на імя пратаіерэя Р. Петрашні ад 3 верасня 1885 г. Ф. Маляванскі адзначае, што капліца на могілках пабудавана і забяспечана ўсімі неабходнымі царкоўнымі прыладамі, якія ён набыў за свае грошы ў Кіеве. Гэтай жа заявай ён таксама настойліва прасіў асвятціць дадзеную капліцу ў гонар св. Вялікамучаніка Фёдора Цірона менавіта 15 верасня 1885 г. (што і было зроблена) [11, арк. 26 адв.]. Гэты ж факт падцверджваюць аўтары краязнаўчага нарыса «Горад Гомель» – «на кладбищах православных устроены церкви: на Засожском св. Феодора Тирона (деревянная) в 1885 г. на средства надв. сов. Феодора Малеванского ...» [5, с. 319].

Паводле вопісу, складзенага пратаіерэям Р. Петрашэнем для Магілёўскай духоўнай кансісторыі аб ахвяраваннях Ф. Маляванскага і аб іх кошце, капліца ўяўляла сабой «цэрковь деревянная на каменном фундаменте, ошелеванная тёсом и покрытая листовым железом, с покраскою как крыши, так и стен снаружи и внутри масляною краскою. Имеет в длину с Алтарем и притвором восемнадцать аршин а в ширину восемь с половиною аршин» коштам 2000 рублёў срэбрам і яшчэ 969 рублёў 75 капеек срэбрам было ім затрачана на ўсё ўнутранае начынне царквы (іканастас, кнігі, лампадкі, богаслужбовы посуд і г.д.) [11, арк. 50 адв. –51].

Рашэннем ад 20 сакавіка 1886 г. Гомельская гарадская дума абрала з свайго асяродку і згоды духавенства «на должность церковнаго Старосты к своей безприходской церкви, приписанной к приходу Петро-Павловской церкви сооруженной на вновь устроенном Православном кладбище, во имя Св. Феодора Тирона на трехлетие с 1 апреля 1886 года по 1 апреля 1889 года старостою надворного советника Феодора Васильевича Малеванского и кандидата по нем титулярного советника Ивана Яковлевича Дуганова» (пры гэтым Ф. В. Малеванскі быў храмаздацелям, а І. Я. Дуганаў – начальнікам шашэйнага застаўнага дома) [11, арк. 83 адв.].

У фондах Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі захоўваецца цікавы рапарт гомельскага каталіцкага дэкана Францыска Пятроўскага ад 31 мая 1910 г. у Магілёўскую рыма-каталіцкую духоўную кансісторыю, які быў зроблены для выканання цыркулярнага ўказу Кансісторыі ад 13 красавіка 1910 г. за № 4019 аб прадстаўленні копій з надпісаў, што знаходзяцца ў Гомельскім рыма-каталіцкім касцёле і на могілках на помніках. Дакумент мае назву «Буквальная копия с надписей находящихся в Гомельском римокатолическом костёле и на приходском кладбище Могилёвской губернии, Могилёвской Архиепархии» [10]. Акрамя двух надпісаў на касцёле, у рапарце пералічаны таксама пяць надпісаў на прыходскіх могілках :

«... На кладбище на памятниках находятся надписи следующие :
S.P.

1. Dziekan Banifacy Najniewicz wdzięczni parafijanie za 37 letnią pracą w Homelskiem kosciiele zmarł 1869 r.

2. Książd Bolesław Wojszwiłło były Kapelan szkół Homelskich umarł 1893 r. 28 Lutego Pokoj jego duszy.

3. Książdu Gregorowi Kiersnowskiemu od Homelskich parafijan 1897 r.

4. Anna z Osztorpow Zdziechowska Marszałkowa powiatu Mińskiego żyła lat 70 umarła 1878 r.

5. Dom pobożnego westchnienia Prosi Roża z Kozakiewiczow, Rawicz Kosińska.»

З тэксту дакумента лагічна вынікае, што ўсе пералічаныя надпісы знаходзіліся на помніках на адных і тых жа могілках («на приходском кладбище»). З гэтых пяці надпісаў да нашага часу захаваўся толькі адзін – надпіс на надмагільнай пліце ксяндза Баляслава Вайшвіллы, якая знаходзіцца менавіта на Навабеліцкіх могілках і яе тэкст амаль цалкам супадае з пададзеным у рапарце (у арыгінале – S.P. Ksiądz Bolesław Wojszwiłło Były kapelan szkół Homelskich Um. 1893 r. dnia 28 Lutego Pokoj duszy jego Zdrowaś Marya). З чаго можна зрабіць выснову, што «приходскія могілкі», узгаданыя ў рапарце, – гэта менавіта Навабеліцкія могілкі, і жыхароў Гомеля на іх пачалі хаваць не пазней 1869 г. (пахаванне дэкана Баляслава Найневіча). Да 1878 г. адносіцца пахаванне Ганны Здзехоўскай з роду Ашторпаў.

Аднак прыведзеныя вышэй дакументы аб часе і складанасцях адкрыцця новых Засожскіх могілак каля Навабеліцы ў 1884–1885 гг. пераканаўча сведчаць на карысць гэтай даты. Несупадзенне з дадзенымі паводле рапарта дэкана Ф. Пятроўскага 1910 г. можна патлумачыць тым, што ўказваючы надпісы змешчаныя «на кладбище» (адзіночны лік), кс. Пятроўскі адначасова падаў надпісы з дзвух могілак – старых і новых. Ускосна такая «неахайнасць» падцверджваецца і іншымі шурпатасцямі таго рапарту: ня гледзячы на назву «Буквальная копия с надписей ...» надпіс на помніку Б. Вайшвіле пададзены недакладна; пералічваецца ўсяго толькі 5 помнікаў, у той час як паводле натуральных абследаванняў нават на сёння захавалася не менш 36 помнікаў з надпісамі лацінскімі літарамі над пахаваннямі 1886–1909 гг. (а яшчэ існавалі ўжо зачыненыя каталіцкія могілкі ў квартале сучасных вуліц Леніна і Сялянскай са сваімі помнікамі). Мяркуючы па ўсяму, ведаючы, што рапорт ніколі не будзе правераны непасрэдна на месцы кс. Пятроўскі не праявіў і асаблівага імпэту ў яго выкананні.

Прыблізна адначасова з Засожскімі могілкамі на сучаснай вуліцы Савецкай былі адкрыты яшчэ двое гарадскіх могілак. Хрысціянскія могілкі былі адчынены каля фермы Малыя Новікі на сродкі і на зямлі казённых сялян, ад чаго за імі замацавалася назва «Новікаўскія сялянскія могілкі» (ужо 7 кастрычніка 1889 г. магілёўская духоўная кансісторыя выдала ўказ «... за № 8326 по делу о постройке часовни на Новиковском кладбище») [11, арк. 65]. Гэтыя могілкі знаходзіліся паміж сучаснымі вуліцамі Савецкай і Кірава, за будынкам сучаснага касцёла. Летам 2014 г. у час стварэння «Алеі герояў» на месцы гэтых могілак у зямлі быў знойдзены каменны помнік з надпісам на чэскай мове і датаваны 17 снежня 1885 г. – гэта сведчыць, што ўжо ад самага пачатку

гэтыя могількі былі змяшанымі праваслаўна-каталіцкімі. У той жа час на супрацьлеглым баку вуліцы Савецкай, унутры квартала паміж сучаснымі вуліцамі Галавацкага і Ландышава, былі адчыненыя яўрэйскія могількі (зараз на гэтым месцы стадыён універсітэта імя Ф. Скарыны).

Нягледзячы на наяўнасць некалькіх хрысціянскіх могілак у горадзе канца XIX ст., менавіта Навабеліцкія Засожскія могількі з'яўляліся самымі прэстыжнымі, элітнымі ў Гомелі таго часу. Аб гэтым сведчаць як ўспаміны старажылаў, так і вынікі іх натурнага абследавання.

Сярод выяўленых непасрэдна на могілках помнікаў можна адзначыць пахаванні шэрага вядомых людзей Гомеля канца XIX – пачатку XX ст. :

– Філонаў Міхаіл Мацвеевіч (1831–1.09.1897), каморнік (землямер) маёнтка князя Паскевіча. На помніку размешчаны надпіс «В память от князя Паскевича»;

– Саладоўнікаў Ануфрый Восіпавіч (12.06.1818 – 3.04.1891), наглядчык замка князя Паскевіча. На магільнай пліце надпіс – «В память от князя Паскевича»;

– Ляшук Фёдар Паўлавіч (памёр 3.07.1905) – калежскі саветнік, настаўнік матэматыкі і фізікі, а таксама класны кіраўнік і бібліятэкар у Гомельскай мужчынскай прагімназіі і гімназіі (скончыў курс у былой Галоўнай Варшаўскай школе са званнем магістра фізіка-матэматычных навук) [8, с. 30];

– Дзерангоўскі Баляслаў (19.04.1864 – 3.01.1903) – вядомы фатограф Гомеля канца XIX – пачатку XX ст., аўтар самых вядомых фотаздымкаў дарэвалюцыйнага Гомеля;

– Цюнцін Аляксандр Мікалаевіч (30.10.1839 – 13.07.1901), інжынер-тэхнолаг.

Два прадстаўнікі гарадскога чынавенцтва пачатку XX ст. :

– Калежскі саветнік Платкоўскі Міхаіл Пракоф'евіч (10.09.1839–27.04.1910);

– Стацкі саветнік Рэмідоўскі Мікалай Іванавіч (памёр 13.02.1914).

Пахаванні двух гомельскіх ксяндзоў :

– Баляслаў Вайшвіла, капэлян гомельскіх школ (гімназій), які памёр 28.02.1893 г.;

– і яшчэ адно, невядомае, мяркуючы па ўсяму, альбо ксяндза Рыгора Кярсноўскага, які памёр у 1897 г., альбо ксяндза Францішка Пятроўскага, які памёр у 1911 г. [1, с. 246–248].

Чатыры прадстаўнікі вядомага ў горадзе шляхецкага роду Крушэўскіх :

– Крушэўскі Ян (памёр у 14.09.1894 г. ва ўзросце 72 гадоў) і яго жонка Крушэўская Мар’я (памерла 29.03.1895 г. ва ўзросце 62 гадоў);

– Крушэўскі Адольф (15.06.1813 – 16.06.1891) – гарадскі галава (мэр) Гомеля ў 1870-я гг. [2, с. 47];

– Паўліна Зноска з Крушэўскіх (памерла 19.11.1906 г. ва ўзросце 77 гадоў).

– Два пахаванні салдат, што загінулі ў час Першай сусветнай вайны :

– Паручык Трусевіч Міхаіл Андрэевіч, «23 лет павший на поле брани 12 июня 1915 года»;

– Мацыевіч Іосіф Іосіфавіч, памерлы ад ран падпаручык 52-га Сібірскага стралковага палка «умер 22 лет от роду 22 августа 1917 года».

Выяўлены пахаванні з вядомымі старажытнымі шляхецкімі прозвішчамі Усходняй Гомельшчыны :

– Баляслаў Халецкі, памёр у 17.05.1901 г. ва ўзросце 70 гадоў;

– Станіслава Фашч, памерла 7.12.1906 г.

Акрамя гэтых двух названых можна адзначыць шматлікія пахаванні іншых прадстаўнікоў шляхецкіх радоў Усходняй Гомельшчыны – Драбышэўскіх, Шарэпа-Лапіцкіх, Караткевічаў, Плескачэўскіх, Шацілаў, Вяржбіцкіх, Кончыцаў, Кубліцкіх, Гатальскіх, Грамыкаў, Даўгялаў, Аношкаў, Ліпскіх і інш.

З пахаванняў другой паловы XX ст. варта адзначыць наступныя :

– Шчакудаў Анісім Фаміч (1889 – 1952) – гомельскі картограф, шырока вядомы як складальнік плана Гомеля 1910 г., прадстаўнік вядомай у Гомелі пачатку XX ст. стараабрадскай сям’і будаўнікоў, папличнік гомельскага архітэктара С. Шабунеўскага;

– Чачын Піліп Іванавіч (1912–1960), старэйшы лейтэнант міліцыі, удзельнік Вялікай Айчыннай вайны, загінуў 4.05.1960 г. пры выкананні службовых абавязкаў. У 1966 г. на ўшанаванне яго памяці была ўсталявана мемарыяльная дошка на будынку адзела ўнутраных спраў выканкама Цэнтральнага райсавета народных дэпутатаў (былая вул. Чачына, 2а). У Гомелі яго імём названа вуліца, якая зараз ужо не існуе [6, с. 66].

– Вольскі Іван Іпалітавіч (20.01.1888–2.01.1961) – вядомы ў даваенным Гомелі доктар;

– Два пахаванні экіпажаў стратэгічных бамбардзіроўшчыкаў Ту-22 з Зябраўкі, што разбіліся праз тэхнічныя няспраўнасці самалётаў :

– Пракофьеў Анатоль Васільевіч, Данілаў Міхаіл Міхайловіч, Вастроў Мікалай Фёдаравіч – 21.06.1963 г.;

– Бутаў Яўген Аляксеевіч, Бугроў Павел Міхайлавіч, Доўбыш Анатоль Пятровіч – 5.10.1967 г.

У кнізе «Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Гомельская вобласць» (Мінск, 1985) на Навабеліцкіх могілках таксама адзначана магіла Паньковай Алены Данілаўны – Героя Сацыялістычнай Працы, якая нарадзілася 8.05.1914 г. у г. Лунінец у рабочай сям’і, з 1935 г. працавала электразваршчыцай Гомельскага вагоннага дэпо, была членам КПСС з 1945 г., у 1960 г. за выдатныя поспехі ў выкананні вытворчых планаў ёй прысвоена званне Героя Сацыялістычнай працы, дэпутат Вярхоўнага Савета БССР з 1963 г. Памерла 8.11.1964 г. У 1977 г. на магіле пастаўлены абеліск [6, с. 65].

Таксама на могілках захавалася некалькі пахаванняў былых насельніц Чонкаўскага жаночага манастыра, пахаваных у другой палове XX ст.

Вялікую цікаўнасць уяўляюць самі надмагільныя помнікі канца XIX – пачатку XX ст., выкананыя з розных парод каменю, бятона, чугуна і жалеза. Сярод каменных помнікаў захавалася некалькі з пазначэннямі майстэрняў, якія іх вырабілі. Сярод такіх майстэрняў тры негомельскія – «А. Росси. Кіев» над пахаваннем 1895 г. (у 1870–1880-я гг. у магазіне італьянцаў Тузіні і Россі на Храшчаціку ў Кіеве заказваліся мармуровыя, гранітныя і лабрадарытавыя дэталі і для Уладзімірскага сабора Кіева і гомельскай капліцы-пахавальні Паскевічаў), «Н. Żydok. Warszawa» над пахаваннем 1906 г. і «Преемники А. С. Козлова В. Л. Гладков и В.А. Козлов за Тверской заставой в Москве» над пахаваннем 1905 г., а таксама дзве гомельскія – «Иванов, Гомель» (3 шт., над пахаваннямі 1910 і 1911 гг.) і «Витовтов, Гомель» (1 шт., помнік перароблены са старога ў 1950–1960-я гг., першапачатковы пахавальны надпіс збіты) [7, с. 27].

Узвядзеныя на могілках помнікі канца XIX – пачатку XX ст. можна класіфікаваць на 11 тыпаў. За асноўную класіфікуючую прыкмету была ўзята форма дамінуючай структурнай часткі помніка, якая і стварае выразны архітэктурна-мастацкі вобраз.

1. **«Абеліск»** – асноўная (найбольшая) частка помніка выканана ў выглядзе завужанага да верху слупа, блізкага да квадрату ў сваім сячэнні, пры гэтым вышыня абеліска больш чым ў два разы пераўзыходзіць шырыню яго аснавання (9 шт.).
2. **«Вертыкальная пліта»** – помнік у выглядзе вертыкальна пастаўленай плоскай пліты, пры гэтым адваротны бок можа мець розную меру апрацаванасці (2 шт.).
3. **«Гарызантальная пліта»** – ляжачы на зямлі помнік, верхняя паверхня якога (альбо абедзве) у выглядзе плоскай пліты.

Варыянт – гарызантальная пліта з асобна стаячым вертыкальным крыжам у яе галаўной частцы (14 шт.).

4. **«Абсечанае дрэва»** – помнік у выглядзе ствала дрэва з абсечанымі галінамі і такім жа крыжам на версе (16 шт. і 2 чугунных).
5. **«Калонна»** – помнік у выглядзе ордэрнай калоны рознай меры прапрацаванасці на прамавугольным пастаменце (2 шт, было 3).
6. **«Стэла»** – помнік у выглядзе паралелаграма розных прапорцый, верхняя частка якога уступамі звужаецца пад асаванне вянчаючага крыжа (35 шт.).
7. **«Каплічка»** – помнік блізкі да тыпу «Стэла», аднак адрозніваецца тым, што яго кубападобная асноўная частка накрыта выразным аб’ёмным прафіляваным карнізам (па ўсяму перыметру помніка) і дахам, над якім звычайна змешчаны крыж (9 шт.).
8. **«Скала-валун»** – асноўная частка помніка выканана ў выглядзе сіметрычна аформленай скалы, гары камянёў альбо падкрэслена грубаапрацаванага прыроднага валуна, на якіх на спецыяльна аформеным месцы змешчаны надпіс (12 шт.). Адрозніваецца ад тыпу помнікаў з неапрацаваных прыродных валуноў.
9. **«Прыродны валун»** – помнік з неапрацаванага альбо грубаапрацаванага валуна негеаметрычнай формы, на якім маглі змяшчацца надпісы ці крыжы (2 шт.).
10. **«Чугунныя плоскія крыжы»** – літыя з чугуна помнікі ў выглядзе плоскага з барэльефнай апрацоўкай крыжа (3 шт., было 5).
11. **«Каваныя крыжы»** – каваныя з лінейнага жалеза помнікі ў выглядзе карункавых крыжоў (некалькі дзясяткаў).

Сярод сёняшніх асаблівасцяў Навабеліцкіх могілак можна ўзгадаць ужо амаль поўную адсутнасць драўляных крыжоў. Асобна можна адзначыць наяўнасць капліцы-пахавальні ў каталіцкай частцы могілак, выкананай у выглядзе невялікага выцягнутага касцёла з крыжам над уваходам, і існаванне ў свой час некалькіх пахавальных склепаў, вядомых па ўспамінах. Вялікую даследчыцкую цікаўнасць ўяўляе пэўная колькасць захаваных каваных і літых агародж і крыжоў канца XIX – пачатку XX ст. – найбольш поўная ў Гомельскай вобласці калекцыя архітэктурнай металлапластыкі гэтага перыяду.

Важнае значэнне ў ваенна-патрыятычным выхаванні жыхароў Навабеліцкага раёна г.Гомеля адыгрывае мемарыяльна-вайсковы некропаль у паўднёвай частцы могілак. Па ўспамінах Галіны Баляславаўны Вастровай (1933 г. нар.) у жніўні 1941 г., адразу пасля захопу Гомеля немцамі, на гэтых могілках адбыўся бой, у выніку якога тут, сярод магіл, ляжала мноства забітых чырвонаармейцаў, якія, як можна меркаваць, прыкрывалі адыход Чырвонай арміі 19 жніўня 1941 г. Як узгадвала старажылка, забітых салдат было

«можа некалькі сотняў, недзе ступіць было, мы хадзілі і шукалі сярод іх сваіх цэлы дзень». Гэтыя ж вайскоўцы былі пахаваны тут жа, на Навабеліцкіх могілках, і як упэўнена інфарматар, на тым месцы, дзе пазней змясціўся вайсковы некропаль. Па ўспамінах А. І. Масюкевіч вайскоўцаў тут пачалі хаваць адразу пасля вызвалення Гомеля і гэты мемарыяльны комплекс змясцілі на месцы звычайных пахаванняў. Паводле даведніцкай літаратуры тут у 114 брацкіх і асобных магілах пахаваны 284 воіны, якія загінулі ў жніўні 1941 г. і лістападзе 1943 г. у баях за Гомель супраць нямецка-фашысцкіх захопнікаў, а таксама перапахаваны парэшткі савецкіх салдат, знойдзеных у час земляных работ на тэрыторыі Гомеля і Гомельскага раёна. У 1953 г. на могілках пастаўлены помнікі – скульптура воіна з вянком і 114 абеліскаў [6, с. 47; 4, с. 115]. Пазней скульптура воіна была заменена на помнік у выглядзе мемарыяльнай сцяны з выявай ордэна. 7 мая 2010 г. на тэрыторыі вайсковага некропаля быў адчынены памятны знак, прысвечаны падзвігу дзесяці вязняў сакрэтнага фашысцкага канцлагеру КЦ-4 на выспе Узедом у Германіі, дзе выпрабавалі ракеты ФАУ-2. Вязням атрымалася збегчы з лагера смерці «Пенэмюнде», пры гэтым яны змаглі ўгнаць нямецкі бамбардзіроўшчык «Хайнкель-111», на якім і пераляцелі лінію фронта. Сярод герояў-вязняў – ураджэнец Гомеля Уладзімір Немчанка. Да 65-годдзя Перамогі ўнук аднога з герояў арганізаваў выраб дзесяці такіх памятных знакаў, кожны з якіх усталявалі на радзіме герояў – у гарадах Саранску, Белай Калітве, Новакузнецку, Волагдзе, Гомелі, Ніжнім Ноўгарадзе, Данецку, Гульневічах, Гадзяхы, Славянску-на-Кубані [12]. Знешне памятны знак выглядае як стэла, на якой нанесены надпіс «Уцёкі з пекла», а таксама прозвішчы вязняў, намалюваны самалёт і вышка канцлагера.

Побач з вайсковым некропалям у 1950–1970-я гг. канцэнтравана пачалі размяшчацца пахаванні былых партызан і ваеннаслужачых Савецкай арміі, удзельнікаў Вялікай Айчыннай вайны. Сярод такіх можна адзначыць пахаванне камандзіра партызанскай брыгады «За Радзіму» Сінякова Рыгора Іванавіча (6.05.1903 – 29.03.1969), інжынера-палкоўніка Фёдарова Афінагена Паўлавіча (29.07.1895 – 22.10.1957) і шматлікіх іншых.

Па ўспамінах мясцовых жыхароў, яшчэ ў 1970-я гг. вучні школы № 18, размешчанай у Навабеліцы, да 9 мая і іншых святаў прыбіралі гэтыя вайсковыя пахаванні і прылеглую тэрыторыю. Пасля адбываўся ўрачысты воінскі салют – некалькі аўтаматных залпаў.

Няпросты лёс чакаў Навабеліцкія Засожскія могілкі ў антырэлігійным і тэхнакратычным XX ст. У адрозненні ад сваіх аднагодак, што змяшчаліся па вул.Савецкай у Гомелі (яўрэйскія і

Новікаўскія могілкі, заснаваныя таксама ў 1885 г.), гэтыя могілкі не былі знесены ці забудаваны. Але хваля антыгуманізма, у якой жыло савецкае (і постсавецкае) грамадства таго часу не абмінула і гэтае месца вечнага спачыну. Разрабаванне і знішчэнне помнікаў пачалося яшчэ ў міжваенны перыяд. Па ўспамінах Сухадольскай Ганны Афанасьеўны (1929 г. нар.) у 1930-х гг. у гомельскім судзе ішоў працэс над жанчынай-наглядчыцай за Навабеліцкімі могілкамі, якая таемна перапрадавала скульптуркі белых мармуровых анёлаў, скрадзеных ёю з каталіцкіх («польскіх») надмагілляў гэтых жа могілак.

Аднак найбольш вялікая хваля вандалізму, мяркуючы па ўспамінах А. І. Масюкевіч пачалася адразу пасля Вялікай Айчыннай вайны. У час натурнага абследавання могілак таксама былі выяўлены шматлікія факты мэтанакіраванага знішчэння старых помнікаў канца XIX – пачатку XX ст.: для ўсталявання металічных агародж на пахаваннях 1960-х гг. выломваліся старыя чугунныя і гранітныя помнікі на суседніх магілах, альбо шыльды са звесткамі пра пахаваных цэментам прымацоўваліся да чужога помніка і г.д. Асобны сум выклікаюць знаходкі асобных фрагментаў ад старых помнікаў, па якіх ўжо немагчыма высветліць ніякіх звестак аб калісьці пахаваных пад імі людзях. Часта сустракаецца і паўторнае ўжыванне старога помніка – на адным баку бачны збіты стары надпіс пачатку XX ст., а на супрацьлеглым – надпіс з датамі другой паловы XX ст. І тут ужо невядома з якіх менавіта могілак гэтыя помнікі былі перамешчаныя, з гэтых ці іншых. Асобная з’ява ў вандалізме на Навабеліцкіх могілках – раскопванне магіл. Менавіта такое зведала магіла былога гарадскога галавы Адольфа Крушэўскага яшчэ да сярэдзіны 1990-х гг., а склеп ягоных сваякоў Яна і Мар’і Крушэўскіх марадзёры ўскрывалі не менш трох разоў за апошнія 15 гадоў.

Пачатах XXI стагоддзя прынёс хвалю новых «тэматычных» марадзёрстваў. Усе элементы помнікаў, выкананыя ў канцы XIX – пачатку XX ст. з медзі і бронзы (масіўныя вячечныя крыжы, шыльды з датамі, распяці і абразкі) былі спіленыя яшчэ да сярэдзіны 1990-х гг.. У пачатку 2000-х гг. зніклі элементы з алюмінія і дзюраля (лопасць ад прапеллера на магіле маладога авіяаматара ды інш.). Пачатак 2010-х гг. адзначыўся татальным знішчэннем чугунных помнікаў і агародж на старых дарэвалюцыйных пахаваннях. Маніторынг апошніх пяці год дазваляе казаць пра знішчэнне каля двух дзясяткаў такіх помнікаў. Асобным шэрагам ідуць моладзевыя хуліганска-сатанінскія разбурэнні – выломванне, выкручванне і пераварочванне крыжоў, расколванне і абвальванне каменных помнікаў і г.д., якія паўтараюцца з сярэдняй перыядычнасцю ў пяць гадоў.

Праведзенае даследванне сведчыць, што Навабеліцкія Засожскія могілкі з'яўляюцца ўнікальным, але няўлічаным аб'ектам гісторыка-культурнай спадчыны Гомеля і Беларусі. Дадзеныя могілкі – адзінае захаванае месца спачыну вядомых гамяльчан канца XIX – пачатку XX ст. Вайсковы некропаль і яго мемарыяльнае афармленне сталі важнай часткай ушанавання памяці герояў і ахвяр Другой сусветнай вайны, а таксама патрыятычнага выхавання жыхароў Гомеля. Менавіта гэтыя могілкі змяшчаюць амаль усе захаваныя прыклады мемарыяльнай архітэктуры малых форм і архітэктурнай металапластыкі канца XIX – пачатку XX ст. у нашым горадзе, якія фіксуюць стылёвыя пошукі і разнастайнасць у мастацтве, а таксама непасрэдна ўвасабляюць складаныя гістарычныя працэсы таго часу. І гэта найбольш поўная ў Гомельскай вобласці калекцыя па названых відах дэкаратыўна-прыкладнога мастацтва, у пэўнай меры эталон для даследвання падобных помнікаў па ўсёй вобласці. Аднак сёння гэтае ўнікальнае для Гомеля і Гомельшчыны месца патрабуе тэрміновых захадаў для захавання і абароны ад знішчэння.

Спіс выкарыстаных крыніц і літаратуры

1. Васькоў У.І. Католікі на абшарах Панізоўя і Севершчыны : Гісторыя Гомельскага дэканата. Мінск : Про Хрысто, 2011. 360 с.
2. Виноградов Л. Гомель. Его прошлое и настоящее. 1142–1900. М. : Типография Н.Н. Шарапова. 1899. 48 с.
3. Гайба М.П. Могілки і пахаванні ў Навагрудку : краязнаўчы. Мінск : Пейто, 2000. 40 с.
4. Гомель : Энцикл. справочник / редкол. : И.П. Шамякин (гл. ред.) и др. Минск : БелСЭ, 1990. 528 с.
5. Жудро Ф.И., Сербов И.А., Довгялло Д.И. Город Гомель : географическо-статистический очерк // Записки Северо-западного отдела императорского Русского географического общества. Кн. 2. Вильна, Типография А. Г. Сыркина, 1911. С. 293–353.
6. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі : Гомельская вобласць / АН БССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору; рэд. кал. : С. В. Марцэлеў [і інш.]. Мінск : Беларуская Савецкая Энцыклапедыя імя Петруся Броўкі, 1985. 384 с.
7. Литвинова Т. Часовня-усыпальница князей Паскевичей в составе Гомельского дворцово-паркового ансамбля // Архитектура и строительство. 2010. № 2. С. 26–29.
8. Максимов И.П. Историческая записка о Гомельской шестиклассной прогимназии и отчет за 1885/6 учебный год. Гомель : Типография Ш. А. Фридланда, 1886. 60 с.

9. Сакалоўская А.С. Кальварыя. Мінск : Касцёл Св. Сымона і Св. Алены, 1997. 168 с.
10. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (далей – НГАБ) Ф. 1781. Воп. 5, Спр. 339. арк. 245–247.
11. НГАБ. Ф. 3022. Воп. 1. Спр. 79.
12. Рубрика «Память Победы»: памятники-obeliski «Побег из ада» [электронны ресурс]. URL:<http://my.mail.ru/community/pobeda70/multipost/8D09000026B9C001.html>. (дата обращения 15.01.2015)

УДК 94(476):614.26:615.89 «19/20»

У. А. ГАНЧАР

(УА «Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Ф. Скарыны»)

«ПРАФЕСІЙНАЕ» ЗНАХАРСТВА Ў БЕЛАРУСКІМ ПАЛЕССІ Ў XX – ПАЧАТКУ XXI СТАГОДДЗЯ

У артыкуле даследуецца функцыянаванне «прафесійнага» знахарства на тэрыторыі Беларускага Палесся ў XX – пачатку XXI ст. Паказваецца сувязь прадстаўнікоў вясковых спецыяльнасцей са сферай звышнатуральнага і раскрываюцца прычыны гэтай сувязі. У артыкуле прасочваецца знікненне «прыфесійнага» знахарства на тэрыторыі рэгіёну, пачынаючы з 1930-х гг. Робіцца выснова аб захаванні да нашага часу толькі асобных элементаў «прафесійнага» знахарства ў Беларускам Палессі ў XX – пачатку XXI ст.

Актуальнасць даследавання знахарства Беларускага Палесся абумоўлена яго існаваннем і ў пачатку XXI ст. Пры гэтым пэўныя аспекты дадзенай тэмы, напрыклад, сувязь знахарства са спецыялізаванымі заняткамі, якія існавалі ў традыцыйнай культуры Беларускага Палесся, а таксама характар гэтых сувязяў вывучаны ў недастатковай ступені.

Мэта работы – даследаваць функцыянаванне «прафесійнага» знахарства ў Беларускам Палессі ў XX – пачатку XXI ст. Крыніцамі для напісання наботы паслужылі матэрыялы палявых этнаграфічных даследаванняў аўтара, якія праводзіліся на тэрыторыі Беларускага Палесся ў 2004–20013 гг. [1], а таксама публікацыі матэрыялаў палявых этнаграфічных даследаванняў XIX – пачатку XXI ст. У літаратуры вышэйадзначаная тэма да нашага часу падрабязна не

вывучалася, і прадстаўлена пераважна артыкуламі, якія закранаюць некаторыя яе аспекты [напрыклад : 2].

Пад «прафесійным» знахарствам у рабоце маюцца на ўвазе распаўсюджаныя ў традыцыйнай культуры Беларускага Палесся ўяўленні аб наяўнасці ў некаторых катэгорый насельніцтва, у прыватнасці прадстаўнікоў розных спецыялізаваных заняткаў, знахарскіх ведаў, якія лічылі неабходнымі для выканання спецыялізаванай дзейнасці такіх людзей. На тэрыторыі Беларускага Палесся валоданне знахарскімі ведамі прыпісваі прадстаўнікам такіх спецыялізаваных заняткаў, як пастух, млынар, пчаляр, баба-павітуха, будаўнікі.

Прыпісванне ўсім пазначаным катэгорыям насельніцтва знахарскіх здольнасцей было звязана з традыцыйным светапоглядам беларускіх сялян, згодна з якім ідэалам, што, як лічылася, быў прадвызначаны Богам, з'яўлялася жыццё земляроба сярэдняга дастатку [3, с. 43; 4, с. 45]. Наяўныя рэсурсы лічыліся абмежаванымі, таму існавала меркаванне, што з'яўленне лішку чаго-небудзь у аднаго чалавека прыводзіла да недахопу гэтага ж у іншага [5, с. 113–114; 6, с. 56]. Для сялян было характэрна імкненне да роўнага карыстання наяўнымі рэсурсамі. Тых людзей, якія выбіваліся з агульнага шэрагу, у тым ліку і праз род сваіх заняткаў і (а таксама) матэрыяльны дабрабыт, часта надзялялі звышнатуральнымі ўласцівасцямі. Паколькі лічылі, што земляробства і роўнасць санкцыянаваныя Богам, паспяховасць людзей, асновай (ці важнай складаючай) жыцця якіх выступаў іншы занятак, часта тлумачылі іх кантактам з нячыстай сілай. Е. Р. Раманаў аб беларусах Гродзенскай губерні паведамляе наступнае : «Паспяховае паляванне на звяроў, рыбу, прыбытковое набыццё ці продаж каня ці быка без чорта не абыйдзеца. «Яму чорт грошы носіць», ці : «яму чорт памагае» з зайздрасцю кажа беларус аб сваіх заможных аднавяскоўцах» [7, с. 34].

Асноўнай магічнай здольнасцю пастухоў у Беларускім Палессі лічылі ўменне кіраваць статкам і ўтрымліваць яго. Так, Ч. Пяткевіч паведамляе : «Такога пастуха я ведаў у вёсцы Гарошкаў у 1869–1870 гады; звалі яго Дзед Цімох і казалі : «Ён умее весці худобу, бо мабыць нешто знае» [8, с. 54]. Гэта пацвярджаецца і матэрыяламі канца ХХ – пачатку ХХІ ст. Астаповіч Ганна Уладзіміраўна (1950 г.н., г. п. Лельчыцы Лельчыцкага раёна. Нарадзілася ў в. Лохніца Лельчыцкага раёна) распавядае : «*Бывае дажэ вот короў пасьцім, тры разы абыйду чэргу і обезацельна поговору, так во поговору, і тада ён не разбегаецца, шоб не погубіць вот кароў*» [1, арк. 18]. «Шаптуха» Дзенісенка Тамара Андрэеўна (1931 г.н., в. Чамярысы Брагінскага раёна) навучылася лячыць «ляк» ад

аднавяскаўца, які быў пастухом : *«Ну проста пастух. Ён тутака пас о тутака, о тутака, на балоце, ён прыходзіў да бацькі гуляць. Ну і от тое, ён кага : «У вас дзевачка, няхай навучыцца. Эта харошае дзела». Да і ўсе»* [1, арк. 120]. Валоданне пастухом знахарскімі ведамі віталі [9, с. 456–458], аднак не лічылі абавязковым для гэтага роду заняткаў.

Знахарскімі здольнасцямі надзялялі і млынароў. Е. Р. Раманаў прыводзіць наступную гісторыю, запісаную ў Гродзенскай губерні : *«Адзін млынар ведаў, як можна камень усцягнуць на млын. ... А быў тут іншы млынар, які ніяк не мог усцягнуць камень у свой млын, што ні рабіў. Паклікаў тады гэтага знахара, даў тры рублі, напайў гарэлкай, і не прайшло й гадзіны, як ён падняў жэрнаў на ветраны млын. А гэта ўсё ад таго, што ён ужо знае. Мяркуецца, што ўдачлівы млынар знаецца з нячыстай сілай»* [7, с. 74–75]. Ф. Віславух у сваіх успамінах аб Заходнім Палессі 1930-х гг. адзначаў наступнае : *«Млынары на вадзяных млынах лічыліся калі не чараўнікамі, дык прыцелямі чараўнікоў, таму з млынарамі ніколі не сварыліся»* [10, с. 483]. Адзін з інфармантаў А. К. Сержпутоўскага сцвярджае, што *«мельнік заўжды знахор. Каб ён не знаўса з нячыстаю сілаю, та не быў мельнікам, бо сам чалавек не можэ ўправіцца з млыном»* [11, с. 102]. Некалькі раней, у канцы XIX ст., М. А. Дзмітрыеў пісаў пра беларусаў, што *«чарадзеямі і знахарамі звычайна лічацца млынары і пчаляры»* [12, с. 262]. Неабходнасць валодання млынаром знахарскімі ўяўленнямі на тэрыторыі Беларускага Палесся фіксуецца таксама пазнейшымі запісамі [2, с. 62–68].

Знахарамі лічылі і многіх пчаляроў, асабліва калі тыя разводзілі пчол пасяхова. І. А. Сербяў у 1920-я гг. адзначаў, што *«ані адна з галін сельскай гаспадаркі не абстаўлена гэткай таемнасьцю і сеткай розных чарадзеяў, як пчалярства. Існуе шмат асобных дзеянняў і заговораў з мэтай аховы раёў ад хвароб, суроцы і патраты, але пранікнуць у таямніцу гэтых чарадзеяў чужому чалавеку зусім нельга. Кожны пасечнік з найвялікшым сэкратам трымае бацькаўскі наказ чарадзея і толькі перад сьмерцю перадае свайму сыну»* [13, с. 71]. Звесткі аб пчалярах-*«знахарах»* прыводзяць А. К. Сержпутоўскі [11, с. 87] і К. Машыньскі [14, с. 42]. У М. Федароўскага адзін з інфармантаў сцвярджае, што займацца пчалярствам без знахарскіх ведаў немагчыма : *«Каторы бортнік з імі [чартамі. – У.Г.] пазнаецца, то яны яму намагаюць : усё яму ручыцца, і дзе анно борць заложыць, так зараз пчолы прыляцяць. Каторы жа з імі не пазнаецца, то яму мёд выдзіраюць і так робяць, каб раі ўцякалі»* [15, с. 17].

Што тычыцца павітух на тэрыторыі Беларускага Палесся, то не ўсіх з іх адносілі да знахароў. Аднак на практыцы, як правіла, большасць з іх адначасова былі «шаптухамі» [16, с. 47, 51–52]. Гэта тлумачыцца характарам іх дзейнасці. На працягу ўсяго родавага перыяду павітухі выконвалі значную колькасць магічных абрадаў ахоўнага і лячэбнага характару, таму на гэтую ролю стараліся выбіраць менавіта «шаптух», дасведчаных у дадзеным пытанні. Пацвярджэннем іх ідэнтычнасці з'яўляюцца аднолькавыя полаўзроставыя абмежаванні: звычайна імі былі жанчыны, якія выйшлі з рэпрадукцыйнага ўзросту, што выражалася ў аднолькавай назве для «шаптух» і «павітух» – «баба». Кузьміч Фядора Мартынаўна (1923 г.н., в. Баландзічы Іванаўскага раёна) расказала, што калі яна нарадзілася, «бабушка», якая выконвала функцыі павітухі, прадказала яе лёс па зорках: *«А тоды бабушка заўяжа вона пупа, выйдуць, як зырно, чы так. Вона подывыцца, і гаворыць, вот хоця бы моей мамы: «Вот, – гаворыць, – Насця, ў тэбэ гэта дэвочка будэ годоватыса, вона, – гаворыць, – будэ помочная, вона будэмагаць Богу, потому што вона ўрождэна ў тэбэ такая»»* [1, арк. 98].

Існавала павер'е, згодна з якім «павітуха» можа быць і «знахаркай». Інфармантка з вёскі Аніскавічы Кобрынскага раёна паведамляе: *«Е такэя бабкі, которы хароші, а е, которы плохые. Е такая, што просіть по-хорошему – хрістітсья, молітсья: «Боже (ілі: Божа Матерь), поможі!» А е такая, што гаворіть: «Поможі, чорте, родыты, будэш по его [дзіця] смэрти в его тулубе ходыты!». З чого получается, што одін [памерлы] лежйт спокойно, а другой – ходыть? А значит, так прі родах одна просіт Бога, а другая – чорта»* [9, с. 463].

Знахарскія здольнасці прыпісваліся таксама будаўнікам, якія ставілі хаты. Лічылі, што яны могуць пакараць гаспадароў за дрэнныя адносіны да іх. Інфармант А.К. Сержпутоўскага адзначае: *«Калі хату будуюць чужыя людзі, та ім годзяць, як магуць, каб яны не ўдзеялі якога-небудзь ліха, бо, ведамо, што пры будове хаты варагі могуць залажыць на чыю хочуць голаў: гаспадара, гаспадыні, каго-небудзь з сям'і, гаўяда або цыркуна, або прусака. На каго заложыць, той і загіне. А залажыць трэа канешне, бо без таго загіне сам старшы цесля. Больш усяго закладваюць на голаў певуна, й хутко бяруць яго й жывым закапваюць у землю на том мейсцы, дзе будзе печ у новуй хаце»* [11, с. 118]. Аналагічныя звесткі ў другой палавіне ХХ ст. запісаны ў вёсцы Бостынь Лунінецкага раёна: *«От як робілі хату, пошчепілі подрубы і што-то там наколдовалі, так у том доме дэти ўміралі і жызьня була плохая. От як зробілі хату»* [17, с. 110].

На тэрыторыі Беларускага Палесся знахарскія здольнасці прыпісваліся таксама музыкам, ганчарам, паляўнічым, канавалам, жабракам, «атаманам» на смалакурні, злодзеям [9, с. 437–477; 11, с. 101, 103, 270]. Знахарскія здольнасці маглі прыпісвацца любому чалавеку, які меў пэўны спецыялізаваны занятак. Так, Ч. Пяткевіч канстатуе: «Яшчэ ў першай палавіне мінулага стагоддзя (XIX ст. – У.Г.) кожны майстар на смалакурні (атаман), паколькі ён нейкім чынам мае стасункі з чортам, лічыўся, у залежнасці ад умення пераконваць у сваёй чарадзейскай сіле, знахарам ці чараўніком» [8, с. 487]. Знахаром мог лічыцца любы паспяховы гаспадар. Як адзначае інфармант М. Федароўскага: «*Рэдка каторы багатыр з чортам не знаецца*» [15, с. 100]. Інфармантка з горада Хойнікі Хойніцкага раёна так апісвае «знахара»: «*У майго хазяіна быў дзед, дак у яго было тры сыны, і ён сільна знаў, сільна знаў, дык у яго было столькі пчол, што ніхто і не зачэпіць яго, а еслі зачэпіць, скажа ён, дык будзеш век калекаю поўзаць*» [18, с. 119].

Пачынаючы з 1930-х гг., у выніку трансфармацыі ладу жыцця насельніцтва у даследуемым рэгіёне, у тым ліку паступовым падзеннем попыту на паслугі сельскіх спецыялістаў, знікае і «прафесійнае» знахарства. Напрыклад, інфармантка з вёскі Олтуш Маларыцкага раёна падчас апытання ў 1977 г. адзначыла знікненне «знахароў» сярод цесляроў, якія будавалі хаты, што можна патлумачыць змяншэннем ролі традыцыйных рамёстваў і промыслаў у другой палове XX ст.: «*Майстры вобшчэ, гаворать от, тэпэр нэ гаворать, шо, значыць шо-нэбудь, а раньшэ... то закладають шо-нэбудь, о. Як бэрэмэнна жэнішчына забэрэненіе і ідэ, то от оні ужэ, кажэ, заложыть, шо шось-нэбудь, шо уродыть чудовыско. То раньшэ было вельмі іх мныго*» [17 с. 109]. Некаторыя кірункі знахарскай дзейнасці існуюць у трансфармаваным выглядзе. Напрыклад, з распаўсюджваннем у другой палавіне XX ст. практыкі нараджэння дзяцей у спецыяльных медыцынскіх установах функцыя «*баб-павітух*», многія з якіх адначасова былі знахаркамі, стала незапатрабаванай, што прывяло да іх знікнення. Аднак пэўныя элементы знахарскай абраднасці ў гэтай сферы працягваюць існаваць. Напрыклад, Касцючэнка Ніна Іванаўна (1944 г.н., в. Губічы Буда-Кашалёўскага раёна. Да 1986 г. пражывала ў в. Кулажын Брагінскага раёна) «*пашаптала*» сваёй суседцы на паспяховыя роды, перш чым тую забралі ў бальніцу: «*Ну, яна первага радзіла крэпка мучылас, а втарога, началісь схваткі, яна сразу ка мне прыбегла. Ну, яна быстра радзіла. Я яе па ета, яе сразу ў Буду і яна гатова, рас. Прыйшла ка мне напярод, а патам села ў машыну, паехала. І доўга ня мучылась*» [1, арк. 7].

Такім чынам, у традыцыйнай культуры Беларускага Палесся знахарства і традыцыйныя вясковыя промыслы былі цесна звязаныя. Гэтая сувязь грунтавалася на традыцыйных вераваннях аб размеркаванні рэсурсаў паміж людзьмі і спосабах, як гэтае размеркаванне можна змяніць. У выніку фактычна кожнага чалавека, які вылучаўся пэўнымі спецыялізаванымі здольнасцямі, з высокай доляй верагоднасці залічвалі ў «знахары». Адзіным выключэннем тут былі «*навітухі*», якіх пераважна адносілі да «*шаптух*». Пачынаючы з 1930-х гг., у выніку падзення попыту з боку насельніцтва на паслугі сельскіх спецыялістаў, паступова знікае і «прафесійнае» знахарства. У канцы ХХ – пачатку ХХІ ст. асобныя элементы «прафесійнага» знахарства захаваліся толькі моцна трансфармаваныя выглядзе.

Спіс выкарыстаных крыніц і літаратуры

1. Архіў Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Ф. 6. Воп. 14. Спр. 152.
2. Ненадавец А. М. Млынары як носьбіты чараўніцтва ў народнай свядомасці (паводле вуснапаэтычных матэрыялаў Піншчыны) // Вестник Полесского государственного университета. Сер. обществ. и гуманитар. наук. 2009. № 1. С. 62–68.
3. Христофорова О. Б. Колдуны и жертвы : антропология колдовства в современной России. Рос. гос. гуманитар. ун-т, Центр типологии и семиотики фольклора. М. : РГГУ : Объед. гуманитар. изд-во, 2010. 431 с.
4. Чернявская Ю. В. Белорусы. От «тутэйшых» к нации. Минск : ФУАинформ, 2010. 510 с..
5. Журавлев А. Ф. Доля // Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 томах / Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения и балканистики; под ред. Н. И. Толстого. М. : Междунар. отношения, 1995–2011. Т. 2 : Д-К (Крошки) / Т. А. Агапкина [и др.]. 1999. С. 113–114.
6. Седакова О. А. Тема «доли» в погребальном обряде (восточно и южнославянский материал) // Исследования в области балто-славянской духовной культуры : погребальный обряд : сб. ст.] / Акад.я наук СССР, Ин-т славяноведения и балканистики; отв. ред. : В. В. Иванов, Л. Г. Невская. М. : Наука, 1990. С. 54–63.
7. Материалы по этнографии Гродненской губернии : [в 2 вып.] / изд. Упр. Вилен. учеб. округа ; под редакцией Е. Р. Романова. Вильно : Рус. почин, 1911–1912. Вып. 1. 1911. 239 с.

8. Пяткевіч Ч. Рэчыцкае Палессе. Мінск : Беларускі кнігазбор, 2004. 670 с.
9. Народная демонология Полесья : публикации текстов в записях 80–90-х гг. XX века : в 4 т. / сост. : Л.Н. Виноградова, Е. Е. Левкиевская. М. : Языки славянских культур, 2010. (Studia philologica) Т.1 : Люди со сверхъестественными свойствами / сост. : Л.Н. Виноградова, Е. Е. Левкиевская. 2010. 648 с.
10. Памяць : Драгічынскі раён : гісторыка-дакументальныя хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі / уклад. С. А. Супрун; рэдкал. : Я. Я. Аляксейчык [і інш.]. Мінск : Камп'ютар.-выд. цэнтр «БелТА», 1997. 572 с.
11. Сержпутоўскі А. К. Прымхі і забабоны беларусаў-палешукоў / А. К. Сержпутоўскі ; навук. рэд. А. С. Фядосік ; прадм. У. К. Касько]. Мінск : Універсітэцкае, 1998. 301 с.
12. Дмитриев М. А. Собрание песен, сказок, обрядов и обычаев крестьян Северо-Западного края. Вильна : Печат. А. Г. Сыркина, 1869. 264 с.
13. Сэрбаў І. А. Вічынскія паляне. Матэрыяльная культура : этнаграфічны нарыс Беларускага Палесься. Мінск : Беларус. фонд культуры, 2005. 78 с.
14. Moszyński K. Polesie wschodnie : Materiały etnograficzne z wschodniej części b. powiatu Mozyrskiego oraz z powiatu Rzeczyckiego. Warszawa : Wyd-wo Kasy im. Mianowskiego, 1928. 304 s.
15. Federowski M. Lud białoruski na Rusi Litewskiej : materiały do etnografii słowiańskiej zgromadzone w latach 1877–1894 : w 3 t. Kraków : Wyd-wo Komisii antropologicznej akademii umiejętności, 1897–1903. Т. 1 : Wiara, wierzenia : przesady ludu z okolic Wołkowyska, Słonima i Sokółki. 1897. 510 s.
16. Сицинский А. А. Акушерская помощь в Минской губернии (1880–1889 гг.) : исследование доктора медицины А. А. Сицинского. СПб : Тип. П.П. Сойкина, 1893. 208 с.
17. Гура А. В., Терновская О. А., Толстая С. М. Материалы к полесскому этнолингвистическому атласу // Полесский этнолингвистический сборник : материалы и исследования / Акад. наук СССР, Ин-т славяноведения и балканистики; редкол. : Н.И. Толстой (отв. ред.) [и др.]. М. : Наука, 1983. С. 49–153.
18. Народная міфалогія Гомельшчыны : фальклор.-этнагр. зб. / уклад., сістэматыз., тэкстал. праца, уступ. арт., рэд. І. Ф. Штэйнер, В. С. Новак. Мінск : Нёман, 2003. 319 с.

ЗМЕСТ

Зеленкова А. И., Савинская М. П. Подготовка студентов-историков : этапы становления и развития исторического факультета (1944–1998 годы)	4
Зеленкова А. И., Савинская М. П. Георгий Саввич Евдокименко : историк, талантливый организатор и педагог	12
Дулов А. Н., Юрчак Д. В. Истфак Витебского государственного педагогического института имени С. М. Кирова накануне Великой Отечественной войны : воспоминания Г. С. Евдокименко	18
Лазько Р. Р. Аб накірунках уплыву на Беларусь расійскага крызісу 1917 года	27
Косов А. П. Политика США в отношении Китая в период президентства Д. Эйзенхауэра	36
Мязга М. М. Гісторыя польска-савецкіх адносін у даследаваннях С. Кутшэбы	43
Барсук А. Я. Міжканфесійная барацьба ў Рэчы Паспалітай : агляд гістарыяграфіі XIX стагоддзя	50
Чаропка С. А. Змены ў арганізацыі польскай і літоўскай армій пасля рэформы ў 70-80-х гадах XVIII стагоддзя	55
Корень Е. В. Инновационные и консервативные черты менталитета русской интеллигенции в исторической ретроспективе	61
Жихарев С. Б. Военнопленные центральных держав на частных металлургических предприятиях Юга России в период Первой мировой войны (по материалам протоколов Совета съезда горнопромышленников Юга России)	69
Бабков А. М. Деятельность Бахмачского уездэвака по реэвакуации беженцев и военнопленных Первой мировой войны в начале 1920-х годов	82
Ярмоленка А. С. «Украінскае пытанне» ў шматмоўнай культурнай прасторы (на прыкладзе творчасці Івана Франка)	88
Марченко О. В. Этапы формирования русской эмиграции в Германии в 1920–1939 годах	93
Капба Е. А. Причины и предпосылки межэтнических конфликтов в Закавказье в конце 80-х – начале 90-х годов XX века	100

Денисенко П. В. Лейтенант Пушкин – человек и корабль	104
Хайнак С. В. Армия Речи Посполитой в XVI веке : структура и организация	109
Каплиев А. А. Изменения в польской оборонительной стратегии в конце 1930-х годов	116
Самонова М. Н. Древнескандинавская традиция и летописная легенда о Рогволоде, Рогнеде и Владимире : к проблеме генеалогическо-династической дефиниции полоцких князей	122
Макушников О. А. К истокам Гомеля	129
Яценко О. Г. Музейные предметы как источник по истории культуры городского населения Беларуси конца XIX – начала XX века	136
Юрис С. А., Грищенко И. А. Гомельское православное братство : создание и деятельность на рубеже XIX–XX веков.....	143
Міхедзька В. А. Этнаканфесійныя і саслоўныя аспекты расійскай дзяржаўнай палітыкі ў Беларусі ў другой палове XIX – пачатку XX стагоддзя	154
Елизаров С. А. «Чистки» государственного аппарата в 1920-е годы в БССР как метод советской кадровой политики	162
Старовойтов М. И. Социальная структура городского населения БССР (1920–1930-е годы)	170
Абраменко М. Е. Принцип государственности в здравоохранении Беларуси : истоки и трансформации	177
Веремеев С. Ф. Достижения отечественных учёных в области изучения истории христианских конфессий в Беларуси в 1920–1930-е годы	184
Мурашка М. Н., Міхедзька В. А. Аднаўленне гаспадарчага жыцця на Гомельшчыне ў 1943–1945 гадах	191
Саўчык К. В. Этапы і асаблівасці заканадаўчага замацавання цывільна-прававога статусу рэлігійных арганізацый у БССР	199
Грабянчук І. В. Крыніцы па гісторыі Бабруйскага настаўніцкага інстытута ў фондах Бабруйскага дзяржаўнага занальнага архіва ..	205
Малікаў Я. Р. Навабеліцкія (Засожскія) могілкі Гомеля	210
Ганчар У. А. «Прафесійнае» знахарства ў Беларускім Палессі ў XX – пачатку XXI стагоддзя	223

Навуковае выданне

AD JUBILAEUM

Да 70-годдзя стварэння гістарычнага факультэта

Зборнік навуковых артыкулаў

У 2 частках

Частка 1

У аўтарскай рэдакцыі

Падпісана ў друк 23.07.2015. Фармат 60×84 1/16.

Папера афсетная. Рызаграфія. Ум. др. арк. 13,5.

Ул.-выд. арк. 14,7. Тыраж 30 экз. Заказ 483.

Выдавец і паліграфічнае выкананне:

установа адукацыі

«Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт

імя Францыска Скарыны».

Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вырабніка,
распаўсюджвальніка друкаваных выданняў № 1/87 ад 18.11.2013.

Спецыяльны дазвол (ліцэнзія) № 02330 / 450 ад 18.12.2013.

Вул. Савецкая, 104, 246019, Гомель.